

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2018

№ 27

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина; **Треушников М.К.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Шифиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Барнашов А.М.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Журавлев М.М.** – кандидат юридических наук, доктор философских наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования	5
Геймбух Н.Г. Вопросы конституционной реформы в Федеративной Республике Германия	23
Иванов И.В. Ситуационные аспекты изучения личности подозреваемого (обвиняемого) при проведении следственных действий с его участием	30
Мелюханова Е.Е. Использование методов теории полезности при назначении наказания в виде штрафа	38
Овчинникова О.Д., Шаганиян А.М. Юридические обязанности через призму теоретико-правового анализа положений Конституции Российской Федерации	46
Ондар Д.С. Учет диалектных особенностей речи тувинцев при производстве допроса и судебно-лингвистической экспертизы по делам о кражах из жилища в сельской местности в условиях компактного проживания отдельных этнических групп	56
Плаксина Т.А. Практика назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 111 УК РФ)	68
Прокументов Л.М. Статья 134 УК РФ нуждается в совершенствовании	80
Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявление в уголовном процессе	86
Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика Особой части	94

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Анисимов А.П. Экологически неблагоприятные территории в международном, зарубежном и российском праве: сравнительно-правовой аспект	109
Демидов Н.В. Обсуждение института увольнения работника по инициативе работодателя в науке трудового права 1990-х гг.	121
Липовских Н.В. О необходимости сохранения тайны усыновления	132
Самсонов Н.В. Источники гражданского процессуального права в дореволюционной России	138
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Andreev A.S. Behavior (activity) of those incidentally involved in a criminal event as a crime mechanism element: from articulation of a scientific problem to the results of research	5
Geymbukh N.G. The issues of constitutional reform in the Federal Republic of Germany	23
Ivanov I.V. Situational aspects of studying the identity of a suspect (defendant) under the investigative actions with his participation	30
Melyukhanova E.E. Use of the methods of the theory of utility when imposing a punishment in the form of a fine	38
Ovchinnikova O.D., Chaganian A.M. Legal obligation through the prism of the theoretical-legal analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation	46
Ondar Dolaana S. A consideration of features of tuvan dialects through interrogation and forensic-linguistic enquiry in cases of burglary in rural areas in specific conditions of livelihoods of different ethnic groups	56
Plaksina T.A. Practice of sentencing for intended grievous bodily harm without qualifying circumstances (Part I, Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation)	68
Prozumentov L.M. Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation needs improving	80
Sviridov M.K. Judicial authority and its manifestation in criminal trials	86
Sorokina A.V. The draft Criminal code of the USSR in 1939: general characteristics Special parts	94

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Anisimov A.P. Ecologically neglected territories in international, foreign and Russian law: comparative and legal aspect	109
Demidov N.V. Consideration of the institute of dismissal of the worker on the initiative of the employer in labor law of the 1990s	121
Lipovskikh N.V. On the problem of necessity to hold confidential information of adoption closed	132
Samsonov N.V. Sources of civil procedural law in pre-revolutionary Russia	138
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	149

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.98

DOI: 10.17223/22253513/27/1

А.С. Андреев

ПОВЕДЕНИЕ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) ЛИЦ, СЛУЧАЙНО ОКАЗАВШИХСЯ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПНОГО СОБЫТИЯ, КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТ ПОСТАНОВКИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ К РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье впервые в криминалистической науке отдельно исследуются проблема поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, и отражающие их закономерности. При исследовании поставленной темы использовался ранее практически не применяемый инструментальный системного криминалистического познания. Полученные новые системы знаний, теоретические положения призваны существенно дополнить и развить криминалистическую науку.

Ключевые слова: криминалистика, предмет, закономерности, механизм преступления.

Актуальность статьи. Современное развитие государства и общества сопровождается признанием прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Поэтому проблемы охраны жизни, здоровья и неприкосновенности личности приобретают особую актуальность и вызывают необходимость всесторонней их проработки. Уголовная политика и законодательство России декларируют защиту жизни, здоровья и неприкосновенности человека. В этой связи состояние корыстно-насильственной преступности и эффективность борьбы с ней становятся важными индикаторами нравственной и социальной зрелости общества, способности государства и его структур выполнять продекларированные обязательства [1].

Однако приходится констатировать распространенность тяжких насильственных преступлений в России за последние 25 лет, о чем свидетельствуют как динамика количественных показателей, так и негативные качественные изменения [2].

Закономерности и тенденции развития современной преступности связаны с эффективностью и оптимизацией всей правоприменительной системы, в том числе и деятельности органов внутренних дел. В этой связи следует отметить, что в настоящее время субъекты раскрытия и расследо-

вания преступлений работают в сложной обстановке, которая обусловлена тем, что в последние годы постоянно возрастала нагрузка, превысив в два и более раза научно обоснованные нормы [3, 4].

Одним из обстоятельств (как препятствующих, так и способствующих), влияющих на раскрываемость тяжких насильственных преступлений, являются наличие (или отсутствие) и содержание поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события.

Несмотря на то что вопросы поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, и закономерности, составляющие такое поведение, более 30 лет включаются в механизм преступления, они ранее самостоятельно и отдельно в криминалистике не исследовались. Познавательная ситуация в науке криминалистике при изучении поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, характеризуется рядом вопросов, неточностей, противоречий, отсутствием разработок теоретического и прикладного характера.

Указанные обстоятельства определили актуальность и значимость темы исследования, часть результатов которого представлена в рамках данной статьи.

Объектом исследования в статье выступили явления, процессы и ситуации докриминальной, криминальной, посткриминальной действительности, вызванные поведением лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, связанных как с преступной деятельностью, так и с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

Гипотеза исследования – наличие фактов повторяемости и типичности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, дает возможность изучать закономерности объективной действительности, входящие в предмет криминалистической науки.

Предмет – закономерности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события.

Цель – выявление ранее не изученных закономерностей поведения лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события (криминальный и посткриминальный периоды).

При исследовании поставленной гипотезы использовался ранее практически не применяемый инструментарий системного криминалистического познания, а именно:

а) по специально разработанной анкете нами исследованы 127 видео-эпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений (запечатленных видеосъемками наружного наблюдения, видеорегистраторами, мобильными телефонами, беспилотными летательными аппаратами [5–7] и другими средствами фиксации);

б) опрошены 500 граждан Южного федерального округа России, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца;

в) проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления;

г) проанализированы 100 уголовных дел по тяжким преступлениям корыстно-насильственного характера.

По нашему мнению, конструирование такого инструментария познания позволяет ученому-криминалисту наиболее полно и детально исследовать события как криминального, так и посткриминального характера [8] применительно к большинству актуальных проблем теории и практики криминалистики¹.

Автором статьи к познанию объектов криминалистического исследования и закономерностей изучаемого поведения лиц применялись следующие *подходы*: деятельностный [9], ситуационный [10], системный [11] и синергетический.

Методологией исследования выступили положения диалектического материализма, теории отражения, теории улик поведения, теории хаоса и ряда других.

Статья состоит из введения (актуальность, объект, гипотеза, предмет, методы, подходы и методология исследования, структура), основной части (обзор и выход на познавательную проблему, исследовательская часть, выводы и рекомендации) и заключительной части.

Обзор и выход на познавательную проблему. Содержание криминалистической науки в целом и частных криминалистических учений в частности предопределено спецификой объекта познания.

С позиций философии, в понимании объекта теории можно выделить реалистический, номиналистический, логико-методологический аспекты.

В философской и науковедческой литературе достаточно подробно подвергнуты критике реалистический и номиналистический аспекты. Криминалистическое же понимание объекта теоретического знания связано с логико-методологическим аспектом.

В системе криминалистических знаний диалектический метод познания преступной и посткриминальной действительности является основополагающим на протяжении многих десятилетий.

Одним из постулатов логико-методологического подхода является то, что объекты познания не наблюдаемы. В связи с чем одним из первых философских вопросов, который может возникнуть при исследовании объекта криминалистического познания, является: не теряют ли статус теоретического знания те объекты (преступная и / или посткриминальная действительность в их криминалистическом аспекте), которые ранее были не наблюдаемыми, а теперь, благодаря развитию научно-технического прогресса в информационном обществе и цифровой экономике, становятся наблюдаемыми (например, онлайн-трансляции СМИ в режиме реального времени, видеокамеры, ютуб-каналы, мессенджеры, системы «Безопасный город» и т.д.).

¹ Отметим, что опрос лиц, отбывающих наказание по тяжким и особо тяжким преступлениям, не дал достоверных результатов, применительно к поставленной цели и задачам исследования в рамках статьи, и поэтому не представлен нами в данной работе.

Для криминалистики решение данного философского вопроса, учитывая особенности раскрытия и расследования преступлений (в том числе в некоторых случаях и судебного рассмотрения), в которых реализуются эти знания, а именно борьба с преступностью, возможно по следующим направлениям:

- включение виртуальной и дополненной реальности в объекты познания криминалистики;
- разработка методологических регулятивов допущений наблюдаемых процессов, явлений в криминалистике;
- выявление, систематизация, дальнейшее изучение наблюдаемых и ненаблюдаемых явлений и закономерностей преступной и / или посткриминальной действительности.

Считаем, что изучение объектов криминалистического познания и привлечение предметных закономерностей особо актуальны по тем направлениям, которые носят лакунарный характер (черные дыры, белые пятна). К примеру, это поведение лиц, случайно оказавшихся на месте происшествия, улики поведения в виртуальной среде, онлайн-трансляции мессенджеров, посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью.

Закономерности механизма преступления как сегмент предмета криминалистики рассматриваются более 30 лет.

В криминалистической науке проблемам механизма преступления и его закономерностей посвящены работы известных российских ученых-криминалистов А.Н. Васильева, А.В. Варданяна, И.А. Возгрина, Р.С. Белкина, А.Ю. Головина, З.И. Кирсанова, Ю.Г. Корухова, А.С. Князькова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, С.И. Цветкова, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и ряда других. Применительно к теме статьи особо отметим успешно защищенное исследование А.М. Кустова на уровне докторской диссертации «Криминалистическое учение о механизме преступления» (цит. по: [12]).

Зарубежный обзор и научно-тематический анализ юридической литературы показал многогранность подходов и аспектов проблемы, определенной нами в статье. В подтверждение отметим ряд авторов и их идей как концептуального, так и прикладного характера: Kelly Frailing исследовала криминологические аспекты поведения человека в бедствиях (ураганы Хьюго и Катрина) и при совершении преступлений, которые произошли по следам этих штормов, что требовало от автора иных методов для объяснения поведения лиц в таких условиях и дало направление для дальнейших научных объяснений [13]; Rick Ruddell отмечает, что бум растущих городов вызывает намного более высокий объем и тяжесть преступлений, чем в других, этим обусловлено изменение в распределении преступности на современном этапе; автором раскрывается природа конфликта и поведения (в том числе и посткриминальный период) сообщества (между вновь прибывшими и местными жителями) и группы жителей [14]; Anastasia Powell изучила сексуальное насилие в цифровой век и поведение отдельных лиц до и после его совершения [15]; Marc Jonathan Blitz иссле-

дует проблему Пятой поправки и дачи невыгодных для себя показаний. При этом нейроотображение поднимает сформулированную проблему (не имеющую простого ответа) наличия в законе о Пятой поправке двух взаимоисключающих подходов, потому что выступают в посткриминальной действительности и как заявление свидетеля (или «свидетельство»), и как вещественное доказательство (кровообращение, артериальное давление или другие физиологические процессы) [16]; Ronn Johnson исследовал те или иные виды поведения для глубокого понимания особых процессов, которые объясняют конкретный вид использования оружия юными членами банд [17]; Katina Michael рассматривала особенности поведения осведомителей при раскрытии и расследований киберпреступлений [18]; David C. Gray, Stephen E. Henderson, Alex Marthews и Catherine Tucker рассмотрели проблемы онлайн-наблюдения как фактор, воздействующий на поведение тех или иных лиц, в том числе случайно попавших под такое наблюдение в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина, а также вопросы отслеживания местоположения по делам о терроризме и киберпреступности [19].

Поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент системы механизма преступления введен профессором Р.С. Белкиным в 1986 г. [20].

Криминалистические вопросы поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент системы механизма исследованы А.М. Кустовым (1997 г.), который в диссертационном исследовании отметил, что «в состав элементов механизма преступления (его основную часть) следует включить действия и поступки лиц, оказавшихся косвенно, часто случайно, связанных с преступным событием».

М.А. Берестнёв [21] выявил, что в 88,8% исследованных по уголовным делам случаев разбойных нападений, совершение преступлений сопровождалось физическим и насилием над потерпевшим, в том числе случайно оказавшимся на месте преступления лицами.

Ю.Б. Лебедева [22] и А.Н. Мартынов [23] занимают позицию, аналогичную позиции Р.С. Белкину [24].

На наш взгляд, познавательная ситуация в науке криминалистике при изучении поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, характеризуется рядом вопросов, неточностей, противоречий, отсутствием разработок теоретического и прикладного характера, а именно:

1. Имеются ли (и какие) закономерности поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

2. Наличие противоречия между традиционным двуединым объектом и предметом криминалистики (закономерностями механизма преступления и закономерностями, связанными с преступлениями в до- и посткриминальный периоды).

3. Необходимо изучать по структуре действия и поступки лиц, случайно оказавшихся на месте преступления; поведение или деятельность.

4. Наличие и характер связи с другими элементами механизма преступления.

5. Содержание субъекта данного вида поведения: очевидец и / или потерпевший. Периоды и содержание такой деятельности.

6. Каковы соотношение связи «жертва – преступник» и поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

7. Язык криминалистики по отношению к поведению лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, содержит неточности, неясности, противоречия.

8. Не установлен характер влияния поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на содержание криминальных и посткриминальных ситуаций, исходных следственных ситуаций (в том числе и на тактику проверки сообщения о преступлении).

9. Существует проблема выявления материальных следов поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и формирования идеальных следов у таких участников.

10. Вопросы получения новых систем криминалистических знаний.

Как было отмечено во введении, для разрешения данной познавательной ситуации нами по специально разработанной анкете исследованы 127 видеоэпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений; опрошены 500 граждан Южного федерального округа РФ, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца; проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления; проанализированы 100 уголовных дел по тяжким преступлениям корыстно-насильственного характера.

Исследовательская часть. По специально разработанной анкете исследованы 127 видеоэпизодов резонансных тяжких насильственных преступлений.

По изученным видеоэпизодам 34% составляют групповые тяжкие насильственные преступления, т.е. несмотря на тяжесть и вид преступления, организованность, групповой характер и подготовку в ряде ситуаций, случайное появление тех или иных лиц существенно влияет на изменение механизма тяжких насильственных преступлений, процессов возникновения следов, исходных следственных ситуаций (в сторону очевидности, благоприятности, конфликтности), тактики проверки сообщения о преступлении.

Количество лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события на месте происшествия, в различные периоды неодинаково: в докриминальный период – в среднем 1,2 чел.; криминальный – в среднем 1,6 чел.; посткриминальный период – в среднем 3,2 чел. Специфика изученных нами тяжких насильственных преступлений заключается в том, что 100% – это очевидцы, поскольку потерпевший и так находится на месте преступления, хотя мы не исключаем возможности

случайного появления потерпевшего и вызванного этим фактом его поведения. По данной категории поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, в количественном соотношении наиболее часто проявляется в посткриминальный период.

Изученные эпизоды, как правило, включают способы тяжкого насильственного преступления: заранее подготовленный характер – 41%, без подготовки – 53% (в 6% случаев не установлено); с наличием сокрытия тяжкого насильственного преступления – 48% и без такового – 24% (в 28% случаев не установлено). Исследованные эпизоды протекают от 5 секунд до 1,5 часов. Среднее время эпизода составляет 5 минут 57 секунд (криминальный период – 1 минута 5 секунд, посткриминальный – 4 минуты 52 секунды). Совершены на открытой местности 66% изученных эпизодов. В вечернее и ночное время совершено 65% изученных эпизодов. В 9% случаев тяжкое насильственное преступление совершено в условиях полной неочевидности (например, обнаружение очевидцами трупа). Очевидцы наблюдают в 71% (наибольшее количество) на расстоянии от 3 до 7 метров; 23% – на расстоянии более 7 метров; 6% – на расстоянии от 1 до 3 метров. Таким образом, лица, случайно оказавшиеся участниками (активными и пассивными) тяжкого насильственного преступления, в большинстве случаев воспринимают в полном объеме не только механизм преступления, но идентификационные признаки виновных, места нахождения материальных следов, у таких лиц возникают идеальные следы.

Активность поведения (деятельности) изучаемых лиц в различные периоды неодинакова: в докриминальный период – в 92% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются; в криминальный период – 64% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются; в посткриминальный период – в 31% случаев, как правило, только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются. Таким образом, с каждым из этапов на треть в процентном соотношении изменяется поведение лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события тяжкого насильственного преступления. Оно превращается и видоизменяется от наблюдения на расстоянии к препятствованию совершению, собственному бегству с места преступления, вызову «подмоги», оказанию помощи потерпевшему, вызову скорой помощи и полиции, установлению лиц, совершивших преступление, материальных следов, и сами лица становятся носителями идеальных и создателями виртуальных следов. Например, после убийства бывшей жены и огнестрельного ранения тестя Сергеем К. на трассе Ростов–Таганрог, последний скрылся на автомобиле, а проезжающие водители вызвали скорую помощь, полицию и остановили проезжающий медицинский экипаж для оказания первой неотложной помощи. В процессе ожидания лица, случайно оказавшиеся на месте убийства после его совершения, также установили, кто со-

вершил и каким способом, особо тяжкое преступление. «Это бывший муж моей дочери! Застрелил из пистолета, но есть и ружье», – из отрывка видеозаписи раненого тестя, полученного на мобильный телефон (эксплуатационный из Ростова-на-Дону добывал жену и тестя в упор на глазах у очевидцев, ntv.ru). Отметим, что процесс формирования следов по данному преступлению не окончился на месте убийства. Так, на одном из сайтов, спустя определенное время, появились следующие комментарии. «Я остановился третьим или четвертым по счету и пошел смотреть, могу я помочь или нет. В первый момент я подумал, что человека сбили, но потом увидел выходные отверстия от пуль. Мужчина лежал под углом 45 градусов к машине и слабо шевелился. Возле него уже было 2 человека. Примерно через минуту он начал более активно себя вести, видимо, стал приходить в сознание. В это время по трассе в сторону Ростова проезжала скорая, везла женщину в больницу. Мы остановили ее, и врач из скорой начала оказывать первую помощь. Примерно через 5 минут приехал наряд ДПС вместе с еще одной скорой, еще через 2 минуты наряд ППС. Пострадавший, до того как его увезли, назвал на телефон одному из очевидцев имя и фамилию стрелявшего. Он его знал. Я уточнил у полиции, нужны ли мои показания. Они сказали, что хватит показаний того, кто остановился первым»².

При этом поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события тяжкого насильственного преступления, выражается как в форме посткриминальных переживаний и поступков, вызванных преступной деятельностью (хватание за голову, крики, закрытие глаз и т.д.), – 39% случаев [3], так и деятельностью в отношении: виновного и связанных с ним лиц – 29% случаев (уговоры, крик, воспрепятствование совершению), жертвы – 57% (помощь, уговоры), собственных интересов и безопасности – 74% (попытка скрыться), по фиксации и сообщению о совершении общественно опасного деяния с помощью средств сотовой связи – 62%.

Нами проведено изучение мнения путем опроса более 500 граждан Южного федерального округа РФ, участвовавших на месте преступного события в качестве потерпевшего и / или очевидца.

Из опрошенных очевидцев 388 человек указали, что действовали на месте преступления 425 виновных и связанных с ним лиц, 377 жертв и 986 других очевидцев, которые так или иначе реализовывали исследуемое нами поведение. Отдельно указанный вопрос нами рассматривался ранее, в рамках настоящей статьи нами представлен ряд значимых результатов и выводов проведенного опроса, полученный в ходе анализа статистических данных.

Так, из 161 опрошенного очевидца 115 человек наблюдали воздействие на жертву или очевидцев, а 46 были подвергнуты воздействию со стороны преступников и связанных с ним лиц.

² Более подробно см.: https://pikabu.ru/story/v_rostove_byivshiy_politseyskiy_zastretil_byivshuyu_zhenu_5185408.

Были отмечены следующие способы посткриминального воздействия на жертву и очевидцев: подкуп, задабривание – 36 (22,36%); уговоры – 12 (7,45%); угрозы убийством и нанесением телесных повреждений – 35 (21,74%); запугивание – 67 (41,6%).

Посткриминальное воздействие осуществлено: виновным – 83 раза, родственниками виновного – 36; знакомыми виновного – 42 раза.

Позитивное посткриминальное поведение традиционно проявляется на месте происшествия среди очевидцев и жертв.

Наиболее безразлично к преступной деятельности относятся очевидцы (56%) и ведут себя безучастно на месте преступления после его совершения либо их поведение носит уликовый характер.

Поведение отдельно взятого очевидца на месте преступления в посткриминальный период может содержать в себе прямо противоположные, а иногда и алогичные действия и поступки.

Типовой моделью посткриминального поведения очевидцев и других лиц (чуть менее 50% случаев) является проявление контрдействий и поступков: позитивное поведение – противодействие расследованию. Посткриминальное поведение лиц взаимосвязано с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

Особо отметим, что очевидцы в 45,36% наблюдали прибытие сотрудников полиции (из 388 – 176 чел.). Очевидцы указали, что знали в 48,5% случаев, куда скрылся виновный (65 из 134 лиц): а) домой (41 чел.); б) к знакомым (8 чел.); в) в места досуга (5 чел.); г) в другую местность (11 чел.). Из них 176 очевидцев были опрошены 144 чел. (81,8%) прибывшими на место сотрудниками полиции. При этом оставшиеся 212 очевидцев, которые не наблюдали прибытие сотрудников полиции, были опрошены в 59 случаях (27,8%). Из 388 очевидцев, находившихся на месте преступления, сотрудниками полиции были опрошены 203 чел. (52,3%). Из 185 неопрошенных очевидцев на месте преступления 48 были допрошены в качестве свидетеля (25,9%). Из 169 опрошенных жертв заявили о совершении преступления 114 чел. (67,45%), из них находились на месте преступления до прибытия сотрудников полиции 96 чел. (84,2%) [24].

Проинтервьюированы 73 субъекта расследования преступлений, прибывших на место события преступления.

Опрос следователей, дознавателей, оперуполномоченных уголовного розыска проведен нами в Южном федеральном округе с 2016 по 2017 г. (n = 173).

Полученные результаты показали, что в 72% случаев данные субъекты сталкивались в практической деятельности с понятием «механизм преступления», а на поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, как элемент механизма преступления указали только 18% респондентов. Для сравнения отметим, что А.М. Кустов, ранее исследовавший данные вопросы, с 1998 по 2004 г. получил более высокие процентные показатели: 90 и 22,8% соответственно.

При этом в ходе опроса 92% респондентов отметили, что при проверке сообщения о преступлении поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, существенно влияет на тактику проведения проверки такого сообщения. На отсутствие необходимых криминалистических разработок по воздействию на поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, обнаружение материальных следов, проблемы идентификации по идеальным следам указали чуть более половины респондентов (51%).

Изучение уголовных дел о тяжких насильственных преступлениях. В процессе исследования по специально разработанной анкете были изучены 100 уголовных дел о тяжких и особо тяжких насильственных преступлениях, рассмотренных судами Ростовской области.

В среднем на одно исследованное уголовное дело приходится 1,62 эпизода, 24,3% изученных случаев представляют собой эпизоды особо тяжких преступлений.

Результаты проверки позитивного посткриминального поведения использовались в дальнейшем расследовании в 94% случаев; использовались не в полном объеме в 6% случаев.

В результате проверки позитивного посткриминального поведения получены исходные данные для определения тактики отдельных следственных действий, которые использовались:

- при задержании соучастников преступления – 2,7%;
- допросе явившегося с повинной – 23,8%;
- допросе свидетелей – 14,6%;
- допросе потерпевших – 13,2%;
- допросе соучастников преступления – 17%;
- проведении очной ставки – 7,5%;
- производстве обыска – 14,2%;
- производстве других следственных действий – 7%.

Выводы и рекомендации. Результаты проведенного исследования в рамках данной статьи позволяют сделать следующие выводы и дать рекомендации теоретического и прикладного характера:

1. Обзор и научно-тематический анализ юридической литературы показал палитру и архитектурное многообразие научных исследований поведения лиц, так или иначе связанных с преступностью (в том числе и оказавшихся на месте преступного события случайно).

Мы считаем, что в преступной и посткриминальной действительности, как части социальной действительности, существует достаточно специфическая, ранее отдельно не изучавшаяся учеными-криминалистами группа закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

Случайность появления очевидца и / или потерпевшего на месте совершения в до-, криминальный и посткриминальный периоды не означает отсутствия в их поведении (деятельности) определенных закономерностей,

имеющих криминалистическое значение. «Случайность» поведения (деятельности) лиц, оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события – это свойство, критерий, отношения элемента системы, очерченные конструктом «механизм преступления». Сказанное означает, что случайность (случайное) относится только к процессу появления, вовлечения лиц в пространственно-временном отрезке преступного события, в этом смысле лица случайно оказываются участниками (активными и пассивными) преступного события, но дальнейшее их поведение закономерно, хотя иногда носит хаотичный и неосознанный характер [3]. При этом использование такого термина, как «случайное», хотя и выступает как исторически сложившееся словосочетание, но при этом носит условный характер, поскольку является проявлением закономерностей социальной действительности, обусловленных явлениями и процессами, не связанными с механизмом преступления и другими криминалистически значимыми проявлениями. Таким образом, такой исторический подход и некоторая условность «случайности» для криминалистической науки не лишают возможности познания новых закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и, основываясь на таком познании, необходимо разрабатывать криминалистические приемы, средства и методы, что соответствует задачам науки и ее предмету.

2. Нами отмечалась проблема наличия противоречия между традиционным двудейным объектом и предметом криминалистики (закономерностями механизма преступления и закономерностями, связанными с преступлениями в до- и посткриминальный периоды).

Структура объекта криминалистической науки представляет собой, с одной стороны, преступную деятельность; посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью; а с другой – деятельность по раскрытию и расследованию преступлений (а в некоторых случаях – и деятельность по судебному разбирательству) [24, 25].

3. Считаю, что более точным будет использование термина «поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события». При этом, на наш взгляд, нет необходимости изменять с лиц, «случайно оказавшихся» (по Р.С. Белкину) на «косвенно оказавшихся, часто случайно» (по А.М. Кустову), как участников преступного события, поскольку это носит исключительно этимологический и семантический аспект проблемы.

4. Исследование подтвердило наличие и характер связей с другими элементами механизма преступления, что требует их дальнейшего познания.

5. Субъект данного вида поведения в широком смысле – очевидец и (или) потерпевший, в узком – только очевидец. Периоды и содержание их деятельности требуют изучения применительно к отдельным видам и группам преступлений.

6. Связь «жертва – преступник» включает как часть проблемы поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события.

7. Криминалистика в целом и отдельно взятое криминалистическое учение (теория) в частности выступают как теоретическая система знаний, соподчиненная законами диалектики с криминалистическими категориями, понятиями, терминами и суждениями. Частные криминалистические теории, как и любые другие научные теории, обладают собственным понятийным аппаратом, т.е. языком теории (учения). Для опредмечивания явлений, процессов преступной и / или посткриминальной действительности описание криминалистических закономерностей, образующих предмет науки или частной теории (учения), для решения других задач криминалистики, создается и используется язык науки.

Язык криминалистики практически не отражает или носит второстепенный характер в основных категориях, терминах и понятиях по отношению к поведению лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, что особенно проявляется применительно к кризису криминалистической характеристики преступлений, механизма преступления, соотношения способа совершения и способов сокрытия преступлений и в целом противодействия расследованию, как и ограничивает возможность познания посткриминального содействия раскрытию и расследованию преступлений и многих других вопросов.

8. Доказано влияние поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на содержание криминальных и посткриминальных ситуаций, исходных следственных ситуаций (в том числе и на тактику проверки сообщения о преступлении).

9. Проблема выявления материальных следов поведения лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, и формирования идеальных следов у таких участников.

10. Назрела теоретико-прикладная необходимость, с одной стороны, изучения закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события [26–31], а с другой – изучения потребности формирования частной криминалистической теории о посткриминальном поведении и комплексной методики расследования посткриминальных преступлений, в том числе совершенных лицами, случайно оказавшимися участниками (активными и пассивными) преступного события (например, самосуд на месте задержания педофила), как различных и значимых систем криминалистических и других знаний обеспечения борьбы с преступностью [32, 33].

Таким образом, *гипотеза* исследования в рамках статьи доказана и требует дальнейшей проверки и интеграции в различных подсистемах криминалистических знаний.

В заключение отметим вопросы теоретической и практической значимости проведенного исследования. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит, прежде всего, в том, что на основе обобщения и анализа достижений в области криминалистики ставится фундаментальная проблема необходимости получения новых криминалистических знаний при познании закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно

оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, на примере тяжких насильственных преступлений. Представляется, что новые системы знаний, теоретические положения призваны существенно дополнить и развить криминалистическую науку. Практическая значимость исследования определяется общей направленностью по обогащению знаний о современном состоянии борьбы с тяжкими насильственными преступлениями, по совершенствованию правовых, организационных, методических и тактических основ деятельности функционально определенных субъектов по раскрытию и расследованию этих преступлений, в том числе воздействию и управлению данным видом человеческого поведения при осуществлении криминалистической деятельности.

Литература

1. Варданян А.В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты. Ростов н/Д : ФКГОУ ВО РЮИ МВД России, 2016. 232 с.
2. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристъ – Правоведь. 2015. № 3 (70). С. 34–38.
3. Варданян А.В., Андреев А.С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 74–78.
4. Варданян А.В., Мельникова О.В. Методика построения психолого-криминалистического портрета преступника как средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 26, № 2. С. 88–96.
5. Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как объекты криминалистического исследования: обзор, прогнозы, проблемы // Проблемы развития современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 11–18.
6. 김민규; 박준규, Min-Gyu Kim, Joon-Kyu Park. Assessment of Unmanned Aerial Vehicle for Management of Disaster Information // 한국산학기술학회논문지 = Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society. 2015. Vol. 16, № 1. P. 697–702.
7. James Thomas Ogg. (May 2015). Preventive Justice and the Power of Policy Transfer. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137495020.0009> (Accessed: 28 November 2015).
8. Andreev A.S. A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. Vol. 5, № 2. P. 57–62.
9. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
10. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 349–353.
11. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3–10.

12. Кустов А.М., Шимановская К.Е. Некоторые современные средства и методы получения, накопления и сохранения информации о механизме преступления // Успехи в химии и химической технологии. 2016. № 5 (174). С. 40–42.
13. *Frailing K.* Criminology and Justice, Loyola University New Orleans, New Orleans, Louisiana, USA; Toward a Criminology of Disaster: What We Know and What We Need to Find Out; 1–31. New York : Palgrave Macmillan US: Palgrave Macmillan. URL6 http://www.worldcat.org/title/the-case-for-a-criminology-of-disaster/oclc/7080434930&referer=brief_results (Accessed: 28 November 2015).
14. *Ruddell Rick Dr.* Justice Studies, University of Regina, Regina, Saskatchewan, Canada; Oil, Gas, and Crime: The Dark Side of the Boomtown; 183–207; New York : Palgrave Macmillan US : Palgrave Macmillan. URL: <http://www.worldcat.org/title/explaining-boomtown-effects/oclc/7088178447&referer=briefresults> (Accessed: 28 November 2015).
15. *Powell A.* Justice and Legal Studies, RMIT University, Melbourne, Victoria, Australia; Sexual Violence in a Digital Age; 23–47. London : Palgrave Macmillan UK : Palgrave Macmillan. URL: <http://www.worldcat.org/title/sexual-violence-a-feminist-criminological-analysis/oclc/7073867190&referer=briefresults> (Accessed: 28 November 2015).
16. *Blitz Marc Jonathan.* Oklahoma City University School of Law, Oklahoma City, USA; Searching Minds by Scanning Brains : Neuroscience Technology and Constitutional Privacy Protection; 59–79; Cham : Springer International Publishing : Palgrave Macmillan.
17. *Ronn J.* University of San Diego, USA, Gaming and Technology Addiction; Forensic Psychological Perspectives on Youth Gang Involvement in Juvenile Fire Setting and Bomb Making Weapons Cases. Information Science Reference. Chapter 39. 2017. P. 862–882.
18. *Katina Michael.* University of Wollongong, Australia; Dan DeFilippi Affiliation: Independent Researcher, USA, Online Banking Security Measures and Data Protection; Information Science Reference. Chapter 15. 2017. P. 263–282.
19. *David C. Gray, Stephen E. Henderson.* The Cambridge handbook of surveillance law. 2017. xv, 770 pages: illustrations, maps; 27 cm.
20. *Белкин Р.С.* Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986.
21. *Берестнёв М.А.* Методика расследования разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов, совершаемых организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2010. 254 с.
22. *Лебедева Ю.Б.* Особенности доказывания с использованием специальных знаний в условиях информационной неприкосновенности элементов механизма преступления // Государство и право. 2011. № 5. С. 227–228.
23. *Мартинов А.Н.* Криминалистические характеристики преступления и механизма преступления, их соотношение в системе типичных сведений о мошенничестве в сфере кредитования // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 4 (41). С. 210–215.
24. *Андреев А.С.* Посткриминальное поведение лиц, связанных с преступной деятельностью, на месте происшествия (результаты анкетного опроса) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-10. С. 2275–2281.
25. *Андреев А.С.* Теоретико-прикладные вопросы уточнения объекта криминалистической науки // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2. С. 27–37.
26. *Андреев А.С.* Общая гипотеза криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2. С. 24–28.
27. *Андреев А.С.* Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Казанская наука. 2015. № 3. С. 120–123.
28. *Don Mayer, Anita Cava, Catharyn Baird.* Crime and Punishment (or the Lack Thereof) for Financial Fraud in the Subprime Mortgage Meltdown: Reasons and Remedies for Le-

gal and Ethical Lapses // American Business Law Journal. Fall 2014. Vol. 51, № 3. P. 515–597.

29. Варданян А.А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 106–109.

30. Варданян Г.А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 250–258.

31. Варданян А.В., Андреев А.С. Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьями 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (часть 3) // Юрист – Правовед. 2016. № 4 (77). С. 57–64.

32. Князьков А.С. Тактико-криминалистические цели и задачи получения и использования информации о личности обвиняемого при производстве следственных действий // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 89–93.

33. Князьков А.С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12–31.

Andreev Alexander S., Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don, Russian Federation)

BEHAVIOR (ACTIVITY) OF THOSE INCIDENTALLY INVOLVED IN A CRIMINAL EVENT AS A CRIME MECHANISM ELEMENT: FROM ARTICULATION OF A SCIENTIFIC PROBLEM TO THE RESULTS OF RESEARCH

Keywords: criminalistics, subject, regularities, crime mechanism.

DOI: 10.17223/22253513/27/1

The target of research in the given article is the phenomena, processes and situations of a pre criminal, criminal and post-criminal reality caused by behavior of those incidentally involved in a criminal event and connected both with criminal activity and with the activities on the disclosure and investigation of crimes.

The purpose of the article is the detection of earlier unstudied regularities of behavior of those incidentally involved in a criminal event (criminal and post-criminal periods).

When researching the above hypothesis, the author applied the following tools of a system criminalistic knowledge: a) according to a specially developed questionnaire he examined 127 video episodes of heinous grievous violent crimes (fixed by CCTVs, video recorders, mobile phones, unmanned aerial vehicles [5], [6], [7] and other means of fixation); b) 500 citizens of the Southern Federal District of Russia involved in a criminal event as the injured party and/or the eyewitness were interviewed; c) 73 subjects of investigation of crimes who arrived to the place of an event of crime were interviewed and d) 100 criminal cases on grievous mercenary and violent crimes. In our opinion, the construction of such tools of knowledge enables the scientist-criminalist to examine fully and in details the events of both criminal and post-criminal character in relation to the majority of urgent problems of the theory and practice of criminalistics [8].

The author used the following approaches to getting knowledge about the objects of a criminalistic research and regularities of the behavior of persons under study: an activity [9] approach, situational [10], system [11] and synergetic ones.

Theoretical importance of the research is that the author defines the fundamental problem of the need to obtain new criminalistic knowledge, when examining the regularities of behavior (activity) of those incidentally involved (either actively or inactively) in a criminal event in the context of grievous violent crimes on the basis of generalization and the analysis of achievements in the field of criminalistics. It seems that new systems of knowledge and theoretical provisions are intended to add and develop criminalistics to a significant degree.

Practical importance of the research is determined by the general tendency to enrich the knowledge about current fight against grievous violent crimes by the improvement of legal, organizational, methodical and tactical bases for the activities of functionally determined subjects for disclosure and investigation of these crimes, including the influence and control of the above type of human behavior in terms of criminalistic activity.

References

1. Vardanyan, A.V. (2016) *Raskrytie i rassledovanie tyazhkih nasil'stvennykh prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya lichnosti: kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty* [Disclosure and investigation of violent crimes against the life and health of the person: forensic and operational-search aspects]. Rostov on Don: Ministry of Interior of the Russian Federation.
2. Vardanyan, A.V. & Govorukhina, E.V. (2015) Motivation of serious violent crimes against the person as a basis for their forensic classification. Typical places of committing of violent crimes against the person. *Yurist – Pravoved.* 3(70). pp. 34–38. (In Russian).
3. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2016) Emotsional'nye perezhivaniya i suitsidal'nye postupki kak chast' postkriminal'nogo povedeniya lits i ikh znachenie dlya raskrytiya i rassledovaniya ubiystv (kriminalisticheskie i psikhologicheskie aspekty) [Emotional feelings and suicidal actions as part of the postcriminal behaviour of individuals and their significance for the disclosure and investigation of murders (forensic and psychological aspects)]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law.* 2(75). pp. 74–78.
4. Vardanyan, A.V. & Melnikova, O.V. (2013) Metodika postroeniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta prestupnika kak sredstvo povysheniya effektivnosti raskrytiya i rassledovaniya tyazhkih nasil'stvennykh prestupleniy protiv lichnosti [A method for constructing a forensic portrayal of a criminal as a means of increasing the effectiveness of disclosure and investigation of violent crimes against the person]. *Nauchnye trudy SWorld.* 26(2). pp. 88–96.
5. Andreev, A.S. (2015) Bepilotnye letatel'nye apparaty kak ob"ekty kriminalisticheskogo issledovaniya: obzor, prognozy, problemy [Unmanned aerial vehicles as objects of criminological research: review, forecasts, problems]. In: Sukiasyan, A.A. (ed.) *Problemy razvitiya sovremennoy nauki* [Problems of the Modern Science Development]. Ufa: Aeterna. pp. 11–18.
6. Min-Gyu Kim & Joon-Kyu Park. (2015) Assessment of Unmanned Aerial Vehicle for Management of Disaster Information. *Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society.* 16(1). pp. 697–702. DOI: 10.5762/KAIS.2015.16.1.697
7. Ogg, J.T. (2015) *Preventive Justice and the Power of Policy Transfer*. [Online] Available from: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9781137495020.0009>. (Accessed: 28th November 2015). DOI: 10.1057/9781137495020.0009
8. Andreev, A.S. (2014) A False Alibi as a Component of Criminal Activity and Post-Criminal Behavior of the Participants of the Investigation and Assize. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 5(2). pp. 57–62. DOI: 10.14505/jarle.v5.2(10).01
9. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 384. pp. 148–152. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/384/26
10. Volchetskaya, T.S. (2015) Modern trends of development of criminalistics as a science and as an academic discipline. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University.* 1. pp. 349–353. (In Russian).
11. Golovin, A.Yu. (2014) Problemy i puti sovershenstvovaniya metodik rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Problems and ways to improve the methods of certain types of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences.* 3(2). pp. 3–10.

12. Kustov, A.M. & Shimanovskaya, K.E. (2016) Some modern means and methods of obtaining, accumulation and preservation of information about the mechanism of the crime. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii – Advances in chemistry and chemical technology*. 5(174). pp. 40–42. (In Russian).
13. Frailing, K. (n.d.) *Toward a Criminology of Disaster: What We Know and What We Need to Find Out*. New York: Palgrave Macmillan US. [Online] Available from: http://www.worldcat.org/title/the-case-for-a-criminology-of-disaster/oclc/7080434930&referer=brief_results. (Accessed: 28th November 2015).
14. Ruddell, R. (n.d.) *Oil, Gas, and Crime: The Dark Side of the Boomtown*. New York: Palgrave Macmillan US : Palgrave Macmillan. [Online] Available from: <http://www.worldcat.org/title/explaining-boomtown – effects/oclc/7088178447& referer=briefresults>. (Accessed: 28th November 2015).
15. Powell, A. (n.d.) *Sexual Violence in a Digital Age*. London: Palgrave Macmillan UK. [Online] Available from: <http://www.worldcat.org/title/sexual-violence-a-feminist-criminological-analysis/oclc/7073867190 &referer=briefresults>. (Accessed: 28th November 2015).
16. Blitz, M.J. (n.d.) *Searching Minds by Scanning Brains: Neuroscience Technology and Constitutional Privacy Protection*. Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan.
17. Johnson, R. (2017) Forensic Psychological Perspectives on Youth Gang Involvement in Juvenile Fire Setting and Bomb Making Weapons Cases. In: Information Resources Management Association. *Gaming and Technology Addiction*. Chapter 39. IGI Global. pp. 862–882.
18. Katina, M. (2016) Credit Card Fraud. In: Aljawarneh, Sh. (ed.) *Online Banking Security Measures and Data Protection*. IGI Global.
19. Gray, D. & Henderson, S.E. (2017) *The Cambridge Handbook of Surveillance Law*. Cambridge University Press.
20. Belkin, R.S. (1986) *Obshchaya teoriya sovetskoy kriminalistiki* [The General Theory of Soviet Criminology]. Saratov: Saratov State University.
21. Berestnev, M.A. (2010) *Metodika rassledovaniya razboynykh napadeniy na avtodorogakh vne naselennykh punktov, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi grupami* [The methodology for investigating robbery attacks on motor roads outside populated areas, committed by organized criminal groups]. Abstract of Law Cand. Diss. Tula.
22. Lebedeva, Yu.B. (2011) Osobennosti dokazyvaniya s ispol'zovaniem spetsial'nykh znaniy v usloviyakh informatsionnoy neprikosnovennosti elementov mekhanizma prestupleniya [Proving with the use of special knowledge in conditions of information integrity of the elements of the crime mechanism]. *Obshchestvo i pravo*. 5. pp. 227–228.
23. Martynov, A.N. (2014) Kriminalisticheskie kharakteristiki prestupleniya i mekhanizma prestupleniya, ikh sootnoshenie v sisteme tipichnykh svedeniy o moshennichestve v sfere kreditovaniya [Forensic characteristics of the crime and the mechanism of the crime, their correlation in the system of typical information about fraud in the sphere of lending]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo – Herald of Omsk University. Law*. 4(41). pp. 210–215.
24. Andreev, A.S. (2015) Postkriminal'noe povedenie lits, svyazannykh s prestupnoy deyatel'nost'yu, na meste proisshestiya (rezul'taty anketnogo oprosa) [Postcriminal behavior of persons associated with criminal activity at the crime scene (results of the questionnaire survey)]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2(10). pp. 2275–2281.
25. Andreev, A.S. (2013) Teoretiko-prikladnye voprosy utochneniya ob'ekta kriminalisticheskoy nauki [Theoretical and applied questions of the specification of the object of criminalistics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 5(2). pp. 27–37.
26. Andreev, A.S. (2015) Obshchaya gipoteza kriminalisticheskogo ucheniya o postkriminal'nom povedenii lits, svyazannykh s prestupnoy deyatel'nost'yu [The general hypothesis of

the criminalistic doctrine of the postcriminal behaviour of persons associated with criminal activity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2(2). pp. 24–28.

27. Andreev, A.S. (2015) Contents and structure the criminalistic doctrine about post-criminal behaviour of persons, connected with criminal activity. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 3. pp. 120–123. (In Russian).

28. Mayer, D., Cava, A. & Baird, C. (2014) Crime and Punishment (or the Lack Thereof) for Financial Fraud in the Subprime Mortgage Meltdown: Reasons and Remedies for Legal and Ethical Lapses. *American Business Law Journal*. 51(3). pp. 515–597. DOI: 10.1111/ablj.12033

29. Vardanyan, A.A. (2011) Crimes related to trafficking people in the context of globalisation trends of illegal encroachments on freedom, honor and dignity of person. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 3(46). pp. 106–109. (In Russian).

30. Vardanyan, G.A. (2016) Prestupleniya v sfere tenevogo farmatsevticheskogo rynka kak ob"ekt kriminalistiki [Crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market as an object of criminalistics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 1(2). pp. 250–258.

31. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2016) Post-criminal behaviour and the elements of criminalistic characteristics of crimes under Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation (Part 3). *Yurist – Pravoved*. 4(77). pp. 57–64. (In Russian).

32. Knyazkov, A.S. (2012) Tactical and Criminalistic Purposes and Goals to Achieve and to Use Personal Information about the Accused during Investigatory Procedures. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 2(1). pp. 89–93. (In Russian).

33. Knyazkov, A.S. (2011) Tactical problem as an element of the searching – cognitive activity of subjects in proof in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 12–31. (In Russian).

УДК 342.24 (430)

DOI: 10.17223/22253513/27/2

Н.Г. Геймбух

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Статья посвящена конституционной реформе, осуществляемой в настоящее время в Федеративной Республике Германия. Рассматривая основные направления реформирования федеративных отношений, автор исследует изменения конституционного законодательства Германии в системе финансовых взаимоотношений Федерации и земель, а также в сфере взаимодействия ФРГ с институтами Европейского союза.

Ключевые слова: конституционная реформа; кооперативный федерализм; принцип разграничения предметов ведения; европейская интеграция.

Конституционная реформа германского федерализма разбита на два этапа. Первый этап реформы оформлен Законом о внесении изменений в Основной закон ФРГ от 28 августа 2006 г. Второй этап предполагает совершенствование порядка финансирования Германской федерации, в частности, в вопросах финансовой помощи и компенсаций. Сущность основных положений второго этапа конституционной реформы германского федерализма заключается в следующем.

1. Второй этап реформы германского федерализма регулирует финансовые конституционно-правовые вопросы. Новая редакция абз. 1 ст. 84 Основного закона ФРГ содержит важное политико-правовое положение, согласно которому Федерации запрещено передавать задачи общинам и объединениям общин. Федеральные законы не могут отныне ставить перед общинами задачи, требующие от органов местного самоуправления дополнительных материальных расходов [1. S. 71–72].

Имеющаяся до настоящего момента практика в этой сфере была бессистемной, потому что Федерация регулировала только передачу задач общинам, но не регулировала их финансирование. В то время как земли ФРГ должны гарантировать общинам финансирование тех передаваемых задач, которые регулируются законами земель.

2. Важной целью реформы «финансовой конституции» является отказ от системы совместного финансирования Федерации и земель, которое регулировалось ст. 91a, 91b, абз. 4 ст. 104a Основного закона ФРГ. В итоге отказаться полностью от совместного финансирования не удалось, что, видимо, так и предусматривалось.

В ходе установления нового регулирования финансовой ответственности были пересмотрены вопросы финансовой помощи и компенсаций.

Норма о предоставлении финансовой помощи землям ФРГ со стороны Федерации, ранее закреплённая в абз. 4 ст. 104а Основного закона, установлена теперь в новой ст. 104b Основного закона. Цели предоставления Федерацией финансовой помощи определены в абз. 1 ст. 104b – «для покрытия особо важных расходов земель и общин (объединений общин), которые необходимы:

1) для того, чтобы избежать нарушения общего экономического равновесия;

2) для выравнивания возможных экономических различий на территории Федерации;

3) для оказания помощи в экономическом развитии» [1. S. 92].

Далее уточняется, что теперь разрешается предоставлять финансовую помощь землям ФРГ только на определённый срок и при условии регулярной отчетности земель о расходовании предоставленных средств (абз. 2 ст. 104b Основного закона).

Согласно абз. 4 ст. 104а в новой редакции, предусмотрена необходимость одобрения Бундесрата в случае, когда федеральные законы, которые исполняют земли, «устанавливают обязательства земель по денежным выплатам или передаче вещей третьим лицам» [Ibid. S. 91].

Федерация также участвует в финансировании общих (совместных) задач, имеющих значение для всей национальной общности, которые предусмотрены в ст. 91а, 91b Основного закона. Федерация оказывает влияние на процесс исполнения этих задач. При этом список областей, в которых требуется соответствующее участие Федерации, сокращён: исключена такая сфера как «расширение и строительство высших учебных заведений, включая клиники при них» (абз. 1 ст. 91а Основного закона) [Ibid. S. 80–81].

В статье 91b Основного закона ФРГ внесены изменения, касающиеся заключения соглашений между Федерацией и землями, значение которых выходит за региональные рамки. В рамках данных соглашений была исключена такая область, как «планирование образования». Вместо нее включили сферу «помощи научно-исследовательским учреждениям при высших учебных заведениях». Также данная норма была дополнена еще одной областью для заключения подобных соглашений – «возможностью учебного процесса образовательной системы к интернациональному сравнению» (абз. 2 ст. 91b Основного закона) [Ibid. S. 81–82].

3. Второй этап реформы федерализма Германии затронул также вопросы финансового регулирования во взаимоотношениях с Европейскими сообществами.

Правовой основой данного финансового регулирования является новый абз. 6 ст. 104а Основного закона ФРГ, который устанавливает разграничение полномочий между Федерацией и землями при нарушении наднациональных и международно-правовых обязательств [Ibid. S. 91–92].

В сфере присоединения земель ФРГ к бюджетной дисциплине Европейских сообществ удалось найти единую позицию между Федерацией и землями. В Основном законе ФРГ закреплено положение о том, что Федера-

ция и земли, в соответствии с Договором об учреждении Европейского сообщества, должны совместно выполнять обязательства, подчиняясь бюджетной дисциплине Европейских сообществ (абз. 5 ст. 109 Основного закона).

В случае нарушения Федеративной Республикой Германия критериев по долгам, установленных этим Договором, отдельные земли вынуждены будут считаться с возможностью введения против них санкций, если с их стороны будет превышены определенные долговые рамки. В абзаце 5 ст. 109 определено распределение долговых санкций между Федерацией и землями ФРГ: штрафные выплаты в размере 65% будет нести Федерация и в размере 35% – земли [1. S. 104].

4. Вопрос об участии земель ФРГ в делах Европейского союза. Существенной проблемой в процессе реформы германского федерализма стало разграничение компетенции, связанной с участием в принятии европейских нормативно-правовых актов и исполнении европейских директив посредством издания нормативных актов внутригосударственного действия. [2. S. 364]. Здесь ст. 23 Основного закона ФРГ предусматривала общее право на получение информации и участие. В тех случаях, когда вопрос затрагивал законодательные полномочия земель, абз. 6 ст. 23 Основного закона предусматривал прямое участие земель и представление ими германской позиции в институтах Европейского союза.

Если по основному вопросу затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель, то осуществление прав, принадлежащих Федеративной Республике Германия как члену Европейского союза, должно передаваться одному из представителей земель, назначаемому Бундесратом. Осуществление прав производится при участии Федерального правительства Германии и в согласии с ним (абз. 6 ст. 23 Основного закона). Таким образом, в данном случае в качестве представителя ФРГ в компетентные органы ЕС должен был быть направлен один из представителей земель.

Известные представители государственного (конституционного) права Германии, а именно профессор Эверлинг и профессор Класе, критиковали последнее положение ст. 23 Основного закона ФРГ. Они указывали на то, что формулировка абз. 6 ст. 23 является слишком широкой и неточной [3. S. 345; 4. S. 45]. В процессе реализации нормы применялась инструкция, разработанная Федеральным правительством Германии. В соответствии с ней решения в институтах Европейского союза принимались представителем земель, назначаемым Бундесратом. Между тем инструкция не решала проблем, связанных с применением этой нормы Основного закона ФРГ.

Таким образом, при реализации данной нормы Основного закона постоянно возникали трудности, которые заключались в нахождении консенсуса между Федерацией и землями в вопросах, связанных с участием в делах Европейского союза. Поэтому одним из важных пунктов реформирования федеративных отношений Германии в 2006 г. стала ст. 23 Основного закона.

В период работы Комиссии по реформе федерализма подробным образом обсуждался вопрос об участии земель в европейских делах. В целях улучшения качества представительства германских интересов в Европейском союзе Федерация стремилась к внесению изменений в ст. 23 Основного закона ФРГ, в соответствии с которыми земли наделялись бы гораздо меньшими полномочиями. Сторона Федерации настаивала на расширении компетенции Федерации в сторону более определенного и более эффективного ведения переговоров в Брюсселе. Вследствие чего требовала права на исключительное представительство ФРГ в Европейском союзе и отмену ст. 23 Основного закона, которая закрепляла возможность земель оказывать влияние на национальную европейскую политику.

Земли ФРГ, наоборот, принципиально выступали за сохранение регулирования, установленного в ст. 23 Основного закона. А для усиления своих позиций они хотели развить и усовершенствовать внутригосударственный процесс выработки единой позиции до принятия решений на общеевропейском уровне. По их представлениям, в вопросах общеевропейского регулирования в области законодательных полномочий земель, или при учреждении земельных ведомств, или при регулировании их административных процедур Федерация должна была полностью зависеть от решений Бундесрата.

В итоге был найден компромисс, который должен улучшить позицию ФРГ в переговорах с Европейским союзом через оптимизацию сотрудничества уровней Федерации, а также через взаимное сотрудничество политических игроков в пределах этих уровней.

Законом о внесении изменений в Основной закон ФРГ от 28 августа 2006 г. были внесены изменения в абз. 6 ст. 23 Основного закона ФРГ. Указанная норма, согласно новой редакции, применяется, когда «по основному вопросу затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель в области школьного образования, в области культуры или в области радиовещания» [1. S. 29–30]. Только в этом случае в качестве представителя ФРГ в компетентные органы Европейского союза должен быть направлен один из представителей земель, уполномоченный Бундесратом.

Если по основному вопросу затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель *в иных областях*, то «права, принадлежащие Федеративной Республике Германия как члену Европейского союза, осуществляются Федерацией» [5. S. 104]. Итак, изменения, внесенные в ст. 23 Основного закона ФРГ в 2006 г., не нарушили прежнюю основную концепцию нормы. С их помощью была внесена определенность в процесс реализации данной нормы Основного закона ФРГ.

5. Внесение изменений в «финансовую конституцию» Германской федерации должно быть реализовано в процессе второго этапа реформы. Для этого 15 декабря 2006 г. Бундестаг и Бундесрат создали комиссию по реформе «финансовой конституции», которая получила название Комиссии по реформе федерализма-2. Председателями Комиссии по реформе федерализма-2 были назначены Председатель фракции СДПГ П. Штрук как

представитель федерального уровня и министр-президент земли Баден-Вюртемберг Г. Оттингер, который представляет интересы земель.

Целью второго этапа конституционной реформы федерализма Германии является внедрение новой системы финансовых взаимоотношений по вертикали и горизонтали, что должно усовершенствовать модель федеративного государственного устройства. Должны быть решены вопросы резкого ограничения долгов земель и устранения несоответствий в системе финансовых отношений между Федерацией и землями, с одной стороны, и между самими землями – с другой. Второй этап реформы федерализма планируется завершить в конце 2019 г.

В основе концепции реформы в сфере финансового федерализма лежит идея внедрения принципа состязательности между землями. В рамках нового регулирования компетенции Федерации и земель в области финансов должны состояться перераспределение ряда полномочий по взиманию и получению налогов, а также отказ от системы смешанного финансирования Федерации и земель.

Итак, конституционная реформа федерализма в современной Германии сыграла важную роль в совершенствовании системы федеративных отношений государства. В результате масштабных изменений в функционировании германской федеративной системы в целом, «кооперативный» германский федерализм был дополнен принципом конкуренции (состязательности) между землями.

Стоит заметить, что проблемы, которые возникали при функционировании федеративных структур Германии до проведения конституционной реформы, не в последнюю очередь могут быть объяснены итогами более ранних реформ федеративного государства.

По мнению немецкого профессора В. Рудцио, следствием этих реформ явился «слишком быстрый переход от федерализма с четким разграничением сфер ответственности к кооперативному федерализму» [6. S. 352]. В рамках системы «федерализма сотрудничества» утрата федеральными землями законодательных полномочий и финансовой независимости сопровождалась началом более интенсивного участия земель в формировании федеральной политики через Бундесрат и резким возрастанием кооперации.

Конституционно-правовой процесс реформирования германского федерализма в современный период указывает на то, что система федеративных отношений в Германии постоянно развивается. Совершенствование федеративной формы государственного устройства является залогом демократического развития, гражданского мира и согласия, а также стабильности сложных государств.

Литература

1. *Grundgesetz*. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht. 3. Aufl. / Dreier H., Wittreck F. Tübingen, 2017. 736 s.

2. *Huber P.* Der Beitrag der Föderalismusreform zur Europatauglichkeit des Grundgesetzes // *Zeitschrift für Gesetzgebung.* 2006. S. 354–376.
3. *Everling.* Deutsches Verwaltungsblatt. 1993. 936 s.
4. *Classen C.* Zeitschrift für Rechtspolitik. 1993. 57 s.
5. *Classen C.* Verbesserung der Europatauglichkeit // *Starck Ch.* Föderalismusreform. München, 2007. 198 s.
6. *Rudzio W.* Das politische System der Bundesrepublik Deutschland. 3. Aufl. Opladen, 1991. 390 s.

Geymbukh Nadezhda G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

THE ISSUES OF CONSTITUTIONAL REFORM IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Key words: constitutional reform; cooperative federalism; principle of differentiation of subject matter; European integration.

DOI: 10.17223/22253513/27/2

The constitutional reform of German federalism is divided into two stages. First stage of reform, feature the Law on amendments to the Basic law of Germany from August 28, 2006 the Second stage of the reform involves improving the order of financing of the German Federation, in particular in matters of financial aid and compensation. The essence of the main provisions of the second stage of the constitutional reform of German federalism is as follows.

An important objective of the reform of the "financial Constitution" is the rejection of the system of joint financing of the Federation and the lands, which were regulated by article 91A and article 91b, paragraph. 4 of article 104A of the Basic law of Germany. In the end, to abandon the joint funding failed, what it expected. Financial assistance and compensation issues were re-settled in the course of establishing a new financial liability regulation.

The second stage of the reform of federalism in Germany also touched upon the issues of financial regulation in relations with the European communities. In case of violation of the Federal Republic of Germany criteria for the debt established by this Agreement, private land will have to reckon with the possibility of introducing sanctions against them, if they have exceeded certain debt limits. In par.5 article 109 the distribution of debt sanctions between the Federation and the lands of Germany: the punitive damages in the amount of 65 percent will be borne by the Federation and 35 per cent of the land.

The issue of participation of German lands in the Affairs of the European Union. A significant problem in the process of reform of German federalism was the division of competence related to participation in the adoption of European regulations and the implementation of European directives through the publication of regulations of domestic action [2. S. 364]. Here, article 23 of the Basic law of Germany provided for a General right to information and participation. In those cases, when the question was raised by the legislative authority of the land, par. 6 art. 23 the Basic law provided for the direct participation of the lands and their representation of the German position in the institutions of the European Union.

The concept of reform in the sphere of financial federalism is based on the idea of introducing the principle of competition between lands. As part of the new regulation of the competence of the Federation and lands in the field of Finance, there should be a redistribution of a number of powers to collect and receive taxes, as well as the abandonment of the system of mixed financing of the Federation and lands.

So, the constitutional reform of federalism in modern Germany played an important role in improving the system of federal relations of the state. As a result of large-scale changes in the functioning of the German federal system as a whole, the "cooperative" German federalism was supplemented by the principle of competition (competition) between the lands.

References

1. Dreier, H. & Wittreck, F. (eds) (2017) *Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht* [Basic Law. Text edition with all changes and other texts on German and European constitutional law]. 3rd ed. Tübingen: Mohr Siebeck.
2. Huber, P. (2006) Der Beitrag der Föderalismusreform zur Europatauglichkeit des Grundgesetzes [The Contribution of the Federalism Reform to the European Opportunity of the Basic Law]. *Zeitschrift für Gesetzgebung*, 21. pp. 354–376.
3. Everling, U. (1993) Überlegungen zur Struktur der Europäischen Union und zum neuen Europa-Artikel des Grundgesetzes [Reflections on the structure of the European Union and the new Europe article of the Basic Law]. *Deutsches Verwaltungsblatt* [German administrative sheet], 108(17). pp. 936–947.
4. Classen, C. (1993) Maastricht und Verfassung: kritische Bemerkungen Zum neuen “Europa-Artikel” [Maastricht and constitution: critical remarks on the new “Europe article”]. *Zeitschrift für Rechtspolitik* [Journal of Legal Policy], 26(3). pp. 57–61.
5. Classen, C. (2007) Verbesserung der Europatauglichkeit [Improving European Opportunity]. In: Starck, Ch. *Föderalismusreform* [Reform of Federalism]. Munich: C. H. Beck; Franz Vahlen.
6. Rudzio, W. (1991) *Das politische System der Bundesrepublik Deutschland* [The political system of the Federal Republic of Germany]. 3rd ed. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

УДК 343.98

DOI: 10.17223/22253513/27/3

И.В. Иванов

СИТУАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЕГО УЧАСТИЕМ

Рассмотрены особенности применения ситуационного подхода к решению тактико-криминалистической задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого) при проведении следственных действий с его участием. Выявлены и обозначены пределы и возможности его использования при осуществлении изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в указанной форме. Показано, что при таком изучении главным выступает информационный компонент следственной ситуации.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, следственная ситуация, тактическая задача, личность подозреваемого (обвиняемого), следственное действие.

Развитие криминалистического учения о следственных ситуациях, а также использование при решении методологических проблем криминалистики сформировавшегося на этой основе ситуационного подхода являются мощным стимулом и одновременно эффективно работающим «инструментом» для получения нового криминалистического знания. Широкое применение ситуационного подхода позволяет также подвергнуть критическому осмыслению теоретико-методологические положения криминалистической науки, проанализировать адекватность языка криминалистики современным реалиям. Так, в частности, включение в категориальный аппарат криминалистики понятия «криминалистическая ситуация» породило дискуссии ученых-криминалистов об объеме данного понятия, о его соотношении с давно устоявшимся термином «следственная ситуация» [1. С. 164]. Реализация ситуационного подхода в деятельности следователя, как подчеркивается в специальной литературе, позволяет обеспечить индивидуальность и динамичность расследования благодаря ситуационному анализу, а также установлению определенных в данной ситуации направлений деятельности следователя [2. С. 232].

Очевидно, на сегодняшний день центральным понятием ситуационного подхода в криминалистике остается понятие «следственная ситуация», определения которого нередко существенно различаются между собой [3. С. 132]. Некоторая неоднозначность трактовок, а также сложности в определении границ использования ситуационного подхода в криминалистической деятельности, по оценкам Т.С. Волчецкой, представляют собой

одно из векторных направлений развития криминалистической ситуалогии и требуют дальнейшего осмысления [4. С. 15]. Вместе с тем сущность следственной ситуации в настоящее время интерпретируется как «ее способность специфическим образом структурировать проявления закономерностей криминальной и поисково-познавательной деятельности, обуславливающих оптимальное направление раскрытия и расследования преступлений» [5. С. 69]. Имеет смысл согласиться с утверждением, что подобное структурирование может осуществляться и в следственных ситуациях, при которых следователь стремится провести анализ причинно-следственных и иных связей между элементами расследуемого события параллельно с решением задачи по изучению особенностей личности подозреваемого (обвиняемого). Данное положение соответствует устоявшемуся взгляду на то, что ситуационный анализ как метод криминалистической ситуалогии включает «процесс осознания и оценки всей совокупности компонентного состава ситуации и ее межкомпонентных связей» [3. С. 74].

До настоящего времени не все элементы следственной ситуации как сложного криминалистического образования, имеющего тактико-криминалистическое значение, изучены в равной мере. В частности, наименее изучены, на наш взгляд, ситуационные проявления решения такой тактической задачи, как изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием. Это тем более необходимо, если учитывать динамический характер следственной ситуации, при которой происходит взаимодействие между следователем и подозреваемым (обвиняемым), что предполагает, с одной стороны, открытый перечень вариантов, избираемых следователем в качестве средства воздействия, а с другой – актуализирует и обогащает информационные аспекты общения между названными субъектами.

Таким образом, одним из возможных направлений совершенствования ситуационного подхода в криминалистике является исследование проблемы деятельности следователя по изучению личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием. Такая деятельность осуществляется следователем при определенных обстоятельствах: в надлежащем месте, в определенное время, в конкретной обстановке. Разнообразные по своей природе условия, характеризующие положение дел на определенный момент расследования, формируют уникальную следственную ситуацию, отличающую конкретное следственное действие, проводимое с участием подозреваемого (обвиняемого), неповторимой совокупностью обстоятельств, с учетом которых следователь выбирает соответствующую линию поведения, планирует и применяет тактические приемы. Продуктивность ситуационного подхода зависит от того, насколько конкретно сформулированы тактические задачи перед следователем в тех или иных условиях расследования. Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием действительно представляет собой специфическую тактико-криминалистическую задачу, поскольку обладает наиболее существенными признаками: носит ярко

выраженный тактический характер, позволяет объективировать достижение тактико-криминалистических целей [5. С. 45].

Участие подозреваемого (обвиняемого) при производстве следственных действий обеспечивает следователю реальную возможность решения нескольких тактико-криминалистических задач, в том числе задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого). Активное участие последнего в производстве следственного действия позволяет следователю непосредственно наблюдать проявления отдельных психических свойств и состояний подозреваемого (обвиняемого), уточнять полученную о нем информацию из других источников. Перечень средств и методов решения данной задачи значителен, а познавательный инструментарий следователя настолько разнообразен, насколько широк круг методологических подходов, в рамках которых потенциально может быть реализована названная тактико-криминалистическая задача. Взаимодействие между участниками следственных действий носит ситуационный характер, что означает необходимость учета следователем различных факторов, обуславливающих характер и содержание конкретной следственной ситуации.

Рассуждая о проблеме изучения личности подозреваемого (обвиняемого), отметим, что ситуационный подход к решению криминалистических задач при производстве следственных действий – и в теоретическом, и в прикладном аспектах – предопределен к выяснению возможностей и пределов поисково-познавательной деятельности, направленной на установление сведений о личности подозреваемого (обвиняемого). Следственная ситуация носит системный характер, а значит, анализ следователем ее элементов и структуры, задействование в ходе расследования ее информационной составляющей предполагают активное управляющее воздействие следователя на участников следственных действий. Возможными результатами такого воздействия будут уточнение содержания сложившейся следственной ситуации как системы, прогноз ее дальнейшего развития, в том числе выявление и преодоление неблагоприятных факторов, препятствующих развитию ситуации в желательном для расследования направлении.

В методологическом плане справедливо утверждение о том, что теория следственных ситуаций фактически встраивается в систему криминалистических теорий и учений, составляющих общую теорию современной криминалистики [6. С. 35]. Говоря о целостности теории как единой системы знания, следует иметь в виду, что зрелая теория предполагает определенный механизм построения знаний и не должна исчерпываться простой суммой взаимосвязанных учений [3. С. 24]. Вместе с тем теория включает исследования закономерностей общего порядка, а результатом теоретических исследований выступают идеи, принципы, алгоритмы решения актуальных задач, возникающих при производстве следственных действий. Задача изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе расследования, как правило, носит «сквозной» характер и решается в той или иной степени на протяжении всего расследования. Варианты выбора конкретного ее решения в отношении участвующего в проводимых след-

ственных действиях лица, непосредственно определяются содержанием компонентов следственной ситуации. Что же касается вопроса о принципиальной возможности изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственных действий, то положительный ответ на него давно сформулирован отдельными учеными-криминалистами [7. С. 172].

Личностная информация о подозреваемом (обвиняемом) может быть получена из разнообразных источников в различных формах. В качестве одной из таких форм и выступает непосредственное изучение лица при его участии в следственном действии. При задействовании этой формы возможна организация проверки полученных сведений из иных источников: документов, материалов дела, свидетельских показаний иных лиц. Успех в получении информации о лице при проведении следственных действий с его участием достигается с учетом взаимной готовности следователя и, в частности, подозреваемого (обвиняемого) в условиях психологического контакта между ними. Психологический контакт, поддерживаемый следователем во время производства следственного действия, в той или иной мере предполагает применение мер воздействия по отношению к изучаемому лицу, что требует отдельных тактико-криминалистических приемов. Тактические приемы, в свою очередь, могут быть эффективно применены при наличии ясно сформулированной тактико-криминалистической задачи исследовательского типа [5. С. 117]. Качественное выполнение данной задачи становится возможным при условии применения оптимальных операциональных тактико-криминалистических средств досудебного производства.

Что же касается компонентов следственной ситуации, то их перечень в целом не вызывает острых дискуссий и называется практически неизменным с момента первого упоминания в криминалистической литературе [8. С. 72–73]. Как правило, выделяются компоненты психологического, информационного, процессуального, тактического, материального и организационно-технического характера, с чем следует согласиться. Полагаем, что значимость этих компонентов в ситуации изучения следователем личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с участием последнего неодинакова. Так, организационно-технический и материальный компоненты в отмеченной ситуации (равно как и в большинстве других) проявляют себя в сведениях о объеме и видах ресурсов, подлежащих использованию при реализации тактического воздействия следователем [5. С. 58]. В сравнении с ними, компоненты психологического и информационного характера в большей мере сориентированы на личностные особенности изучаемого субъекта. Так, психологический аспект следственной ситуации требует понимания индивидуально-психологических особенностей для дальнейшего использования в целях оптимизации сложившейся следственной ситуации. Компонент информационного характера включает широкое многообразие сведений, которые существенно влияют на содержание иных компонентов. В частности, принимается во внимание:

– характер поступающей информации (изобличающая по отношению к подозреваемому (обвиняемому) либо, напротив, доказывающая его непричастность к преступлению);

– источник сведений о лице и особенности этого источника (например, информация, содержащаяся в документах, показаниях других лиц, вещественные доказательства и т.д.);

– возможный алгоритм использования имеющейся информации для оказания тактического воздействия (например, последовательное предъявление лицу вещественных доказательств по нарастающей значимости улик с одновременным наблюдением за реакциями участника следственного действия либо, напротив, временное умолчание о важных для дела обстоятельствах, известных следователю).

Учитывая отмеченные положения, попытаемся выделить специфику проявления ситуационного подхода в деятельности следователя по установлению сведений о личности подозреваемого (обвиняемого):

1. Преобладание информационного компонента следственной ситуации. Безусловно, наряду с информационным компонентом, для оценки характера следственной ситуации при решении тактической задачи изучения личности также выступают психологический, процессуальный, материальный и организационно-технический ее компоненты. Вместе с тем спецификой той или иной поставленной тактико-криминалистической задачи (получение сведений о личности) предопределяет необходимость поиска взаимосвязей данного компонента с иными компонентами.

2. Структурированность информации, образующей содержание следственной ситуации. Сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), полученные в ходе следственного действия с его участием, как правило, носят конкретный характер, что позволяет осуществить необходимую рубрикуцию данных (биографические сведения, данные о психологических особенностях личности и т.п.) [9. С. 123–124]. В соответствии с имеющейся у следователя систематизацией, с учетом сказанного, возможно также произвести оценку самой следственной ситуации по отдельным ее компонентам.

3. Высокая познавательная значимость ценностно-смысловой структуры следственной ситуации. Условия, при которых могут быть проведены освидетельствование, обыск, предъявление для опознания и другие следственные действия, важны для последующей оценки точности восприятия следователем поведенческих реакций подозреваемого (обвиняемого), правильности их интерпретации. Весьма наглядно данный аспект проявляется при применении следователем тактических приемов, состоящих в наблюдении за реакциями подозреваемого (обвиняемого) на внезапные раздражители, чаще всего неожиданные вопросы и внезапно предъявляемые вещественные доказательства. Содержание следственной ситуации в подобных случаях с очевидностью связано с эффективностью тактического воздействия на участника следственного действия.

4. Следственные ситуации, складывающиеся в условиях тактического воздействия в отношении подозреваемого (обвиняемого), принимающего

участие в следственном действии, подлежат оценке и как оценка-итог, и как оценка-перспектива [5. С. 68], в силу того обстоятельства, что полученные следователем в ходе расследования сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) всегда могут быть уточнены и дополнены. Это означает, с одной стороны, возможность на любом этапе криминалистической деятельности приостановить процесс сбора личностной информации о подозреваемом (обвиняемом), а с другой – уже имеющийся объем сведений рассматривать как массив информации, на базе которой может быть сформулирована новая тактическая задача либо скорректирована решаемая задача. Притом содержание следственной ситуации по-прежнему включает в данном случае информацию о психологических свойствах изучаемого лица.

Анализ отдельных аспектов следственной ситуации информационного характера в условиях изучения личности подозреваемого (обвиняемого) имеет смысл применительно и к отдельному действию, и по отношению к расследованию в целом. Так, в криминалистической литературе представлены положения, затрагивающие общие вопросы работы с информацией в условиях расследования (например, В.Я. Колдиным разработаны и изложены технологии декодирования сигнальной информации [10. С. 120–128]). Исходя из этого, стоит обратить внимание на многообразие качественных характеристик отдельных типов следственных ситуаций взаимодействия следователя и подозреваемого (обвиняемого). В частности, возможна дифференциация следственных ситуаций с учетом избранной подозреваемым (обвиняемым) стратегии поведения, его позиции по делу, информационной осведомленности по делу и желания сообщить имеющуюся у него информацию.

В заключение обозначим следующие выводы:

1. Ситуационный подход фактически является значимым инструментом решения тактико-криминалистической задачи по изучению сведений о личности подозреваемого (обвиняемого): именно в рамках этой парадигмы должна рассматриваться совокупность положений, направленных на эффективное производство следственных действий.

2. Анализ элементов следственной ситуации может быть продолжен и углублен, в том числе на основе исследования типичных следственных ситуаций, возникающих в ходе следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого).

3. Перспективы применения ситуационного подхода при изучении личности подозреваемого (обвиняемого), участвующего в производстве следственных действий, состоят в установлении типичных следственных ситуаций, которые включают в качестве информационного компонента сведения об отношении изучаемого лица к расследованию, о готовности его к конструктивному взаимодействию со следователем.

4. Практико-ориентированное значение выделения таких следственных ситуаций состоит в том, что содержательное наполнение последних позволяет следователю оценить ситуацию и выбрать оптимальные тактико-криминалистические средства воздействия в отношении подозреваемого (обвиняемого).

Литература

1. Стукалин В.Б., Лебедев Н.Ю. Криминалистические и следственные ситуации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, М.К. Свиридова, Н.С. Дергача. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 163–164.
2. Комягина Ю.С. Ситуационный подход в деятельности следователя // Библиотека криминалиста. 2016. № 6 (29). С. 232–238.
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
4. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 15-летию науч. шк. криминалист. ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 11–16.
5. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
6. Головин А.Ю., Баранов М.В. Ситуационный анализ (подход) как познавательный метод в криминалистике и деятельности по расследованию преступлений // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвящ. 10-летию науч. шк. криминалист. ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 34–37.
7. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. 172 с.
8. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1979. Т. 3. 406 с.
9. Криминальная психология : учеб. пособие / авт.-сост. А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев. Москва ; Воронеж, 2007. 496 с.
10. Колдин В.Я. Криминалистический анализ. М. : Юрлитинформ, 2016. 528 с.

Ivanov Igor V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

SITUATIONAL ASPECTS OF STUDYING THE IDENTITY OF A SUSPECT (DEFENDANT) UNDER THE INVESTIGATIVE ACTIONS WITH HIS PARTICIPATION

Key words: criminalistic tactics; investigative situation; tactical task; identity of suspect (defendant); investigative action.

DOI: 10.17223/22253513/27/3

The object of research of this article is the problem of application of situational approach to the solution of a tactical and criminalistic problem of studying the identity of a suspect (defendant) when carrying out the investigative actions with his participation. Having studied the potential of a situational approach in criminalistics, the author highlights the limits and possibilities of its use when studying the identity of a suspect (defendant). A system construction of an investigative situation including the components of psychological, information, procedural, tactical, material, organizational and technical character is analyzed. It is shown that when studying the identity of a suspect (defendant) during the investigative actions with his participation, the information component of an investigative situation proves to be the main thing.

In a concrete investigative situation, the information about the person under study can be structured in a definite way according to the criteria of criminalistics. In the course of an investigative action the investigator focuses attention on valuable and semantic structure of the identity of a suspect (defendant) and this can give a wide range of information about him: for

example, the results of direct observation of behavioral reactions of a suspect (defendant) to sudden questions and physical evidence. The investigative situations developing in the conditions of tactical influence concerning the suspect (defendant) who is involved in investigative action are subject to assessment as assessment result, and as assessment prospect, due to the circumstance that the data about the identity of suspect (defendant) obtained by the investigator during the investigation can always be specified and added.

The analysis of the information component of an investigative situation when studying the identity of the suspect (defendant) participating in investigative action makes sense if it is applied to a separate action and in relation to investigation in general. In this regard, the variety of qualitative characteristics of separate types of investigative situations of interaction between the investigator and suspect (defendant) is worth paying attention to. The prospects for application of a situational approach when studying the identity of the suspect (defendant) involved in investigative actions include the establishment of typical investigative situations, which include the information component covering the data on the attitude of the person under study to the investigation, about his readiness for a constructive interaction with the investigator.

References

1. Stukalin, V.B. & Lebedev, N.Yu. (2013) Kriminalisticheskie i sledstvennyye situatsii [Forensic and investigative situations]. In: Eliseev, S.A., Prozumentov, L.M., Utkin, V.A., Andreeva, O.I., Sviridov, M.K. & Dergach, N.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya Rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 163–164.
2. Komyagina, Yu.S. (2016) Situatsionnyy podkhod v deyatelnosti sledovatelya [Situational approach in the investigator's activity]. *Biblioteka kriminalista*. 6(29). pp. 232–238.
3. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic situation]. Law Dr. Diss. Moscow.
4. Volchetskaya, T.S. (2017) Kriminalisticheskaya situologiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Forensic Situation: Current State and Prospects]. In: Volchetskaya, T.S. (ed.) *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i praktike: sovremennyye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [Situational approach in legal science and practice: Modern opportunities and prospects for development]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic State University. pp. 11–16.
5. Knyazkov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Golovin, A.Yu. & Baranov, M.V. (2012) Situatsionnyy analiz (podkhod) kak poznatel'nyy metod v kriminalistike i deyatelnosti po rassledovaniyu prestupleniy [Situational analysis (approach) as a cognitive method in forensic science and crime investigation]. In: Volchetskaya, T.S. (ed.) *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i praktike: sovremennyye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya* [Situational approach in legal science and practice: Modern opportunities and prospects for development]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic State University. pp. 34–37.
7. Vedernikov, N.T. (1978) *Lichnost' obvinyаемого i podsudimого* [Personality of the accused and the defendant]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Belkin, R.S. (1979) *Kurs sovetskoy kriminalistiki: v 3 t.* [Soviet Criminology]. Vol. 3. Moscow: USSR Ministry of Interior.
9. Ushatkov, A.I. & Kovalev, O.G. (2007) *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal Psychology]. Moscow; Voronezh: MODEK, MPSI.
10. Koldin, V.Ya. (2016) *Kriminalisticheskyy analiz* [Forensic analysis]. Moscow: Yurlitinform.

УДК 343.241

DOI: 10.17223/22253513/27/4

Е.Е. Мелюханова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ТЕОРИИ ПОЛЕЗНОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

В статье рассматриваются теория полезности и ее использование при назначении наказания в виде штрафа. Государство при назначении наказания в виде штрафа преследует цель понизить благосостояние граждан, виновных в совершении преступления. Используя методы теории полезности для достижения целей наказания в виде штрафа, следует определить такой размер штрафа, который существенным образом способен сдвинуть линию бюджетного ограничения осужденного. В заключении автор приходит к выводу, что наказание в виде штрафа должно вывести осужденного из положения равновесия. Только таким образом преступник сможет лично ощутить «эффект» наказания.

Ключевые слова: теория полезности, бюджетное ограничение, положение равновесия, уголовное право, уголовное наказание, наказание в виде штрафа.

Экономический подход, как известно, давно вышел за пределы классического понимания предмета экономической теории. Экономисты признали, что экономика не ограничивается рынком, она включает в себя и анализ вне рыночного поведения.

Наиболее обобщенно экономика – это наука о распределении ограниченных ресурсов. Механизм распределения задается рынком, его законами. Но зачастую рыночный механизм корректируется государством для достижения определенных экономических, политических и социальных целей.

«Государство отличается от всех других общественных институтов в двух отношениях: во-первых, оно и только оно может осуществлять вмешательство в фактические и потенциальные рыночные обмены других людей с помощью насилия и, во-вторых, оно и только оно получает свои доходы от недобровольных, поддержанных насилием, платежей других людей. Ни одно другое лицо или группа лиц не может на законных основаниях действовать таким образом» [1. С. 137]. Наиболее ярким примером государственного вмешательства с целью понижения благосостояния граждан может служить налогообложение.

Аналогичную цель государство преследует в случае назначения наказания в виде штрафа: с помощью вне рыночного механизма понизить благосостояние граждан, виновных в совершении преступления. Отсюда следует, что «всегда, когда государство принуждает какое бы ни было лицо произвести обмен, который без этого не был бы произведен, это лицо теряет полезность в результате данного вмешательства» [Там же. С. 137–138].

Существуют и другие направления государственного вмешательства. В качестве примера можно указать различные программы субсидирования низкодходных слоев населения за счет государственного бюджета. В данном случае цель государственного вмешательства заключается в том, чтобы с помощью внерыночного механизма повысить благосостояние граждан, получающих субсидирование.

В свою очередь, программы налогообложения и субсидирования основаны на определенных экономических расчетах, обосновывающих необходимость конкретного объема финансирования для достижения конкретного уровня благосостояния. В то время как вопросы назначения наказания в виде штрафа не имеют экономического обоснования, будучи по своей природе экономическим инструментарием для достижения целей уголовного наказания. Поэтому наказание в виде штрафа не в меньшей, а возможно и в большей степени, чем любые государственные программы финансирования, нуждается в экономическом обосновании, в том случае, если государство заинтересовано в эффективности уголовного наказания.

В экономической теории поведение потребителя в рыночной экономике основано на теории полезности. Теория полезности характеризует экономические отношения субъектов рынка по поводу удовлетворения потребностей единицей блага [2. С. 137]. Однако удовлетворение потребностей не является абсолютным, поскольку для каждого индивида существует бюджетное ограничение. Оно показывает, какие потребительские наборы можно приобрести за данную сумму денег [3. С. 162]. Положение равновесия потребителя выглядит следующим образом (рис. 1).

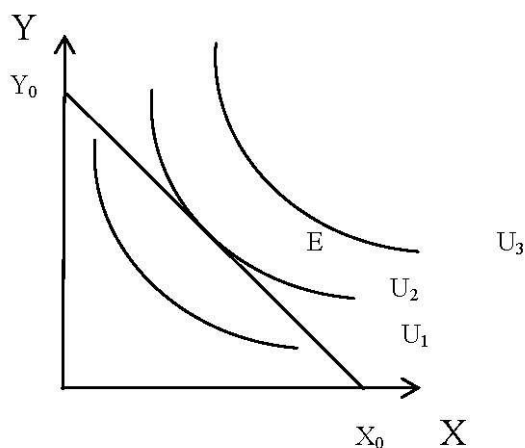

Рис. 1. Положение равновесия потребителя

Положение равновесия достигается в точке пересечения кривой безразличия U_2 и линии бюджетного ограничения X_0Y_0 , т.е. в точке E . Кривые безразличия U_1 , U_2 и U_3 показывают все возможные сочетания количества товаров X и Y , которые может приобрести потребитель. Кривая U_1 пересе-

кает линию бюджетного ограничения и поэтому не является оптимальным решением потребителя, поскольку при заданном бюджетном ограничении потребитель может позволить себе приобрести большее количество товаров X и Y . Кривая U_3 выходит за пределы линии бюджетного ограничения и поэтому не может входить в диапазон принимаемых решений потребителем, поскольку при заданном бюджетном ограничении потребитель не может позволить себе приобрести большее количество товаров X и Y . Следовательно, максимизация благосостояния потребителя достигается на кривой безразличия U_2 в точке равновесия E .

В случае государственного субсидирования населения происходит увеличение денежного дохода потребителя, получающего субсидии. Вследствие этого происходит смещение линии бюджетного ограничения вправо вверх. Субсидии могут быть выражены в денежной или натуральной величине. Вне зависимости от формы предоставления субсидии потребитель получает дополнительный доход, который смещает линию бюджетного ограничения, тем самым увеличивая благосостояние индивида. Увеличение благосостояния индивида, в свою очередь, отражается на кривой уровня жизни, которая выглядит следующим образом (рис. 2).

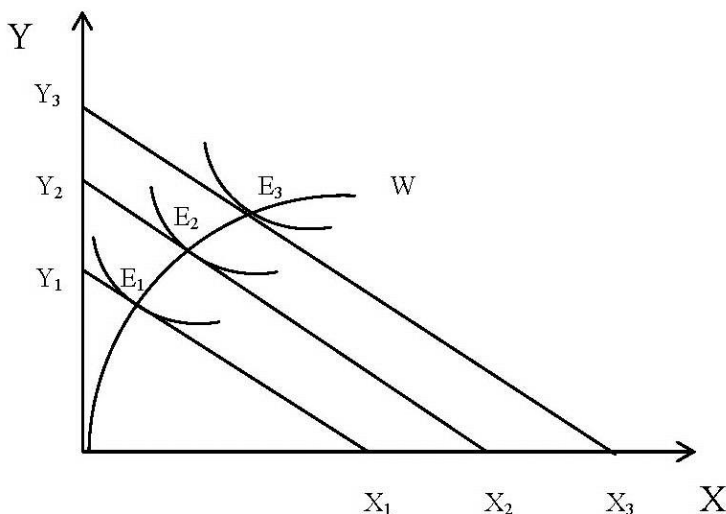

Рис. 2. Кривая уровня жизни

Кривая уровня жизни W показывает последовательно положения равновесия $E_1, E_2, E_3, \dots, E_n$ через пересечения кривых безразличия и последовательно сдвигающихся право вверх линий бюджетного ограничения $X_1Y_1, X_2Y_2, X_3Y_3, \dots, X_nY_n$. Эта кривая названа Джоном Хиксом кривой «доход – потребление».

Если субсидирование преследует цель повысить благосостояние граждан, то назначение наказания в виде штрафа – понизить благосостояние граждан, виновных в совершении преступления. При этом, чтобы повысить или понизить благосостояние лица, необходимо определить точку

отсчета, т.е. благосостояние лица на текущий момент. Неудивительно, что одним из главных условий субсидирования является имущественное положение лица на уровне ниже прожиточного минимума. Только тогда есть необходимость в субсидировании.

К наказанию в виде штрафа наблюдается иной подход. Если основанием предоставления субсидий является низкий уровень благосостояния лица, то основанием уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК РФ – совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Основанием применения наказания является вступивший в силу приговор суда, в соответствии с которым лицо признано виновным в совершении преступления. Имея различные основания применения, и наказание в виде штрафа, и субсидирование направлены на изменение благосостояния лица.

Итак, при назначении наказания в виде штрафа необходимо определить благосостояние лица на текущий момент, т.е. на момент вынесения приговора. Следует отдать должное российскому законодателю, который не оставил в стороне этот важный момент. Согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ, размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода.

Поскольку речь идет о назначении наказания в виде штрафа, то рассматриваемая ситуация применима только к наказанию за те преступления, за совершение которых санкциями статей УК РФ предусмотрено наказание в виде штрафа.

После того, как установлен уровень благосостояния лица, признанного виновным в совершении преступления, необходимо определить размер штрафа в пределах санкции статьи УК РФ, предусматривающей наказание в виде штрафа за совершение конкретного преступления. Ни одна санкция статьи Особенной части УК РФ не предусматривает абсолютно определенный размер штрафа. В санкциях статей размер штрафа задается определенным диапазоном с помощью одного из трех способов его исчисления:

- 1) в абсолютных показателях;
- 2) размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период;
- 3) универсальной кратности [4. С. 41].

Далее уголовный закон не дает никаких рекомендаций ни относительно выбора судом способа исчисления штрафа, ни выбора оптимального размера наказания в виде штрафа в пределах заданного санкцией статьи УК РФ диапазона.

Не вызывает сомнений тот факт, что лицо, совершившее преступление, является таким же потребителем товаров и услуг, как и любое другое лицо. В своем поведении он учитывает рыночные законы, принимает решения, в том числе на основе теории полезности. Более того, принятие решения о совершении преступления также может обосновываться законами рынка и иметь чисто экономические цели.

Практически во всех сферах деятельности индивид руководствуется утилитарными соображениями, поскольку любая деятельность должна приносить пользу. По мнению Гэри Стэнли Беккера, «люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся учителями или учителями, а именно потому, что они ожидают, что «прибыль» от решения стать преступником – приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными – будет превосходить «прибыль» от занятия иными профессиями. Рост выгод или сокращение издержек преступной деятельности увеличивает число людей, становящихся преступниками, повышая по сравнению с другими профессиями «прибыль» от правонарушений» [5. С. 41]. Следовательно, экономический подход применим и к преступному поведению.

Какими же критериями должен руководствоваться суд при определении размера наказания в виде штрафа в диапазоне, заданном санкцией статьи УК РФ? Поскольку преступник также является непосредственным участником рыночных отношений и штраф представляет собой денежное взыскание, направленное на понижение благосостояния граждан, виновных в совершении преступления, постольку при назначении наказания в виде штрафа следует использовать методы теории полезности.

Конечно, понижение благосостояния граждан, виновных в совершении преступления, не является целью наказания как таковой. Цели уголовного наказания являются более отдаленными. Понижение благосостояния граждан, виновных в совершении преступления, посредством наказания в виде штрафа является скорее средством достижения целей наказания, сформулированных законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Используя методы теории полезности для достижения целей наказания в виде штрафа, следует определить такой размер штрафа, который существенным образом способен сдвинуть линию бюджетного ограничения осужденного. Только таким образом преступник сможет лично ощутить «эффект» наказания (рис. 3). Если размер штрафа составляет величину, которая не влияет на экономическое поведение осужденного, то и «эффект» такого наказания аннулируется.

Наказание в виде штрафа должно вывести осужденного из положения равновесия. В данном случае воздействие на линию бюджетного ограничения будет отрицательным, она сдвинется влево вниз.

Положение равновесия лица до назначения наказания в виде штрафа достигалось в точке пересечения кривой безразличия U_0 и линии бюджетного ограничения X_0Y_0 , т.е. в точке E_0 . Равновесие осужденного переместится из точки E_0 в точку E_1 под воздействием уменьшения денежного дохода за счет назначения наказания в виде штрафа. Уменьшение денежного дохода приведет к изменению местоположения линии бюджетного ограничения, вследствие которого осужденный вынужден изменить свое экономическое поведение. Он не сможет позволить себе приобрести то количество товаров X и Y , которое было ему доступно до назначения наказания в виде штрафа.

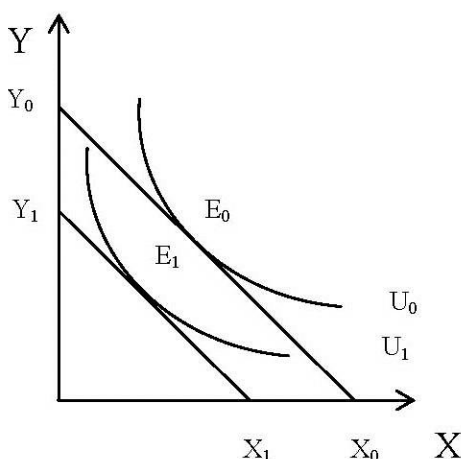

Рис. 3. «Эффект» наказания

В случае назначения наказания в виде штрафа происходит уменьшение денежного дохода потребителя. Вследствие этого происходит смещение линии бюджетного ограничения влево вниз. Вне зависимости от способа назначения штрафа осужденный теряет часть своего дохода, который смещает линию бюджетного ограничения, тем самым уменьшая благосостояние осужденного.

Однако диапазон, заданный санкцией статьи УК РФ, как правило, не включает в себя оптимальные размеры штрафа для лиц, находящихся в крайних значениях уровня благосостояния лица. Поэтому относительно наказания в виде штрафа следует признать, «что касается бедных и очень бедных, богатых и очень богатых, то они по-прежнему остаются, по существу, неподсудными данному виду наказания» [6. С. 115]. Единственным способом, позволяющим определить оптимальный размер штрафа для богатых и очень богатых осужденных, является универсальная кратность.

Все вышеприведенные рекомендации при назначении наказания в виде штрафа теряют смысл, если наказание фактически не исполняется. Поэтому необходимо обеспечить соответствующие условия, позволяющие увеличить исполнение этого вида наказания.

Наибольшие трудности у правоприменительных органов при взыскании штрафов возникают именно в процессе установления имущественного положения лица. Несмотря на прямое указание закона, судебные органы не обременяют себя установлением действительного имущественного положения лица. Формальное отношение к установлению действительного имущественного положения лица как раз и приводит к отсутствию информации у пристава-исполнителя об имуществе осужденного, за счет которого может быть исполнено наказание в виде штрафа, а затем, в свою очередь, к невозможности фактического исполнения этого наказания.

В связи с этим следует поддержать предложение В.С. Минской о том, что в российское законодательство представляется целесообразным ввести

положение, обязывающее суд принять меры, обеспечивающие получение полной и правильной информации об имущественном, финансовом положении подсудимого, которому за совершение им преступления может быть назначен штраф. Для этого суду заблаговременно в письменной форме следует предписывать лицу, уголовное дело которого принято к производству, сообщить о себе в течение установленного срока вышеназванную информацию имущественного и финансового характера. Это позволило бы избежать назначения заведомо неисполнимого штрафа [7. С. 81]. Кроме того, это позволило бы увеличить эффективность исполнения наказания в виде штрафа.

Таким образом, подводя итог, следует заключить, что для достижения целей наказания в виде штрафа и повышения эффективности этого вида наказания, в процессе его назначения суду необходимо использовать методы теории полезности. Наказание в виде штрафа должно вывести осужденного из положения равновесия. Только таким образом преступник сможет лично ощутить «эффект» наказания.

Литература

1. *Ротбард М.* О реконструкции экономической теории полезности и благосостояния (окончание) // Экономическая политика. 2009. № 2. С. 128–147.
2. *Ваславская И.Ю., Коваленко С.В.* Эволюция экономических теорий полезности и ценности // Казанский экономический вестник. 2014. № 2. С. 133–138.
3. *Курс микроэкономики : учеб. / Р.М. Нуреев. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 624 с.*
4. *Мелюханова Е.Е.* Универсальная кратность как способ исчисления наказания в виде штрафа // Российский следователь. 2016. № 4. С. 39–42.
5. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. ; сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
6. *Суховаров К.С.* К вопросу об индивидуализации уголовного наказания штрафом // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 112–115.
7. *Минская В.С.* Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство о штрафе нуждается в совершенствовании // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1. С. 79–82.

Melyukhanova Eugenia E., Ural State University of law (Ekaterinburg, Russian Federation)
USE OF THE METHODS OF THE THEORY OF UTILITY WHEN IMPOSING A PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE

Keywords: theory of utility, budgetary restriction, balance position, criminal law, criminal punishment, punishment in the form of a fine.

DOI: 10.17223/22253513/27/4

The article deals with the theory of utility and its use when imposing a punishment in the form of a fine. When imposing a punishment in the form of a fine the state pursues the aim to lower the welfare of citizens guilty of crimes.

When imposing a punishment in the form of a fine it is necessary to define the welfare of a person to date, i.e. at the time of sentencing. It is necessary to pay tribute to Russian legislators who have not put aside this important point. According to Part 3, Article 46 of the Crim-

inal Code of the Russian Federation, the court determines the size of a fine taking into account the gravity of a committed crime, a property status of the convict and his family, and the possibility of receiving salary or other income by the convict. While we discuss the punishment in the form of a fine, the situation under consideration is applicable only for crimes punishable by fine under the Criminal Code of the Russian Federation.

After the welfare of a guilty is established, it is necessary to determine the size of a fine within the framework of the Criminal Code of the Russian Federation, which prescribes punishment in the form of a fine for a concrete crime. No article of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation provides for an absolutely certain size of a fine. Further, criminal law does not make any recommendations concerning either the choice of calculating a fine in court or the choice of the optimum amount of punishment in the form of a fine within the range set by the article of the Criminal Code of the Russian Federation.

What criteria should the court follow when determining the amount of punishment in the form of a fine in the range set by the article of the Criminal Code of the Russian Federation? Since the criminal is a direct participant of market relations and the penalty represents a monetary sanction directed at decreasing the welfare of the citizens guilty of crime, it is necessary to use methods of the theory of utility when imposing punishment in the form of a fine under the Criminal Code of the Russian Federation.

When using the methods of the theory of utility for achievement of the objectives of punishment in the form of a fine, it is necessary to determine such size of a penalty, which is essentially capable to shift the line of the budgetary restriction of the convict. In such a way, the criminal himself will be able to feel the "effect" of punishment. If the size of a penalty makes the size, which does not influence the economic behavior of the convict, the "effect" of such a punishment is cancelled.

All above-stated recommendations concerning the punishment in the form of a fine lose meaning if punishment actually is not enforced. Therefore, it is necessary to provide the corresponding conditions allowing the increase of enforcement of this type of punishment.

References

1. Rotbard, M. (2009) O rekonstruktsii ekonomicheskoy teorii poleznosti i blagosostoyaniya (okonchanie) [On the reconstruction of the economic theory of utility and welfare (final)]. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*. 2. pp. 128–147.
2. Vaslavskaya, I.Yu. & Kovalenko, S.V. (2014) Evolution of economic theories of utility and value. *Kazanskiy ekonomicheskyy vestnik*. 2. pp. 133–138. (In Russian).
3. Nureev, R.M. (ed.) (2017) *Kurs mikroekonomiki* [Microeconomics]. Moscow: Norma: INFRA-M.
4. Melyukhanova, E.E. (2016) Universal multiplicity as a method of penalty calculation. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 4. pp. 39–42. (In Russian).
5. Becker, G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskyy podkhod. Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human behavior: an economic approach. Selected Works on Economic Theory]. Translated from English by R.I. Kapelyushnikov. Moscow: HSE.
6. Sukhovarov, K.S. (2013) K voprosu ob individualizatsii ugovnogo nakazaniya shtrafom [On the individualisation of criminal punishment through fine]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 11. pp. 112–115.
7. Minskaya, V.S. (2015) Ugolovnoe i ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo o shtrafe nuzhdaetsya v sovershenstvovanii [Criminal and penal legislation on penalties needs to be improved]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 79–82.

УДК 342.7

DOI: 10.17223/22253513/27/5

О.Д. Овчинникова, А.М. Шаганян

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению юридических обязанностей как составляющей части правового статуса личности, рассмотрены различные подходы к данному понятию, обозначены имеющие место в настоящее время классификации обязанностей (личные обязанности, гражданские обязанности, общественные обязанности). Теоретические положения ярко проиллюстрированы положениями из конституций зарубежных государств. Проанализированы основные обязанности граждан по Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: юридические обязанности, обязанности, правовой статус личности, права, классификация обязанности, конституционные обязанности, скрытые обязанности, гражданские обязанности, личные обязанности, общественные обязанности.

Существование человека в обществе и государстве предусматривает наличие взаимных прав и юридических обязанностей, которые в совокупности и составляют правовой статус личности. Это означает, что в основных законах и иных нормативных правовых актах любого государства провозглашаемым правам корреспондируют соответствующие обязанности.

Поскольку юридические обязанности являются неотъемлемым элементом любого правового статуса личности, соответственно реализация прав и свобод человека и гражданина связана с ними неразрывно. «В основе права, – писал Г. Гегель, – лежит свобода отдельного человека, и право заключается в том, чтобы я обращался с другим как со свободным существом» [1. С. 203]. Следовательно, обязанности есть ограничение собственной свободы, т.е. осознание необходимости адекватной поведенческой реакции. Обязанность – это мера общественно необходимого поведения человека, призванная вместе с правами и свободами обеспечивать баланс, устойчивость и динамизм правового регулирования [2. С. 678].

В настоящее время в юридической литературе отсутствует единообразный подход относительно понятия «юридическая обязанность». Так, А.В. Матузов [2. С. 232] и Т.Н. Радько [3. С. 369] понимают под ней «меру должного и необходимого поведения». С.А. Авакьян [4. С. 573] и Г.В. Мальцев [5. С. 76] – «необходимость определенного поведения», Б.С. Эбзеев [6. С. 185] – «требования, предъявляемые государством или обществом к личности».

Таким образом, важнейшими характеристиками юридической обязанности являются безусловная категоричность (властный императив – следовать предписываемому поведению), обеспеченность мерами государственного принуждения, формальная определенность.

Безусловно, на сегодняшний день юридические обязанности как неотъемлемый элемент статуса личности пронизывают абсолютно все сферы общественной жизни. Согласно ч. 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [7. С. 154]. Без обязанностей друг перед другом, человека перед обществом, свобода вырождается в анархию и хаос, нереально достижение социальной солидарности, без чего невозможны развитие общества и человеческое функционирование. «Свобода подлежит... ограничениям или обязанностям... Сии обязанности суть существенные воле человека. Без них свобода наша не была бы свобода человеческая, но свобода сатанинская», – писал выдающийся российский политический деятель и реформатор М.М. Сперанский [8. С. 830].

Конституция Российской Федерации наряду с основными правами и свободами устанавливает и основные юридические обязанности, для которых присущи некоторые характерные признаки. Так, ч. 2 ст. 6 Основного закона России провозглашает принцип равенства обязанностей: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» [9]. Освобождение от обязанности, как и ее установление, возможно лишь на основании закона. Обязанности могут быть возложены не только на гражданина (обязанность прохождения воинской службы), но и на всех лиц, прибывающих на территории российского государства (обязанность по уплате курортного сбора, сохранность окружающей среды и др.).

Исходя из собственных сущностных характеристик, под юридической обязанностью следует понимать формально определенное предписание, выражающее личные, общественные и / или государственные интересы и представляющее собой меру должного поведения, выраженную в категоричной форме, т.е. не предполагающую иных вариантов поведения для ее адресатов, обеспеченную возможностью применения мер психического, физического или организационного воздействия уполномоченных на то органов государства, должностных лиц на сознание и поведение субъектов.

Многообразие обязанностей обуславливает возможность их классификации по различным основаниям. Например, С.С. Алексеев предлагает классифицировать обязанности на естественно-правовые, носителями которых выступают человек и общество, и юридические, носителями которых являются гражданин, государство, его органы и которые отражены в позитивном праве [10. С. 126].

Анализ содержания положений Конституции Российской Федерации обозначил целесообразность разделить юридические обязанности человека

и гражданина. Необходимо указать, что объем обязанностей гражданина, как правило, в политической сфере более широк. Так, в ст. 58 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность каждого лица, вне наличия у него гражданства, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, а ст. 59 закрепляет уже обязанность исключительно граждан: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [9].

Основные юридические обязанности граждан обычно закрепляются в конституциях и представляют собой следующий каталог (перечень): уважать права и свободы других лиц, платить законно установленные налоги и сборы, охранять природу, окружающую среду, памятники истории и культуры, уважать и соблюдать законы, нести воинскую повинность и т.д. Дальнейшая детальная правовая регламентация этих обязанностей находит свое отражение в текущем законодательстве. Однако в конституциях некоторых государств устанавливаются и иные юридические обязанности: обязанность трудиться (ст. 55 Конституции Социалистической Республики Вьетнам [11]; ст. 42 Конституции Китайской Народной Республики [12]; ст. 27 Конституции Японии [13]), воспитывать детей (Россия, Италия), заботиться о своем здоровье (ст. 44 Конституция Восточной Республики Уругвай), осуществлять планирование рождаемости (ст. 49 Конституции Китайской Народной Республики) и иные.

С точки зрения выполняемых функций, обязанности можно классифицировать на активные и пассивные. При этом активные обязанности подразумевают совершение действий обязанным лицом с целью удовлетворения интересов управомоченного лица (трудовые правоотношения). Пассивные обязанности предполагают обязанность воздерживаться от действий известного рода (правоотношения собственности).

Бесспорным критерием для классификации обязанностей выступает наличие длящейся, устойчивой политико-юридической связи человека с государством, заключающейся в наличии взаимных прав и обязанностей, т.е. гражданства. Традиционно у гражданина наличествует более полный объем прав и обязанностей по отношению к правам и обязанностям человека.

В зависимости от того, чей интерес выражают обязанности, их можно разделить на государственные (например, обязанность воспитывать и выдвигать кадровых работников из числа женщин (ст. 48 Конституция Китайской Народной Республики [12])); общественные (например, проявление уважения к святости общества и общественных интересов (ст. 35 Конституции Республики Судан [14]), сохранение окружающей среды); личные (например, обязанность родителей по отношению к детям (ст. 30 Конституции Итальянской Республики [15])).

Закрепление в нормативных правовых актах обязанностей невозможно без обоснования того, какую пользу от этого получит сам субъект обязанности. Такая польза может заключаться либо в возможности действовать самому для достижения своих потребностей, целей и интересов, сообразо-

ывая эти интересы с интересами других людей, либо в ожидании предоставления всевозможных благ от иных субъектов, в пользу которых осуществляются обязанности. И то и другое в значительной степени связано с правами человека. Именно поэтому обязанности следует считать порождением прав, а оправдание их существования может корениться только в необходимости с их помощью обеспечить наиболее эффективную реализацию прав человека [16. С. 22].

Анализ соотношения объема прав и обязанностей, закрепленных в основных законах различных государств, позволяет сделать вывод о его неравномерности. Зачастую объем прав формально превалирует над объемом обязанностей, причем в кратном исчислении. Представляется, что подобная пропорция прав и обязанностей в реальности не означает наличие у гражданина огромного количества прав и некоторого минимума обязанностей, поскольку любому праву корреспондирует собственная юридическая обязанность и наоборот.

Стоит заметить, что в последнее время в мире наблюдается тенденция по расширению скрытых конституционных обязанностей, т.е. тех обязанностей, которые вытекают из содержания норм основного закона, но прямо там не сформулированы. Так, из ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...» вытекает обязанность воздерживаться от применения пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания.

На сегодняшний день Конституция Российской Федерации содержит в себе усеченный набор обязанностей по сравнению с Конституцией СССР 1977 г. При формулировании положений современного Основного закона российского государства законодатель, во-первых, отошел от союзного провозглашения единства прав и обязанностей, что и повлекло их уменьшение; во-вторых, не выделил отдельно главу, посвященную обязанностям, и не обозначил их в наименовании главы, в которой они, тем не менее, изложены вместе с правами и свободами – «Права и свободы человека и гражданина».

Основополагающей обязанностью по Конституции России выступает необходимость соблюдения ее положений, а также иных нормативных правовых актов всеми субъектами правовых отношений (ч. 2 ст. 15). Свое продолжение эта обязанность получает через еще одну из ключевых обязанностей в правовом статусе любого человека, находящегося на территории Российской Федерации – обязанность по уважению прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17). Несмотря на то что права и свободы человека признаются высшей ценностью для государства (ст. 2), недопустимы случаи, когда реализация своих прав и свобод затрагивает или нарушает права и свободы других лиц.

Немаловажной обязанностью является сохранность природы и окружающей среды, что обусловлено непосредственным влиянием этих объектов

на продолжительность и качество жизни человека, а также те условия, в которых он проживает и функционирует. Человек является частью природы и непосредственно зависит от нее. Статья 58 Конституции России закрепляет обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Из диспозиции данной нормы права видно, что законодатель не очертил круг субъектов, на которых распространяется данное правило, а значит, она направлена на всех индивидуально (граждане, иностранцы, лица без гражданства, лица с несколькими гражданствами) и коллективных субъектов.

Структурно ст. 59 Конституции Российской Федерации состоит из следующих правил: обязанность сохранять природу (т.е. оберегать от разрушения, повреждения); обязанность сохранять окружающую среду и обязанность бережно относиться к природным богатствам. Следовательно, целесообразно проводить различие между такими понятиями, как природа и окружающая среда. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об охране окружающей среды» под окружающей средой понимается «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов» [17]. Под природой в свою очередь понимается «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов», тем самым можно сделать вывод, что понятие «окружающая среда» шире понятия «природа», поскольку оно включает в себя не только объекты, касающиеся природной среды, но и антропогенные объекты.

Полагаем, что под природными богатствами в данном контексте понимаются животный и растительный мир, земля, недра, леса, водное и воздушное пространство.

В настоящее время населением активно используются природные ресурсы, что в определенных случаях может привести к их истощению, следовательно, необходимо заботиться не только об их сохранности для будущих поколений, но и воспроизведении (высадка леса, разведение животных особей и др.). Так, зачастую на участках водосбора и в местах залегания подземных вод наблюдаются несанкционированные свалки твердых бытовых отходов, что сказывается на качестве питьевой воды или невозможности использования воды в промышленных целях.

Считаем важным указать, что рассматриваемая обязанность корреспондирует праву на благоприятную окружающую среду, закрепленному в ст. 42 Конституции Российской Федерации.

Весомой обязанностью, а также долгом во все времена является защита Отечества. Статья 59 Конституции Российской Федерации предусматривает несколько понятий, касающихся реализации военной функции, а именно защиту Отечества гражданами (ч. 1) и военную службу граждан (ч. 2). Данные виды деятельности регулируются различными нормами права, следовательно, есть основание полагать, что они несут разную смысловую нагрузку. Так, порядок осуществления военной функции регулируется Фе-

деральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и другими нормативными правовыми актами. Согласно нему «военная служба – особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее также – другие войска), в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях и т.д.» [18]. Соответственно, под защитой Отечества понимается разнообразная деятельность населения, направленная на оказание помощи в военных действиях, но без оружия. Данная категория носит в большей степени нравственно-этическую основу, вытекающую из требований морали. Подобная деятельность должна реализовываться на основе глубокого чувства долга перед Родиной, любви к Отечеству, посредством работы в тылу, на предприятиях оборонной промышленности и т.д. Кроме того, если военная служба осуществляется как в мирное, так и в военное время (полная мобилизация), то обязанность по защите Отечества реализуется в условиях войны или ее угрозы. На основании изложенного полагаем, что отождествление военной службы и долга является неверным, поскольку первая регулируется федеральным законодательством и уклонение от нее карается мерами юридической ответственности, а вторая регулируется нормами морали, выступая в качестве нравственного долга.

Следует помнить, что принципиальным для полноценной жизни человека в обществе является реализация им духовной потребности. Так, ч. 3 ст. 44 Конституции России закрепляет обязанность каждого «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Данное правомочие вытекает не только из права на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, закрепленного в ч. 2 ст. 44, но и из международных обязательств, взятых на себя Россией в рамках ратификации парижской Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.

Как и в других статьях, закрепляющих конституционные обязанности, при формулировании нормы законодателем не обозначен круг субъектов, на которых распространяется данное правило, следовательно, как и прежде, в него входят как индивидуальные, так и коллективные субъекты.

Необходимо указать, что в ст. 44 в качестве объекта охраны обозначены историческое и культурное наследие, а также памятники истории и культуры, в то же время в ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [19] эти понятия приравняются между собой. Следовательно, законодатель предлагает нам понимать под объектами культурного наследия памятники истории и культуры.

Не стоит забывать, что рассматриваемая обязанность включает в себя не только охрану и сохранение указанных объектов, но и проведение различных мероприятий, направленных на популяризацию их в целях передачи потомкам.

Статья 57 Конституции Российской Федерации закрепляет обязанность платить законно установленные налоги и сборы. Данная сфера общественных отношений подробно регулируется налоговым законодательством. Так, согласно ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации под налогом понимается обязательный, безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения деятельности государства и / или муниципальных образований. Сбор в этой же статье определяется как обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц за совершение юридически значимых действий со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами. Следует указать, что наличие в формулировке диспозиции такого слова, как обязательный, свидетельствует об императивности изложенного правила поведения [20].

Объекты налогообложения разнообразны, ими могут выступать прибыль, определенные виды деятельности, пользование природными ресурсами, имущество, передача прав на имущество и др. Основопологающим принципом налогового законодательства является обязанность однократной уплаты налога в определенный законом период налогообложения.

Ни одно государство мира не будет признано демократическим, если его граждане будут лишены возможности реализовывать свое право на образование. Согласно международным стандартам в сфере образования, ч. 4 ст. 43 Конституции России закрепляет обязанность по получению основного общего образования, что обеспечивается родителями или лицами, их заменяющими. Это положение, прежде всего, направлено на необходимость всестороннего развития личности, осознание ею не только своих прав, свобод, но и обязанностей. Конституция закрепляет, что дошкольное, основное общее, среднее специальное образование является общедоступным и бесплатным. За неисполнение данной обязанности, т.е. непринятие всех необходимых мер к получению детьми образования, установлена административная ответственность. Подобная обязанность получения основного образования присутствует во многих конституциях зарубежных стран. Примечательным является факт того, что Основные законы ряда стран содержат при этом обязанность государства обеспечить всем необходимым для получения такого образования (например, ст. 70 Конституции Восточной Республики Уругвай [21]).

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы:

- не получив обозначения в наименовании главы второй Конституции Российской Федерации, основные обязанности личности нашли в ней свое отражение и закрепление;
- путем применения методологии фундаментальной науки теории государства и права обнаруживается присутствие в Основном законе российского государства значительного количества скрытых обязанностей. При этом можно констатировать отсутствие прямого закрепления обязанностей государства перед личностью;

– правовой статус личности есть единство и взаимосвязь прав и обязанностей, следовательно, наименование второй главы Конституции Российской Федерации требует уточнения, как и перечень, и содержание обязанностей государства перед личностью и обществом.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М. : Мысль, 1990. 464 с.
2. *Теория государства и права* : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов : СВШ МВД РФ, 1995. 559 с.
3. Радько Т.Н. *Теория государства и права* : учеб. для бакалавров. М. : Проспект, 2012. 495 с.
4. Авакьян С.А. *Конституционное право России* : учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. : в 2 т. М. : Юрист, 2006. Т. 1. 864 с.
5. Мальцев Г.В. *Социалистическое право и свобода личности*. М. : Юрид. лит., 1968. 80 с.
6. Эбзеев Б.С. *Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности*. М. : Норма, 2007. 384 с.
7. *Всеобщая Декларация и Программа действий* от 25 июня 1993 г. // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 153–180.
8. *В память графа Михаила Михайловича Сперанского* / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб. : Имп. публ. б-ка, 1872. 921 с.
9. *Конституция Российской Федерации* от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
10. Алексеев С.С. *Общая теория права* : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. II. 360 с.
11. *Конституция Социалистической Республики Вьетнам* от 5 апреля 1992 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).
12. *Конституция Китайской Народной Республики* от 04.12.1982. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).
13. *Конституция Японии* от 3 ноября 1946 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).
14. *Конституция Республики Судан* от 1 июля 1998 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).
15. *Конституция Итальянской Республики* от 22 декабря 1947 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).
16. Алебастрова И.А. *Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития* // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 22–25.
17. *Об охране окружающей среды*: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2002. № 6.
18. *О воинской обязанности и военной службе*: Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Российская газета. 1998. № 63–64.
19. *Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации*: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2002. № 116–117.
20. *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 14.11.2017) // Российская газета. 1998. № 148–149.
21. *Конституция Восточной Республики Уругвай* от 26 октября 1951 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 01.10.2017).

Ovchinnikova Olesya D., Chaganian Annetta M., Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation)

LEGAL OBLIGATION THROUGH THE PRISM OF THE THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS OF THE PROVISIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: legal obligations, responsibilities, legal status of the individual, rights, classification of duties, the constitutional duty hidden duty, civic responsibilities, personal responsibilities, social responsibilities.

DOI: 10.17223/22253513/27/5

The article studies the legal responsibilities as an integral element of the legal status of the individual. All enshrined in normative legal acts correspond to the duties of the appropriate authority.

Currently, in the legal literature there is no uniform approach regarding the notion of "legal obligation" under which the authors refers to an unconditional categorical (power imperative is to follow a prescribed behavior), provided measures of state coercion. Legal duties enshrined in the Constitution of the Russian Federation, has the following characteristics: the exemption from the duty, as well as its establishment, is possible only on the basis of the law; duty may be imposed on all persons etc.

There is a need to allocate a large number of criteria for the classification of legal responsibilities. In particular, allocate the responsibilities of man and citizen, active and passive, public, social, personal, etc.

Analysis of the correlation of rights and duties enshrined in the Basic laws of the various States, allows to make a conclusion about its unevenness. Recently in the world there is a trend to expand the hidden constitutional duties, i.e. the duties arising from the content of the norms of the basic law, but there are not directly formulated.

Today, the Russian Constitution provides for the following duties: preservation of nature and environment, protection of the Fatherland, protection of designated historic and cultural heritage and monuments of history and culture, the obligation to pay legally established taxes and fees, the obligation to receive basic General education.

The conducted research allowed to formulate the following conclusions: without notation in the heading of Chapter II of the Constitution of the Russian Federation, the main responsibilities of the individual found in it the reflection and consolidation; by applying the methodology of basic science of theory of state and law detects the presence in the basic law of the Russian state a significant amount of hidden responsibilities. It is possible to ascertain the absence of direct fixing of the duties of the state to the person; legal status of the individual is the unity and interrelation of rights and duties, hence the name of the second Chapter of the Constitution of the Russian Federation requires clarification, as the list and content of the duty of the state to the individual and society.

References

1. Hegel, G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'.
2. Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Saratov: Ministry of Interior of the Russian Federation.
3. Radko, T.N. (2012) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
4. Avakyan, S.A. (2006) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Russian Constitutional Law]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Yurist".
5. Maltsev, G.V. (1968) *Sotsialisticheskoe pravo i svoboda lichnosti* [Socialist law and personal freedom]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

6. Ebzeev, B.S. (2007) *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti* [Personality and state in Russia: mutual responsibility and constitutional responsibilities]. Moscow: Norma.

7. Anon. (1994) Vseobshchaya Deklaratsiya i Programma deystviy ot 25 iyunya 1993 g. [The Universal Declaration and Program of Action of June 25, 1993]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 1. pp. 153–180.

8. Bychkov, A.F. (ed.) (1872) *V pamyat' grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo* [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky]. St. Petersburg: Imperatorskaya publichnaya biblioteka.

9. Russian Federation. (2014) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 g. [Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 31. Art. 4398.

10. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General Theory of Law: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

11. Socialist Republic of Vietnam. (1992) *Konstitutsiya Sotsialisticheskoy Respubliki V'etnam ot 5 aprelya 1992 g.* [Constitution of the Socialist Republic of Vietnam on April 5, 1992]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

12. The People's Republic of China. (1982) *Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki ot 04.12.1982* [Constitution of the People's Republic of China of April 12, 1982]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

13. Japan. (1946) *Konstitutsiya Yaponii ot 3 noyabrya 1946 g.* [Constitution of Japan of November 3, 1946]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

14. The Republic of Sudan. (1998) *Konstitutsiya Respubliki Sudan ot 1 iyulya 1998 g.* [Constitution of the Republic of Sudan of 1 July 1998]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

15. The Italian Republic. (1947) *Konstitutsiya Ital'yanskoy Respubliki ot 22 dekabrya 1947 g.* [Constitution of the Italian Republic of December 22, 1947]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

16. Alebastrova, I.A. (2016) Constitutional Duties of a Person and a Citizen: Effects and Trends. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 12. pp. 22–25. (In Russian).

17. Russian Federation. (2002) Ob okhrane okruzhayushchey sredy: Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 29.07.2017) [On Environmental Protection: Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, (as of July 29, 2017)]. *Rossiyskaya gazeta*. 6.

18. Russian Federation. (1998) O voinskoy obyazannosti i voennoy sluzhbe: Federal'nyy zakon ot 28 marta 1998 goda № 53-FZ (red. ot 26.07.2017) [On Military Duty and Military Service: Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998, (as of July 26, 2017)]. *Rossiyskaya gazeta*. 63–64.

19. Russian Federation. (2002) Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ (red. ot 29.07.2017) [On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 (as of July 29, 2017)]. *Rossiyskaya gazeta*. 116–117.

20. Russian Federation. (1998) Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 14.11.2017) [The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as of November 14, 2017)]. *Rossiyskaya gazeta*. 148–149.

21. The Eastern Republic of Uruguay. (1951) *Konstitutsiya Vostochnoy Respubliki Urugvay ot 26 oktyabrya 1951 g.* [Constitution of the Eastern Republic of Uruguay of October 26, 1951]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=31>. (Accessed: 1st October 2017).

УДК 343.985.7

DOI: 10.17223/22253513/27/6

Д.С. Ондар

УЧЕТ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ ТУВИНЦЕВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА И СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ ИЗ ЖИЛИЩА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В УСЛОВИЯХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

В статье анализируются влияние диалектных особенностей тувинской речи на воспроизведение информации допрашиваемым и влияние этнологических факторов на его поведенческие характеристики. Обосновывается необходимость привлечения сведущих лиц к участию в допросе представителей этноса: переводчика и / или специалиста-этнолога.

Ключевые слова: кража из жилища, допрос, диалектные особенности допрашиваемого, специальные знания, специфические условия жизнедеятельности отдельных этнических групп.

Допрос является одним из важных и одновременно сложных следственных действий. Его основная задача – получение от потерпевшего, свидетелей, подозреваемого, обвиняемого правдивых показаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела. При производстве допроса следователь должен учитывать субъективные и объективные факторы, влияющие на продуктивность восприятия и удержания воспринятого в памяти, и класть их в основу выбора тактических приемов. Оставляя за рамками настоящей статьи вопрос о субъективных факторах, рассмотрим проблемы учета объективных факторов. К одному из объективных факторов относятся степень владения допрашиваемым тем языком, на котором происходит общение, а также интеллектуальные способности человека [1. С. 579–582].

Известно, что делопроизводство в правоохранительных органах Российской Федерации, а также делопроизводство в правоохранительных органах субъектов Федерации производится на государственном языке России или государственном языке республики. Степень владения участником процесса языком уголовного судопроизводства должна быть определена следователем сразу же после появления данного лица в качестве участника уголовного судопроизводства. Для установления данного факта осуществляются следственные и иные процессуальные действия: допросы участника уголовного судопроизводства, в ходе которых, помимо прочего, выясняются его гражданство, национальность, место рождения, национальный состав семьи, употребляемый для общения в семье язык и т.д. Если лицо

заявляет, что не понимает ни русского, ни государственного языка республики, необходимо выяснить, какой язык является для него родным, на каком он свободно разговаривает и переводчик с какого языка ему требуется.

Общеизвестным требованием к закреплению сведений, данных лицом во время допроса, является, по возможности, более точное их изложение. Записывая показания в протокол допроса, следователь должен точно передать их содержание, сохраняя при этом формулировки и выражения, свойственные речи допрашиваемого. Следует учитывать, что показания, данные этим лицом, будут исследованы и оценены многими участниками уголовного судопроизводства: руководителем следственного органа, начальником органа дознания, прокурором, судьей.

Устные показания являются разновидностью разговорной речи. Лица, дающие показания, в условиях официальной обстановки допроса должны ориентироваться на унифицированную (словарями, языковыми учебниками и т.п.) литературную речь. Однако нередко речь не свободна от диалектных, просторечных, жаргонных слов и выражений, профессионализмов и т.д. В условиях существования серьезных диалектных различий, присущих речи следователя и иных участников уголовного судопроизводства, возникают связанные с этим проблемы. Кроме того, устным показаниям свойственны неподготовленность, минимум времени для обдумывания высказываний. Протокольный текст должен быть строго однозначен, поэтому нелитературную лексику всегда следует пояснять.

Разумеется, из числа отступлений от литературного языка наибольшее значение для целей допроса по делам о кражах из жилища в сельской местности являются диалекты. В Республике Тыва государственными являются русский и тувинский языки. В лексическом составе тувинского языка присутствует значительный корпус заимствований из монгольского, русского и тибетского. Каждый из говоров и диалектов тувинского языка имеет свою историю формирования и развития. Носители тувинских говоров и диалектов вступали в различные контакты с представителями других народов, что не могло не найти отражения в звуковых системах тувинских идиом [2. С. 76].

У тувиноведов нет единого мнения о диалектном членении тувинского языка. Мы представим классификацию, приведенную в [3]. В работе исследователи выделили пять диалектов рассматриваемого языка: юго-восточный, западный, центральный, северо-восточный (или так называемый тоджинский), смешанный (каа-хемский и тере-хольский) говор [Там же. С. 45–46]. В основу литературного языка положен центральный диалект. Различие в диалектах тувинского языка можно проиллюстрировать следующим примером. В кара-хольском подговоре слово «воровать» обозначается термином «туткууштаныр», в литературном же языке это слово «оорланыр», а «туткууштаныр» будет пониматься как «брать прихватки для снятия горячей кастрюли с печки». В центральных районах (таких как Улуг-Хем, Сут-Хол, Чаа-Хол и т.д.) в значении слова «воровать» мо-

гут употребить слово «тепкен». Представители юго-восточного диалекта это слово употребляют только в прямом значении как «пнул (например, мячик)».

В ходе проведения допроса и иных следственных действий не должны нарушаться права и свободы участников уголовного судопроизводства. Кроме того, отдельным из них предоставлено право воспользоваться юридической помощью. При соблюдении названных прав должны учитываться и этнопсихологические особенности участников. Носителем этих особенностей всегда выступает конкретная личность [4. С. 38].

Важное значение при подготовке к допросу занимает изучение личности допрашиваемого [5. С. 19]. Особо важно предварительное изучение местных обычаев, нравов и традиций, особенностей диалектики, жестов, принятых по месту жительства допрашиваемого. Причем, на диалектное своеобразие речи допрашиваемого может указать ряд изучаемых обстоятельств. К примеру, определение места рождения допрашиваемого позволяет выдвинуть гипотезу о возможности обладания им диалектной речью. Кроме того, нужно принимать во внимание факт родства либо знакомства допрашиваемого со своими односельчанами, что может повлиять на его показания [6. С. 45]. Немалую роль будут иметь представления следователя о почитаемых объектах, сакральных местах, которые диктуют правила поведения, предписанные традициями этнических культур [7. С. 101]. В процессе изучения личности допрашиваемого необходимо также выяснить вопрос об использовании в повседневной жизни лицом, подлежащим допросу, сотового телефона для получения снимков, видеозаписей, пересылки своих изображений и т.д. Установление данного факта позволит сделать вывод о тактической целесообразности использования в ходе допроса таких технических средств фиксации, как аудио- и / или видеозапись. Если же лицо, часто пользуется камерой сотового телефона в целях фотографирования и видеозаписи собственной персоны, то можно предположить, что аудио- и видеозапись хода и результатов допроса не будет отвлекать внимание допрашиваемого и не повлияет на продуктивность следственного действия. И, наоборот, лицо, использующее сотовый телефон лишь для совершения звонков, будет чувствовать себя скованно, постоянно переключая свое внимание на техническое средство фиксации. Как видим, специфические особенности названных субъектов, подготовка к производству допроса и сам допрос сельского жителя, проживающего в местах компактного нахождения этноса, состоят в выяснении таких обстоятельств, которые редко принимаются во внимание при допросах в обычных условиях расследования.

В том случае, если следователь не знает диалектных особенностей речи, он должен обеспечить производство допроса с участием переводчика. Переводчик – лицо, свободно владеющее языком судопроизводства и языком, знание которого необходимо для перевода, не заинтересованное в исходе уголовного дела, назначаемое в установленных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации случаях по постановлению сле-

дователя для обеспечения перевода речи участника уголовного судопроизводства, не владеющего языком уголовного судопроизводства.

В изученной нами судебной практике Республики Тыва в 25% дел был привлечен переводчик. Так, 19 июля 2012 г. в с. Нарын Эрзинского района около 14:00 часов неустановленное лицо в целях хищения чужого имущества, разорвав клеенку, которой было прикрыто окно кухни, незаконно проникнув через окно, тайно похитило денежные средства в размере 10 тыс. руб. Потерпевшей был причинен значительный ущерб имуществу. В результате следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий было выявлено лицо, подозреваемое в совершении хищения. Им оказался 64-летний гражданин О. Подозреваемый не владел русским языком, также разговаривал на юго-восточном диалекте тувинского языка (данный диалект характеризуется значительным влиянием монгольского языка по сравнению с литературным языком и его другими диалектами). Для проведения допроса следователь привлек к участию в нем переводчика [8].

Следует учитывать существование на территории Республики Тыва малочисленных народов, например тувинцев-тоджинцев (общая численность их, по данным на 01.02.2018 г., составляет 4 442 человека). В качестве переводчика названных субъектов нужно привлекать лицо, относящееся к данному этносу. При их допросе целесообразно использовать средства аудио- или видеозаписи, поскольку возможны ситуации, когда допрашиваемый может отказаться от своих слов, ссылаясь на неправильность изложения следователем его показаний, в том числе по причине неправильного перевода. Это может привести к исключению результатов допроса из числа доказательств по делу [9. С. 107]. Соответственно, следователь перед началом допроса должен убедиться в способности привлеченного к допросу переводчика правильно осуществлять перевод. В рассмотренных нами условиях, на наш взгляд, удостоверяющими действиями могут быть: проверка наличия высшего профессионального образования в специфической области лингвистики и / или знание данного языка и этносоциальных особенностей носителей языка, с которого необходимо произвести перевод¹. Разумеется, желательно наличие у такого лица опыта соответствующего перевода.

В соответствии со ст. 59 УПК РФ, переводчику перед началом допроса разъясняются его права и обязанности, он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод. При допросе с участием переводчика следователь должен учитывать два момента. Во-первых, в сложной ситуации, к которой, несомненно, относится ситуация допроса, в наибольшей мере проявляются стереотипы, в данном случае – этнические стереотипы как схематизированные типы поведения, характер-

¹ Так, тувинцы-тоджинцы до сих пор продолжают сохранять все основные элементы своей культуры: язык, обычаи и обряды, нормы поведения, традиционные праздники и обряды. Актуальным остается и шаманизм, который проявляется в многочисленных обрядах, основа которых – демонстрация уважения к духам – хозяевам местности [10. С. 77].

ные для представителя какого-либо этноса [11. С. 98]. Во-вторых, процесс преобразования информации в ходе перевода неизбежно приводит к потере ее части, содержащейся в исходном сообщении. Применительно к уголовно-процессуальной сфере перевод всегда приводит к потере части криминалистически значимой информации [12. С. 26]. В отношении представителей определенного этноса это имеет особое значение. К примеру, исследователи, находившиеся на краткосрочных полевых работах в Тодже, охарактеризовали тувинцев-тоджинцев как немногословных, скупых на эмоции, медлительных и созерцательных людей [10. С. 73].

Таким образом, участие переводчика на стадии предварительного следствия служит, с одной стороны, гарантией обеспечения конституционных прав личности потерпевшего, а применительно к подозреваемому и обвиняемому – одним из способов реализации права на защиту, а с другой – может повлечь за собой искажение информации, сообщаемой указанными и иными лицами.

Перспективными для дальнейшего исследования являются проблемы совершенствования расследования преступлений, совершаемых в условиях компактного проживания этноса, а также вопрос о сравнении двух вариантов ведения дела: 1) когда и следователь (дознатель), и участник уголовного судопроизводства являются представителями одного этноса; 2) когда следователь (дознатель) и участник уголовного судопроизводства являются представителями разных этносов. В первом случае принадлежность к одному этносу способствует более быстрому формированию психологического контакта. Следователь того же этноса имеет в этом случае очевидные преимущества перед следователями, принадлежащими к другому этносу, в том, что он знает неписанные правила данного этноса. К тому же допрашиваемое лицо может считать, что есть возможность повлиять на следователя, относящегося к тому же этносу, что и он. Во втором случае ситуация полностью противоположная.

Называние такой перспективы обусловлено выяснением одного обстоятельства в ходе нашего исследования. Оно касалось возможности задействования старейшин в качестве переводчика, учитывая имеющийся у них авторитет. Мы исходили из того, что в тактическом плане авторитет такого лица позволит усилить тактический потенциал воздействия на допрашиваемое лицо. Кроме того, необходимость поддержания авторитета является в определенной мере гарантией точного перевода сообщаемых сведений допрашиваемым лицом, поскольку установление факта заведомо недостоверного перевода путем анализа аудио- и видеозаписи, сопровождающей допрос, подрывает авторитет уважаемого лица. Однако проведенное исследование показало, что старейшины не идут на контакт с представителями правоохранительных органов. Причиной данного факта служит убеждение старейшин в том, что свое сотрудничество со следствием они расценивают как предательство в отношении односельчан (родственников, знакомых). Кроме того, одним из качеств тувинцев (особенно старшего поколения) является их сердобольность, что может стать причиной вынужден-

ного запутывания следствия в целях помощи земляку по просьбе подозреваемого (обвиняемого).

Как отмечают отдельные авторы, уголовно-процессуальное законодательство не учитывает особенностей представителей того или иного этноса, не содержит норм, гарантирующих их права. Между тем при производстве по уголовным делам дознаватель, следователь, прокурор и суд нередко сталкиваются с трудностями, вызванными отсутствием знаний об этнологических особенностях участников уголовного судопроизводства. Это, в свою очередь, негативно влияет на качество и эффективность расследования преступлений [13. С. 5]. На наш взгляд, возможности уголовно-процессуального законодательства в данном вопросе ограничены, и здесь возрастает значение криминалистической тактики, которая должна давать оптимальные рекомендации по производству того или иного следственного действия с учетом этнических факторов. Например, при производстве обыска важно знать не только особенности устройства жилища, но и его конструкцию, на какие зоны оно распределено и каково их культурно-религиозное значение. Также знание этнических особенностей личности подозреваемого (обвиняемого) позволяет выдвинуть версии о возможных способах и местах сокрытия похищенного имущества, свойственных для определенного этноса, дает возможность определять наиболее вероятные места нахождения скрываемых предметов, прогнозировать участие в противодействии расследованию [14. С. 153].

При расследовании преступлений особое внимание нужно уделять поведенческим характеристикам участников уголовного судопроизводства с учетом их этнических черт. Весьма полезным будет учет темперамента, свойственного представителям определенного этноса, а также традиций вербального и невербального общения.

Заметим, что знание закономерностей жизнедеятельности этноса затребованы многими науками гуманитарного цикла. Так, для выявления психологических характеристик тыва этноса с 1991 по 1999 г. в Республике Тыва было проведено эмпирическое исследование. Респонденты оценивали следующие группы характеристик: 1) ценностные ориентации тыва этноса; 2) отношения тыва этноса к различным сторонам своего образа жизни (отношения тувинцев между собой, семейные отношения, отношение к материальным ценностям и т.д.); 3) психологические особенности тыва этноса (национальное чувство, особенности восприятия, мышления и речи, толерантность и темперамент). В результате ранжирования ответов было выявлено, что ценностями тувинцев являются семья, забота о детях, отношения с родственниками и в целом – уважительные отношения между собой. Эти ценности, как представляется, могут повлечь за собой дачу заведомо ложных показаний при производстве допроса. Однако не следует упускать из вида возможности применения тактического приема, заключающегося в воздействии на подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, отказывающихся сотрудничать со следствием, со стороны уважаемых им лиц. Целесообразно рассмотреть возможность воздействия на допрашива-

емое лицо со стороны старейшины как лица, обладающего совокупностью положительных качеств. В тактическом плане авторитет такого лица позволит усилить тактический потенциал воздействия на допрашиваемое лицо.

Отношения между собой тыва этнос охарактеризовал как уважительные. Тыва этнос практичен и экономен из-за снижения уровня жизни или низких доходов. Он более восприимчив к зрительной информации, устной речи и ее эмоциональной окрашенности. По мнению других национальностей, тувинцы в речи используют эмоционально окрашенные слова, уклоняются от ответов, облекают содержание сказанного в расплывчатые формы. Несмотря на то что показатели эмоциональности в гетеростереотипе достаточно высоки, в целом можно сказать, что темперамент тыва этноса приближается к флегматичному [15. С. 46–96]. Данные характеристики тувинцев могут стать причиной искажения воспринятой информации в ходе допроса, особенно если прошло много времени с момента восприятия.

На наш взгляд, при допросе указанных лиц необходимо тщательно выяснять, с кем из окружающих они делились информацией о преступлении. Причем при допросе лиц, с которыми общалось допрашиваемое лицо, обязательно нужно выяснять, сколько времени прошло с момента восприятия информации, какой по времени была беседа с этим лицом, каково было эмоциональное его состояние, на каком языке он изъяснялся. Тактические приемы, применяемые при допросе, не являются взаимоисключающими или конкурирующими, наоборот, они могут применяться последовательно или одновременно [16. С. 12]. Помимо решения главной задачи допроса – получение показаний – в достаточной мере решается задача изучения личности: ее результат затем может быть успешно использована при производстве иных следственных действий с участием допрошенного лица, прежде всего при очной ставке и опознании. Названные особенности этноса предопределяют необходимость использования этнологических знаний при расследовании преступлений, в том числе краж из жилища.

Возвращаясь к вопросу об актуальности правильного перевода при допросе представителя этноса, необходимо рассмотреть возможности решения спора о неправильном переводе. При возникновении сомнений неточности перевода следователь может использовать специальные знания в форме производства судебно-лингвистической экспертизы по материалам аудио- и видеозаписи данного следственного действия. В 2005 г. лингвистическая экспертиза была включена в перечень экспертиз, выполняемых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Лингвистическая экспертиза – это исследование текстов в целях решения задач смыслового понимания и определения в них криминалистически значимой информации: наличия или отсутствия оценки лица или группы лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения или иным признакам; побуждения к совершению действий; определения ролей и функций коммуникантов; выявления значения скрытых элементов текста либо их характеристик, а также о каких действиях и их субъектах, событиях и участниках, а также обстоятель-

ствах действий или событий идет речь [17. С. 26]. Производство данной экспертизы в ситуации расследования уголовного дела в отношении представителя этноса предполагает рассуждения о том, относятся ли этнологические знания к специальным знаниям.

Следует отметить, что на законодательном уровне определение понятия «специальные знания» не закреплено. Традиционно в юридической литературе под специальными знаниями понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства [18. С. 215]. Здесь важно подчеркнуть, что знания следователя, прокурора и судьи не являются специальными, даже если то или иное лицо может изъясняться на определенном диалекте. Следовательно в случаях, требующих назначения судебной экспертизы, не может отказываться от ее назначения, ограничившись только своими умозаключениями. Существование этнологии как науки позволяет сказать о том, что этнологические знания могут быть отнесены к специальным.

Перейдя к рассмотрению этнологических знаний как вида специальных знаний, важно отметить, что этническая принадлежность откладывает свой отпечаток в стереотипах и нормах поведения, во владении тем или иным языком общения. В ходе расследования уголовных дел производство судебно-лингвистической экспертизы предполагает знания как в области этнологии, так и этнопсихологии. Как верно отмечает Н.И. Кочетыгова, некоторые аспекты поведения лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, могут не соответствовать общепринятым представлениям о действиях и поступках в той или иной жизненной ситуации. Нормы поведения у людей, независимо от национальности, в большинстве случаев совпадают, поскольку общечеловеческие ценности едины, однако нюансы различны, и они кроются как раз в этнической самобытности отдельных лиц [19. С. 46].

Таким образом, особенности этнической психологии, традиций и обычаев лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства, образуют сферу специальных этнологических знаний. Анализ изучения судебной практики по делам о кражах из жилища в сельской местности показал, что специалист-этнолог не привлекался ни к одному следственному действию. Названное сведущее лицо может пояснить непонятные субъекту доказывания аспекты поведения определенного этноса или особенности его восприятия и интерпретации действительности. Этнос также характеризует специфическая вербальная и невербальная коммуникация.

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что проведенное нами исследование позволяет предложить своего рода системный критерий, имеющий триединый характер. Он состоит в следующем: 1) степень возможности использования этнических особенностей и содержание такого воздействия на потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого как представителей этноса для производства тех или иных следственных дей-

ствий будут различными в зависимости от вида проводимого следственного действия (например, возможности такого использования при допросе будут выше, чем при производстве следственного эксперимента); 2) степень возможности использования этнических особенностей и содержание такого воздействия также будут различными в зависимости от позиции, занимаемой лицом – участником следственного действия по отношению к следствию (т.е. позиции сотрудничества либо отказа от него). При сотрудничестве успешно могут быть использованы тактические приемы оказания помощи в припоминании: допустим, выполнение схемы местности, отталкиваясь от хозяйственных построек, мест религиозного назначения и т.д.); 3) кроме того, степень возможности использования этнических особенностей лица и содержание такого воздействия будут различными в зависимости от того, какой тактический прием из совокупности тактических приемов, присущих конкретному следственному действию, планирует применить следователь. Например, различными будут возможности задействования при допросе подозреваемого (обвиняемого), дающего ложные показания (или отказывающегося от дачи показаний) тактического приема, построенного на эмоциональном воздействии, в силу выясненной нами эмоциональности этноса как характерной черты (в гетеростереотипе), и тактического приема, состоящего в разъяснении неблагоприятных последствий отказа от дачи показаний, который, как свидетельствует изученная практика, имеет меньшую эффективность.

Таким образом, этнические стереотипы выражают мировоззренческие ценности представителя этнической группы. Тем не менее, необходимо учитывать и тот факт, что каждый человек индивидуален, в том числе неповторим в вопросах следования этническим традициям. Учет диалектных особенностей представителя этноса в тактическом плане позволяет более продуктивно осуществлять подготовку и производство следственных действий и в конечном счете способствует реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Литература

1. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
2. Кечил-оол С.В. Фонетические особенности вокализма в говоре жителей с. Кунгуртун Республики Тыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 11 (53) : в 3 ч. Ч. II. С. 76–79.
3. Сат Ш.Ч., Куулар Е.М. Тыва диалектология : учеб. пособие. Кызыл : РИО ТувГУ, 2013. 229 с.
4. Кукушин В.С., Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 448 с.
5. Палий А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами на территории Республики Крым // Российский следователь. 2017. № 15. С. 18–22.
6. Карданов Р.Р. Влияние средового фактора на осмотр места происшествия на территории Кабардино-Балкарской республики // Криминалистика и судебно-экспертная

деятельность в условиях современности : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. С. 43–45.

7. Цыдыпова Л.С. Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. М. : ИНФРА-М, 2018. 156 с.

8. Архив Эрзинского районного суда Республики Тыва. Дело № 8-54/12.

9. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. М. : Эксмо, 2010. 240 с.

10. Монгуш М.В. Тувинцы-тоджинцы: особенности образа жизни // Российские регионы: взгляд на будущее. 2017. № 1 (4). С. 67–84.

11. Бикеева Е.С. Специальные знания из области этнологии при расследовании преступлений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. 2012. № 29 (31). С. 98–99.

12. Швец С.В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2014. 57 с.

13. Алексеева Е.С. Использование специальных этнологических знаний при производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 167 с.

14. Рубцов В.Г. Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 258 с.

15. Резников Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М. : ПЕР СЭ, 2002. 225 с.

16. Воткин В.А. О некоторых особенностях тактики осмотра на первоначальном этапе расследования разбойных нападений в СКФО // Российский следователь. 2017. № 23. С. 11–13.

17. Назарова Т.В., Громова А.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Эксперт-криминалист., 2017. № 4. С. 26–28.

18. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

19. Кочетыгова Н.И. При рассмотрении дел с участием коренных малочисленных народов необходимо привлечение специалиста-этнографа // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 45–47.

Ondar Dolaana S., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

A CONSIDERATION OF FEATURES OF TUVAN DIALECTS THROUGH INTERROGATION AND FORENSIC-LINGUISTIC ENQUIRY IN CASES OF BURGLARY IN RURAL AREAS IN SPECIFIC CONDITIONS OF LIVELIHOODS OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS

Keywords: burglary, interrogation, dialect features of interrogees, special knowledge, key features of certain ethnic groups.

DOI: 10.17223/22253513/27/6

Tactically, the difficulty of an interrogation is predetermined by the necessity to consider systematically active factors, both objective and subjective. One objective factor is the level of the interrogated person language in which he speaks with other participants of the investigative action and another is the interrogated person intellectual abilities which can appear through his speech.

A well-known request to consolidate data which is given by interrogated person during the interrogation is more accurate explanation of it, if possible. While recording the testimony in transcript of interrogation, the interrogator must transfer the exact content of it, saving the formulation and expressions which are usual for interrogated person's speech. Persons who give evidence in formal conditions of the interrogation, surely, mostly focus on unified

literary speech. However, mostly, this request should be of an ideal way as the speech is not free from dialect, low colloquial, jargons and expressions, professional words, etc. In conditions of existence in serious differences between dialects which is peculiar to the interrogator's or other's speech, there are some problems, first of all, a problem of psychological contact and a problem of accurate presentation of case. Protocol text must definitely have a single meaning and all kinds of digressions on literary canons including a dictating dialect features are needed to be explained.

And thus, the most important thing during the preparations for the interrogation is inspecting the personality of interrogated person. During the crime investigation, special emphasis is needed to be paid to behavioral characteristics of participants of criminal proceedings depending on their ethnic points. It would be extremely useful to consider the temperament which is peculiar to representatives of certain ethnics and also to traditions of verbal and non-verbal speech, appearing of which should be recorded into videotape.

Even greater necessity in recording videotape arises in a case of translator's participation in the interrogation. In a case of a dispute about wrong translation, it can be appointed the court linguistic examination according to materials of audio video-recording i.e. using of special knowledge in a form of expert examination.

References

1. Knyazkov, A.S. (2008) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Tomsk: TML-Press.
2. Kechil-ool, S.V. (2015) Foneticheskie osobennosti vokalizma v govore zhitel'ey s. Kun-gurtug Respubliki Tyva [Phonetic peculiarities of vocalism in the dialect of Kun-gurtug, the Republic of Tuva]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11(53). pp. 76–79.
3. Cat, Sh.Ch. & Kuular, E.M. (2013) *Tyva dialektologiya* [Tyva dialectology]. Kyzyl: Tuvan State University.
4. Kukushin, V.S. & Stolyarenko, L.D. (2000) *Etnopedagogika i etnopsikhologiya* [Ethnopedagogy and ethnopsychology]. Rostov on Don: Feniks.
5. Paliy, A.Yu. (2017) Criminalistic characteristics of crimes committed by organised crime groups on territory of the republic of Crimea. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 15. pp. 18–22. (In Russian).
6. Kardanov, R.R. (2016) Vliyanie sredovogo faktora na osmotr mesta proisshestviya na territorii Kabardino-Balkarskoy respubliki [Influence of the environmental factor on the inspection of the scene of the accident on the territory of the Kabardino-Balkaria Republic]. In: Pakhomov, S.V., Natura, D.A. & Rychkalova, L.A. (eds) *Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti* [Forensic science and work in modern conditions]. Krasnodar: Krasnodar University, Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 43–45.
7. Tsydyanova, L.S. (2018) *Istoriko-geograficheskie osobennosti formirovaniya etnokul'turnogo landshafta Barguzinskogo Pribaykal'ya* [Historical and geographical features of the formation of the ethno-cultural landscape of the Barguzinsky area near the Baikal]. Moscow: INFRA-M.
8. The Archives of the Erzinsky District Court of the Republic of Tuva. Case № 8-54/12.
9. Baev, O.Ya. & Solodov, D.A. (2010) *Proizvodstvo sledstvennykh deystviy: kriminalisticheskiy analiz UPK Rossii, praktika, rekomendatsii* [Production of investigative actions: forensic analysis of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, practice, recommendations]. Moscow: Eksmo.
10. Mongush, M.V. (2017) Tuvinty-todzhinty: osobennosti obraza zhizni [The Tozhu Tuvans: features of a way of life]. *Rossiyskie regiony: vzglyad na budushchee – Russian regions: looking into the future*. 1(4). pp. 67–84.
11. Bikeeva, E.S. (2012) Spetsial'nye znaniya iz oblasti etnologii pri rassledovanii prestupleniy [Special knowledge in the field of ethnology in crime investigation]. *Vestnik Yu-*

zhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. *Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Law*. 29(31). pp. 98–99.

12. Shvets, S.V. (2014) *Kriminalisticheskaya taktika sledstvennykh i sudebnykh deystviy v usloviyakh ispol'zovaniya perevoda* [Forensic tactics of investigative and judicial actions in case of translation]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.

13. Alekseeva, E.S. (2007) *Ispol'zovanie spetsial'nykh etnologicheskikh znaniy pri proizvodstve po ugolovnym delam* [The use of special ethnological knowledge in criminal case proceedings]. Law Cand. Diss. Saratov.

14. Rubtsov, V.G. (2010) *Protivodeystvie rassledovaniyu deyatel'nosti prestupnykh formirovaniy, organizovannykh na etnicheskoy osnove, i kriminalisticheskie metody ego preodoleniya* [Counteraction to the investigation of the activities of ethnic criminal organisations and forensic methods for overcoming it]. Law Cand. Diss. Moscow.

15. Reznikov, E.N. & Tovuu, N.O. (2002) *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva: teoriya i praktika* [Ethno-psychological characteristics of the Tuvans]. Moscow: PER SE.

16. Votkin, V.A. (2017) About some features of tactics of inspection on the initial stage of robbery investigation in the North Caucasian federal district. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigators*. 23. pp. 11–13. (In Russian).

17. Nazarova, T.V. & Gromova, A.V. (2017) Peculiarities of Modern Linguistic Examination Performed in Forensic Subdivisions of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. *Ekspert-kriminalist – Expert-Criminalist*. 4. pp. 26–28.

18. Belkin, R.S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic Encyclopedia]. Moscow: Megatron XXI.

19. Kochetygova, N.I. (2002) Pri rassmotrenii del s uchastiem korennykh malochislennykh narodov neobkhodimo privlechenie spetsialista-etnografa [Considering cases involving indigenous peoples requires a specialist ethnographer]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 45–47.

УДК 343.615.1

DOI: 10.17223/22253513/27/7

Т.А. Плаксина

**ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УМЫШЛЕННОЕ
ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ
БЕЗ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
(ч. 1 ст. 111 УК РФ)**

В статье анализируются статистические данные 2009–2017 гг. по Российской Федерации о наказаниях, назначаемых за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ. Вследствие исключения в 2011 г. из санкции нижнего предела наблюдается существенное увеличение удельного веса лиц, осужденных к реальному лишению свободы на срок, не превышающий двух лет. Однако поскольку оно достигается за счет сокращения удельного веса условно осужденных к лишению свободы, в целом имеет место ужесточение уголовной репрессии.

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, наказание, назначение наказания.

Изучение практики назначения наказания за конкретные виды преступлений обычно преследует как минимум две цели: 1) определение складывающихся в судебной практике тенденций для того, чтобы сориентировать суды и уменьшить вероятность вынесения несправедливых приговоров; 2) установление степени расхождения фактической пенализации и пенализации¹, предпринятой на уровне закона и отраженной в санкциях, для решения вопроса о необходимости (целесообразности) совершенствования последних.

Санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ в настоящее время является безальтернативной и в качестве основного наказания предусматривает лишение свободы (какие-либо дополнительные наказания в нее не включены). В санкции не указывается нижний предел, верхний предел наказания в виде лишения свободы определен в восемь лет. С учетом положений ч. 2 ст. 56 УК РФ, устанавливающей срок лишения свободы от двух месяцев до двадцати лет, наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков может быть назначено в пределах от двух месяцев до восьми лет лишения свободы. Кроме того, поскольку ч. 1 ст. 73 УК РФ

¹ В рамках данного исследования автор придерживается позиции о широкой трактовке пенализации, согласно которой под последней понимается не только установление наказания в законе, но и правоприменительная деятельность, связанная с его назначением [1. С. 17]. В то же время в теории уголовного права существует и иной подход к определению понятия пенализации, в соответствии с которым «пенализация общественно опасных деяний находит выражение исключительно в законодательной (правотворческой) деятельности по установлению их наказуемости» [2. С. 10].

закрепляет возможность применения условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на срок до восьми лет, у суда отсутствуют формальные препятствия для применения условного осуждения при вынесении практически любого приговора по ч. 1 ст. 111 УК РФ, за исключением случаев, обозначенных в п. «б» и «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ и связанных преимущественно с рецидивом.

Следует иметь в виду, что анализ практики назначения наказания за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ, не может осуществляться без учета двух обстоятельств. Во-первых, санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ была изменена в соответствии с Федеральным законом от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ [3], которым из нее был исключен минимальный предел, составлявший два года лишения свободы. Поэтому при сравнении данных о назначении наказания в период до внесения в санкцию указанных изменений и данных о практической пенализации деяния в период после их внесения этот момент надлежит принимать в расчет. Во-вторых, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ [4] в ч. 2 ст. 111 УК РФ был введен новый квалифицирующий признак – совершение преступления с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «з»), вследствие чего значительная часть преступлений, ранее подпадавших под основной состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, стала образовывать квалифицированный состав. Это объясняет изменение ряда статистических показателей, характеризующих назначение наказания и по ч. 1 ст. 111 УК РФ, и по ч. 2 рассматриваемой статьи.

Практика назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, не осложненное квалифицирующими обстоятельствами, в научной литературе периода действия УК РФ уже подвергалась анализу. При этом исследования были различными по масштабу как в территориальном, так и во временном отношении; кроме того, в ряде случаев они были посвящены изучению лишь отдельных аспектов практической пенализации данного преступления.

Обращает на себя внимание тот факт, что все авторы в качестве характерной черты назначения наказания по ч. 1 ст. 111 УК РФ отмечают высокий удельный вес условного осуждения к лишению свободы среди избираемых судом мер, а при назначении реального лишения свободы – определение его преимущественно в пределах, расположенных ниже среднего значения санкции. Такая практика явно не согласуется с тем, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих обстоятельств принадлежит к числу тяжких преступлений против личности, а непосредственный объект преступления (здоровье) входит в круг наиболее ценных объектов уголовно-правовой охраны.

Исследование, проведенное В.Г. Татарниковым, относится к начальному периоду действия УК РФ 1996 г. (1997–1998 гг.). Обобщая практику назначения наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, он отмечал, что «в последние годы обозначилась тенденция слишком частого (почти по каждому третьему делу) применения условного осуж-

дения за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ)», что противоречит «задачам охраны важнейших прав личности от преступных посягательств и нуждается в корректировке» [5. С. 11].

По данным И.М. Антонова, который анализировал практику назначения наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, в 2000–2003 гг. в Дальневосточном федеральном округе, в 2000 г. были осуждены условно к лишению свободы в Приморском крае – 58,8%, в Хабаровском крае – 57,6%, в Амурской области – 58,8 %, в Еврейской автономной области – 67,3% виновных. В 2001 г. этот показатель составлял в Приморском крае 63,4%, в Хабаровском крае – 65,7%, в Амурской области – 65,2%, в Еврейской автономной области – 76,5%; в 2002 г. в Приморском крае – 71,9%, в Хабаровском крае – 70,3%, в Амурской области – 70,2%, в Еврейской автономной области – 58,9%; в 2003 г. в Приморском крае – 70,9%, в Хабаровском крае – 74,8%, в Амурской области – 70,6%, в Еврейской автономной области – 75% [6. С. 24]. Таким образом, доля лиц, в отношении которых по ч. 1 ст. 111 УК РФ избиралось условное осуждение к лишению свободы, по некоторым субъектам Федерации в указанный период достигала $\frac{3}{4}$ от общего числа осужденных за данное преступление.

Исследование И.В. Поликарповой, базирующееся на изучении уголовных дел, рассмотренных в 2001–2007 гг. судами Саратовской и Московской областей, а также Ставропольского края, показало, что правоприменитель, назначая наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, обращается к условному осуждению примерно в 60% случаев [7. С. 20]. Констатируемая автором мягкость карательной практики даже послужила основанием для формулирования вывода о том, что санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ завышена и неправильно отражает степень общественной опасности преступления [Там же. С. 12].

Об излишне лояльном отношении судов к лицам, признанным виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, писала и О.Ю. Савельева, обобщавшая практику назначения наказания в Самарской области. Она подчеркивала, что «несмотря на наличие отягчающих обстоятельств, данных, отрицательно характеризующих личность подсудимого, суды назначают такие сроки лишения свободы, которые не достигают даже среднего значения санкций, установленных в соответствующих частях ст. 111 УК РФ» [8. С. 25].

А.П. Севастьяновым был предпринят анализ практики назначения наказания по ч. 1 ст. 111 УК РФ (при отсутствии рецидива и совокупности преступлений) судьями районных судов г. Красноярск в 2011–2012 гг., т.е. уже после внесения изменений в санкцию. Он отмечает, что ряд судей применяли условное осуждение более чем в половине случаев [9. С. 100], а средний размер наказаний, назначаемых по ч. 1 ст. 111 УК РФ различными судьями, как правило, не превышал двух лет лишения свободы [Там же. С. 101]. При этом, по мнению А.П. Севастьянова, «едва ли можно признать, что средний размер наказания за причинение тяжкого вреда здоровью, составляющий порядка 1,5–2 лет лишения свободы, позволяет эффек-

тивно бороться с этим видом преступных деяний даже с учетом отсутствия рецидива и квалифицирующих признаков» [9. С. 102].

Достоверные сведения о видах назначенного наказания и о применении условного осуждения за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, не осложненное квалифицирующими обстоятельствами, могут быть получены при сборе и обработке статистических данных, содержащихся в официальной отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Нами были взяты данные по Российской Федерации за период с 2012 по 2016 г. и первое полугодие 2017 г., когда санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ уже не содержала нижнего предела наказания в виде лишения свободы. Абсолютные показатели по лицам, осужденным к тем или иным видам наказания², в динамике за 5 лет 6 месяцев представлены в табл. 1, относительные показатели, характеризующие частоту применения различных видов наказания, – в табл. 2 в динамике за тот же период.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [10–15])

Год	Всего осужденно	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Содержание в дисциплинарной воинской части	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Условное осуждение к иным видам наказания
2012	21 426	9 117	12 216	0	48	26	9	9	1
2013	21 201	9 665	11 422	2	39	44	8	19	2
2014	19 585	9 362	10 146	0	35	35	3	4	0
2015	7 002	3 760	3 202	1	15	20	1	3	0
2016	4 440	2 173	2 242	0	8	13	3	0	1
2017 (6 мес.)	2 014	1 016	992	0	1	5	0	0	0
Всего	75 668	35 093	40 220	3	146	143	24	35	4

Резкое (более чем в 2,5 раза) сокращение количества лиц, осужденных по ч. 1 ст. 111 УК РФ, в 2015 г. и последующих годах объясняется тем, что, как уже отмечалось, в связи с внесением изменений в ч. 2 ст. 111 УК РФ умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с приме-

² Здесь и далее при подсчете из общего числа осужденных были исключены лица, освобожденные по приговору суда от наказания по различным основаниям (в отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ они не учитываются в числе осужденных к отдельным видам наказания, но включены в общее число осужденных). В столбцах «Лишение свободы», «Содержание в дисциплинарной воинской части» и «Исправительные работы» табл. 1–4 представлены данные только о лицах, осужденных к реальному отбыванию этих видов наказания.

нением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, ранее подпадавшее под ч. 1 ст. 111 УК РФ, стало квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Данные, отраженные в табл. 2, свидетельствуют о том, что удельный вес лиц, условно осужденных к лишению свободы, действительно значителен и составляет более 50%. Однако в границах рассматриваемого периода произошло его существенное снижение – с 57,01% в 2012 г. до 49,26% в первой половине 2017 г., а в 2015 г. зафиксировано наиболее низкое значение этого показателя – 45,73%. Поскольку назначение видов наказания, более мягких, чем лишение свободы, хотя и имеет место, но осуществляется исключительно в порядке ст. 64 УК РФ, совокупная доля этих наказаний крайне мала: из 75 668 лиц, осужденных в РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. по ч. 1 ст. 111 УК РФ, лишь 352 лица были приговорены к таким наказаниям, как ограничение свободы, исправительные работы (включая условное осуждение к ним), обязательные работы и штраф, что составляет всего 0,47% от общего числа осужденных. Уменьшение же структурного показателя условного осуждения к лишению свободы происходит за счет соответствующего увеличения удельного веса реального лишения свободы: если в 2012 г. последнее занимало в структуре видов наказания 42,55%, то в первом полугодии 2017 г. – 50,45%; наибольший же показатель относится к 2015 г., когда реальное лишение свободы (53,7%) почти на 8% превысило условное осуждение к лишению свободы (45,73%).

Таким образом, можно констатировать, что исключение из санкции ч. 1 ст. 111 УК РФ нижнего предела не повлекло за собой необоснованной гуманизации практики назначения наказания; напротив, возрастание доли реального лишения свободы отражает тенденцию к ужесточению наказания, назначаемого за рассматриваемое преступление.

Таблица 2

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Содержание в дисциплинарной воинской части, %	Ограничение свободы, %	Исправительные работы, %	Обязательные работы, %	Штраф, %	Условное осуждение к иным видам наказания, %
2012	42,55	57,01	0	0,22	0,12	0,04	0,04	0,01
2013	45,59	53,87	0,01	0,18	0,21	0,04	0,09	0,01
2014	47,8	51,8	0	0,18	0,18	0,02	0,02	0
2015	53,7	45,73	0,01	0,21	0,28	0,01	0,04	0
2016	48,94	50,5	0	0,18	0,29	0,07	0	0,02
2017 (6 мес.)	50,45	49,26	0	0,05	0,25	0	0	0

Этот вывод подтверждается и сравнением данных 2012–2016 гг., первой половины 2017 г. со сведениями о назначении наказания по ч. 1 ст. 111

УК РФ, также полученными из официальной отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, но относящимися к периоду, когда в санкции еще был предусмотрен нижний предел наказания. В качестве такого периода нами были взяты 2009–2010 гг. (более ранняя судебная статистика на официальном сайте Судебного департамента не представлена).

Таблица 3

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг. к различным видам наказания (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [16, 17])

Год	Всего осуждено	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Содержание в дисциплинарной воинской части	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Условное осуждение к иным видам наказания
2009	23 316	10 542	12 670	2	0	37	23	40	2
2010	22 256	9 651	12 514	1	22	26	24	18	0

Таблица 4

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг. к различным видам наказания, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы, %	Условное осуждение к лишению свободы, %	Содержание в дисциплинарной воинской части, %	Ограничение свободы, %	Исправительные работы, %	Обязательные работы, %	Штраф, %	Условное осуждение к иным видам наказания
2009	45,21	54,34	0,01	0	0,16	0,1	0,17	0,01
2010	43,36	56,23	0	0,1	0,12	0,11	0,08	0

Из табл. 4 видно, что в 2010 г., т.е. накануне изменения санкции, удельный вес условного осуждения к лишению свободы составлял 56,23% и более чем на 10% превышал долю реального лишения свободы. Близкие к этому показатели зафиксированы и в 2009 г.

Табл. 5 показывает, что отмеченное выше уменьшение удельного веса лиц, условно осужденных к лишению свободы, происходило на фоне существенного возрастания, начиная с 2012 г., показателей удельного веса лиц, осужденных к реальному лишению свободы на сроки, не превышающие двух лет, т.е. находящиеся ниже ранее предусмотренного в ч. 1 ст. 111 УК РФ минимального предела санкции. Так, в 2009 и 2010 гг. реальное лишение свободы на срок до одного года включительно назначалось только с учетом положений ст. 64 УК РФ и занимало в структуре назначенного наказания соответственно 1,54 и 1,49%; в 2012 г., когда у судов уже появилась возможность назначать наказание в указанных пределах и при отсутствии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, этот пока-

затель вырос в 3 раза и составил 4,54%. При этом в последующие годы он незначительно колебался и лишь однажды опускался ниже 4% (2016 г.).

Таблица 5

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2009–2010 гг., 2012–2016 гг. и первом полугодии 2017 г. к лишению свободы условно и реальному лишению свободы на различные сроки в общем числе осужденных за данное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Условное осуждение к лишению свободы, %	Реальное лишение свободы, %				
		До 1 года вкл.	Свыше 1 до 2 лет вкл.	Свыше 2 до 3 лет вкл.	Свыше 3 до 5 лет вкл.	Свыше 5 до 8 лет вкл.
2009	54,34	1,54	30,36		12,13	1,18
2010	56,23	1,49	30,63		10,26	0,98
2012	57,01	4,54	13,11	15,9	8,42	0,59
2013	53,87	4,25	14,19	16,71	9,86	0,58
2014	51,8	4,68	14,7	17,71	10,02	0,69
2015	45,73	4,37	15,42	19,49	13,47	0,94
2016	50,5	3,94	14,26	18,24	11,33	1,17
2017 (6 мес.)	49,26	4,32	15,14	18,57	11,22	1,19

О возрастании репрессивности избираемых судом мер наказания свидетельствует и то, что доля лиц, осужденных к длительным (свыше пяти лет) срокам реального лишения свободы, в общем числе осужденных с 2012 по 2017 г. увеличилась в 2 раза – с 0,59 до 1,19%.

С учетом результатов проведенного анализа практической пенализации и выявленных при этом тенденций представляется, что изменение, произошедшее в санкции ч. 1 ст. 111 УК РФ, вряд ли заслуживает однозначно негативной оценки, которую оно нередко получает в научной литературе.

Стоит отметить, что санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ стала объектом критики задолго до исключения из нее нижнего предела. Так, И.М. Антонов, анализируя данную санкцию в ее первоначальной редакции, к числу ее недостатков относил, в частности, чрезмерно широкие границы, необоснованно низкий минимальный предел (на тот момент – два года лишения свободы), наличие лишь одного вида основного наказания (лишения свободы) [6. С. 8, 25]. О чрезмерно широких пределах наказания, значительно увеличивающих возможности судейского усмотрения, писала применительно к ч. 1 ст. 111 УК РФ и И.В. Поликарпова [7. С. 4]. Ею были внесены предложения по усилению дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление посредством разделения основного состава на несколько самостоятельных составов (в связи с различной степенью общественной опасности конкретных разновидностей умышленного причинения тяжкого вреда здоровью) и установления по каждому из этих составов соответствующих санкций, которые будут содержать более узкие рамки между минимальным и максимальным размером наказания в виде лишения свободы, а также альтернативные основные наказания и дополнительные наказания [7. С. 12]. Оба автора солидарны в

том, что высокая частота применения условного осуждения к лишению свободы во многом определяется безальтернативным характером санкции ч. 1 ст. 111 УК РФ [6. С. 20; 7. С. 25].

На первый взгляд, внесение в санкцию изменения, состоящего в исключении из нее минимального предела, не только не устранило перечисленные выше недостатки, но, напротив, усугубило положение, поскольку границы санкции стали еще более широкими. Вследствие этого суды при выборе конкретной меры наказания получили еще больше свободы, которой корреспондирует опасность назначения виновным при сходных обстоятельствах дела существенно различающихся по тяжести наказаний. Если исходить из того, что констатируемая в научной литературе потребность в изменении санкции была обусловлена необходимостью решения двух задач – уменьшения риска вынесения несправедливых приговоров и разворота практики назначения наказания от бесосновательно мягкой к более суровой и адекватной характеру и степени общественной опасности рассматриваемого преступления, то, очевидно, первая из этих задач не решена. Сложно не согласиться А.П. Севастьяновым, полагающим, что «обеспечение даже минимального единства судебной практики при выборе вида и размера наказания в рамках широких границ санкции невозможно без определенного общего ориентира» [9. С. 102], который на уровне закона отсутствует, а на уровне правоприменительной практики, по словам того же автора, складывается стихийно. Однако проведенный выше анализ данных о практической пенализации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков показал, что изменение санкции хотя бы частично решило вторую из упомянутых задач: реальным лишением свободы на срок, не превышающий двух лет, в судебной статистике стало в основном замещаться не то же самое наказание, назначенное на большие сроки, а условное осуждение к лишению свободы; следовательно, карательная практика последних лет в конечном итоге оказалась более жесткой, чем в предыдущий период, и в большей степени соответствующей тяжести преступления, объектом которого выступает одно из самых значимых охраняемых уголовным законом благ – здоровье человека.

Стоит заметить, что превращение санкции в альтернативную (даже с сохранением установленного ранее минимального предела наказания в виде лишения свободы) вряд ли смогло бы дать подобный эффект. Во-первых, введение в санкцию основных наказаний, альтернативных лишению свободы, расширяет рамки судейского усмотрения в той же мере, в какой это делает увеличение перепада между верхним и нижним пределом санкции по единственному основному наказанию – лишению свободы. Во-вторых, появление в санкции основных наказаний, более мягких, чем лишение свободы на определенный срок, отнюдь не гарантирует ужесточение уголовной репрессии за счет сокращения удельного веса условного осуждения. Напротив, такое решение с большой долей вероятности способно привести к обратному результату, поскольку будет воспринято судами как маркер изменения законодательной оценки степени обществен-

ной опасности преступления в сторону ее значительного смягчения. Кроме того, в научной литературе уже обращалось внимание на недостатки альтернативных санкций и сложности их формирования, особенно применительно к категории тяжких преступлений в целом, а также к отдельным видам преступлений против личности.

Так, Н.В. Огородникова, опираясь на конкретные примеры законодательной практики, доказывает, что изменения, вносимые в уголовный закон, в ряде случаев имеют «своим следствием явно заниженный уровень ответственности за посягательство на личность» [18. С. 123]. Примеры крайне неудачного формирования альтернативных санкций (в первую очередь – в части определения пределов наказаний, альтернативных лишению свободы) приводит М.Т. Валеев [19. С. 30]. Он же обобщает данные об имеющейся в действующем законодательстве частичной «привязке» иных, помимо лишения свободы, наказаний к категориям преступлений [Там же. С. 32–33], и из них следует, что за тяжкое преступление не может быть предусмотрено ни ограничение свободы (в силу прямого указания закона – ч. 2 ст. 53 УК РФ), ни исправительные работы, ни обязательные работы (в силу сложившейся законодательной практики). Поэтому если не изменять категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ (т.е. не опускать верхний предел лишения свободы до пяти лет), то в санкцию в качестве альтернативных лишению свободы наказаний могут войти лишь принудительные работы и / или штраф, причем последний явно не соответствует характеру и степени общественной опасности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Таким образом, введение в санкцию ч. 1 ст. 111 УК РФ альтернативных наказаний вряд ли можно рассматривать как предпочтительный вариант ее реформирования по сравнению с вариантом, избранным законодателем и состоящим в исключении из санкции нижнего предела лишения свободы.

Литература

1. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2000. 400 с.
2. *Валеев М.Т.* Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 25 с.
3. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации* : Федеральный закон от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc
4. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия* : Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc
5. *Татарников В.Г.* Индивидуализация наказания по отдельным категориям дел о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1998. 28 с.
6. *Антонов И.М.* Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 30 с.

7. Поликарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 30 с.

8. Савельева О.Ю. Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по российскому и зарубежному уголовному законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.

9. Севастьянов А.П. Значение судебного усмотрения при выборе наказания в рамках санкции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 98–103.

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>

12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>

13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>

14. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>

15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за I полугодие 2017 года. Формы № 10.3; 10.3.1 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152>

16. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 год. Форма № 10.3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840>

17. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 год. Форма № 10.3 // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>

18. Огородникова Н.В. Конструирование санкций как способ реализации уголовно-правовой политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1. С. 121–124.

19. Валеев М.Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 29–34.

Plaksina Tatiana A., Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation)

PRACTICE OF SENTENCING FOR INTENDED GRIEVOUS BODILY HARM WITHOUT QUALIFYING CIRCUMSTANCES (PART I, ARTICLE 111 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Keywords: intended grievous bodily harm, punishment, sentencing.

DOI: 10.17223/22253513/27/7

Practice of sentencing for intended grievous bodily harm without qualifying circumstances (part I, Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) during the operation of the Criminal Code of the Russian Federation (CC of RF) has been analyzed in the scientific literature. In spite of the fact that researches were various on scale both in territorial, and in time aspects, they came to similar conclusions about the characteristics of practical penaliza-

tion of the crimes provided for in Part I, Article 111 of the CC of RF. The above characteristics include a high specific weight of conditional sentences and sentencing to imprisonment below the average term under the sanction, although they do not correspond to the character and the degree of public danger of a crime.

To analyze the practice of sentencing for intended grievous bodily harm, the author of the present article refers to the statistical data provided in the official reports of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation on the Russian Federation within 2009-2017. Although, the percentage of those conditionally sentenced to a real imprisonment is considerable and makes during the above period more than 50%, it noticeably decreased (from 57, 01% in 2012 to 49, 26% in the first half of 2017) after the expulsion from the sanction of Part I, Article 111 of the minimum limit (two years of imprisonment) in 2011. This decrease was reached, mainly, due to the sharp increase in specific weight of those sentenced to a real imprisonment for the term not exceeding two years.

The share of real imprisonment also increased in general: if in 2012, it accounted for 42, 55% in the structure of types of punishment, in the first half of 2017 it accounted for 50, 45%. Thus, the practice of sentencing of punishment tends to add greater criminal punitive measures. This statement is supported by the increase of specific weight of those sentenced to long (from five to eight years) terms of real imprisonment in the total number of those sentenced for this crime.

The obtained results enabled us to conclude that the change in sanction Part I, Article 111 of the CC of RF involving the exception of the minimum limit, cannot be regarded as unambiguously negative. The proposals of legal scientists on changing the sanction were caused by the need to solve two tasks – to reduce the risk of unfair sentencing and a turn of sentencing from an excessively lenient to an adequate one corresponding to the character and degree of public danger of a crime.

The first of the above tasks, perhaps, was not solved since the framework of a judicial discretion became wider after the sanction of the minimum limit had been excluded. However, the change of the sanction partially solved the second of the mentioned tasks, having allowed appointing a real imprisonment for the term of less than two years instead of conditional sentences. Thus, the retaliatory practice has been more rigid in recent years than during the previous period.

References

1. Lesnievski-Kostareva, T.A. (2000) *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice]. 2nd ed. Moscow: NORMA.
2. Valeev, M.T. (2005) *Svoystva ugovnogo nakazaniya v svete teorii penalizatsii* [Criminal punishment in the light of the theory of penalisation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Russian Federation. (2011) *O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 07 marta 2011 g. № 26-FZ* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 26-FZ of March 7, 2011]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111368/.
4. Russian Federation. (2014) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem zakonodatel'stva ob oborote oruzhiya: Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 227-FZ* [On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of the legislation on the circulation of arms: Federal Law No. 227-FZ of July 21, 2014]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165824/.
5. Tatarnikov, V.G. (1998) *Individualizatsiya nakazaniya po otdel'nym kategoriyam del o tyazhkih i osobo tyazhkih prestupleniyakh protiv lichnosti* [Individualisation of punishment for certain categories of cases of grave and especially serious crimes against a person]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.

6. Antonov, I.M. (2004) *Penalizatsiya prestupleniy, prichinyayushchikh vred zdorov'yu* [Penalisation of crimes that cause harm to health]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok.
7. Polikarpova, I.V. (2008) *Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii posyagatel'stv na zdorov'e i ee vliyanie na kvalifikatsiyu prestupleniy: na primere otvetstvennosti za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu* [Russia's criminal policy in respect of attacks on health and its impact on the qualification of crimes: a case study of liability for willful causing of serious harm to health]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
8. Savelieva, O.Yu. (2004) *Otvetstvennost' za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu po rossiyskomu i zarubezhnomu ugovnomu zakonodatel'stvu* [Liability for the intentional infliction of grievous bodily harm in Russian and foreign criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Sevastyanov, A.P. (2014) Judicial discretion in penalty choice as part of sanctions. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 1. pp. 98–103. (In Russian).
10. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2012 god. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2012. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.
11. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2013 god. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2013. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.
12. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014 god. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2014. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>.
13. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2015 god. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2015. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>.
14. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016 god. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2016. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>.
15. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za I polugodie 2017 goda. Formy № 10.3; 10.3.1* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for the first half of 2017. Forms No. 10.3; 10.3.1]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152>.
16. The Supreme Court of the Russian Federation. (2009) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2009 god. Forma № 10.3* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2009. Form No. 10.3]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840>.
17. The Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2010 god. Forma № 10.3* [Consolidated statistical data on the criminal record in Russia for 2010. Form No. 10.3]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>.
18. Ogorodnikova, N.V. (2011) *Konstruirovaniye sanktsiy kak sposob realizatsii ugovolno-pravovoy politiki* [The construction of sanctions as a means of implementing criminal policy]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 1. pp. 121–124.
19. Valeev, M.T. (2013) *Tipovaya sanktsiya kak kriteriy kategorizatsii prestupleniy* [A typical sanction as a criterion of crime categorisation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 29–34.

УДК 343.21

DOI: 10.17223/22253513/27/8

Л.М. Прокументов

СТАТЬЯ 134 УК РФ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

У ученых и практических работников вызывает много вопросов процесс непрекращающихся корректировок определения возраста потерпевшего (потерпевшей) в ст. 134 УК РФ. По мнению многих исследователей, установленный в настоящее время возраст 16 лет не соответствует современным реалиям. Существует и коллизия ст. 134 УК РФ с положениями Семейного кодекса РФ, допускающего браки в раннем возрасте и предоставляющего право субъектам Российской Федерации самостоятельно определять брачный возраст. Решение вопроса об уголовной ответственности по ст. 134 УК РФ на практике ставится в прямую зависимость от волеизъявления третьих лиц. Отношение законодателя к установлению уголовной ответственности должно быть единым на территории страны и не зависеть от воли региональных законодателей, а тем более от воли третьих лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, охрана, половые преступления.

Современный этап развития российского государства и общества характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, следует признать, что «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в. – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла перед напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискриминацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов» [1]. С другой стороны, очевидно, что в период масштабных общественно-политических и социально-экономических преобразований были созданы благоприятные условия для преступных проявлений во многих сферах жизни общества, формирования новых криминальных угроз и рисков.

Как показывает практика, деструктивное воздействие криминальных угроз в наибольшей мере ощущают на себе менее защищенные социальные группы и слои населения, к числу которых, к сожалению, относятся и несовершеннолетние. Ежегодно в России десятки тысяч несовершеннолетних регистрируются в качестве потерпевших от преступлений. Расширяется спектр посягательств на несовершеннолетних, в который все чаще входят преступления, связанные с их сексуальной эксплуатацией, вовлечением в порноиндустрию и т.п. Не снижается и число преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Отмеченные процессы вызывают серьезную озабоченность гражданского общества и государственной власти, порождают потребность в совершенствовании существующих и разработке новых мер защиты несовершеннолетних от преступных посягательств. Очевидно, что одним из основных направлений в сфере обеспечения государственности и общественной безопасности на досрочную перспективу является «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков» [1].

В действующем уголовном законодательстве России несовершеннолетний возраст потерпевшего в качестве основного состава предусмотрен при установлении уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста – ст. 134 УК РФ, за развратные действия – ст. 135 УК РФ.

У ученых и практических работников вызывает много вопросов процесс непрекращающихся корректировок определения возраста потерпевшего (потерпевший) в указанных выше статьях УК РФ. Так, в первоначальной редакции возраст потерпевшего (потерпевший) был определен 16 лет. В 1998 г. в названии и тексте статей слово «шестнадцатилетнего» было заменено словом «четырнадцатилетнего» (Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ). В 2003 г. законодатели вновь решили, что у молодых людей право на половую свободу и выбор партнера возникает не в 14, а в 16 лет (Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). Но уже в 2008 г. в названии статей и их тексте слово «шестнадцатилетнего» было вновь заменено словом «четырнадцатилетнего».

В 2013 г. законодатели опять исключили упоминание о половой зрелости и 14-летнем возрасте из ч. 1 ст. 134 УК РФ (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ), вернув ей вид предшествующей редакции. Фактически редакция ст. 134 УК РФ 2012 г., действовавшая менее двух лет, декриминализовала значительное число ранее совершенных деяний, за которые в 2013 г. вновь была установлена уголовная ответственность.

Следуя логике и заявлениям разработчиков последних изменений, лица, совершающие деяния, предусмотренные ст. 134 УК РФ, приравняются к педофилам, лицам с психическими отклонениями и даже к насильникам.

Международные медицинские источники (МКБ-10, DSM-IV) определяют педофилию как «сексуальное предпочтение детям предпубертатного или раннего пубертатного возраста». Контакты между взрослым и половозрелыми лицами юношеского возраста являются социально неодобряемыми, особенно между лицами одного пола, но не всегда рассматриваются как педофилия. К числу педофилов относятся лица, предпочитающие контакты с детьми в силу постоянных фрустраций, и мужчины, которые посягают на собственных детей предпубертатного возраста. Дополнительным признаком является возрастная разница между ребенком, подвергшимся посягательству, и старшим половым партнером, которая должна быть не менее пяти лет [2. С. 294].

В статье 134 УК РФ речь идет о безусловно добровольных контактах, которые могут быть проявлением чувств (даже в возрасте 14–16 лет), осо-

знанного выбора и личного желания, преддверием серьезных отношений и даже брака. Законодатели своим желанием защитить нормальное развитие несовершеннолетних не замечают, что последняя редакция ст. 134 УК РФ вторгается в сферу частной жизни. Если несовершеннолетний достиг половой зрелости к 14–15 годам и имеет осознанные желания, можно ли их ограничивать путем наказания партнера? Уголовным законом (не Конституцией Российской Федерации, не Семейным кодексом РФ) право любить, вступать в половые отношения ограничивается 16 годами.

Отметим, что советское законодательство традиционно связывало право на вступление в добровольные половые отношения не с конкретным возрастом, а достижением половой зрелости.

Может ли несовершеннолетний оценить, достиг ли он половой зрелости по медицинским критериям? Очевидно, нет. Не всегда это может сделать и старший партнер. Именно это обстоятельство обусловило внесение в конкретную норму УК РФ возрастного рубежа.

Многие исследователи считают, что в ст. 134 УК РФ 14-летний возрастной рубеж для потерпевшего – более уместный вариант [3. С. 51; 4. С. 523].

Хорошо известна коллизия ст. 134 УК РФ с положениями Семейного кодекса РФ, допускающего браки в раннем возрасте (ст. 13 СК РФ) и предоставляющего право субъектам Российской Федерации самостоятельно определять брачный возраст.

Проблемы применения ст. 134 УК РФ рассматривались в Конституционном Суде Российской Федерации, который в своем определении от 21 октября 2008 г. № 568-О-О признал, что положения ст. 134 УК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 13 Семейного кодекса РФ исключают противоправность полового сношения лица, достигшего 18-летнего возраста, с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, только после регистрации их брака. Обратим внимание на то обстоятельство, что при заключении брака вопросы о половой зрелости одного из партнеров экспертно не исследуются (в отличие от УК РФ, требовавшего в указанный период установления данного факта и связывавшего его с вопросом о привлечении к уголовной ответственности). К статье 134 УК РФ сделано примечание 1, определяющее, что лицо, впервые совершившее данное преступление, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим.

Общественная опасность деяния, являясь внутренним его свойством, объективна. От законодательного запрета или его отсутствия не зависит. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя [5. С. 18–36]. В этой связи непонятна логика законодателей, придумавших примечание 1 к ст. 134 УК РФ. Официальная регистрация брака есть не что иное как государственная регистрация семейных отношений, в основе которых лежат личные отношения супругов, в том числе и сексуальные. Брак не является обязательным требованием, получением разрешения на поло-

вые отношения (как считают законодатели). Следовательно, он не может устранять «общественную опасность деяния» и тем более «общественную опасность личности», его совершившей. Связь (союз, семья) мужчины и женщины может иметь место, но не регистрироваться.

Не посягая на ценность и значение семьи в обществе, отметим, что попытки с помощью норм уголовного права «привить» гражданам России «семейные» ценности не только обречены на неудачу, но и являются вредными. Связывать официальную регистрацию брака и уголовную ответственность – юридическая уловка, поскольку брак может быть легко расторгнут по инициативе любой из сторон после того, как брачующиеся или старший из них «перестанет быть общественно опасным». Трудно понять логику законодателей, придумавших вариант освобождения от уголовной ответственности, связанный с бракосочетанием, поскольку в действующем УК РФ есть нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) и в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ).

Действующий Семейный кодекс РФ устанавливает брачный возраст в 18 лет (ч. 1 ст. 13 СК РФ). А часть 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ содержит положение, в соответствии с которым при наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступать в брак лицам, достигшим возраста 16 лет. Здесь же содержится положение, в соответствии с которым порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в регионах Российской Федерации установлен различный минимальный возраст для вступления в брак. Вместе с тем возможность снижения брачного возраста ниже 16 лет (по различным обстоятельствам) предусмотрена в большинстве регионов России. Так, во Владимирской, Вологодской, Калужской, Московской, Самарской областях разрешается снижать брачный возраст до 14 лет. В Мурманской, Рязанской, Тверской областях – до 15 лет. В Башкортостане, Новгородской, Орловской областях – без ограничений. Перечень региональных установлений возраста можно было бы продолжить, но и без продолжения очевидно, что в результате существующего подхода в одном регионе 18-летний сможет вступать в брак с 14–17-летней, а в другом не сможет. Следовательно, во втором случае партнер несовершеннолетней будет привлечен к уголовной ответственности, а в первом нет? В данном случае очевидно нарушение принципа справедливости и равенства всех перед законом. Нарушен и принцип законности (в аспекте единства федерального уголовного закона). Отметим, что даже в регионах, где установлены варианты вступления в брак в раннем возрасте, действует правило о необходимости согласия законных представителей несовершеннолетней (несовершеннолетнего) и / или разрешения должностных лиц либо уполномоченных органов. Дру-

гими словами, решение вопроса об уголовной ответственности по ст. 134 УК РФ ставится в прямую зависимость от волеизъявления третьих лиц, а решение о регистрации брака связывается, как правило, с наличием определенных условий (например, беременность и др.), что также влияет на уголовную ответственность.

Исходя из положения, в соответствии с которым общественная опасность деяния определяется только объектом посягательства (в качестве такового будем считать общественные отношения, на которые направлено деяние) и его объективной стороной, а субъект посягательства не определяет общественную опасность деяния, отношение законодателя к установлению уголовной ответственности за совершенное деяние должно быть единым на территории страны и не зависеть от воли региональных законодателей, а тем более от воли третьих лиц.

Литература

1. *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года*: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537. П. 1 // Российская газета. 2009. 19 мая.
2. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М., 1999. 464 с.
3. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: социально-психологический анализ. Дубна, 2007. 208 с.
4. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. 608 с.
5. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.

Prozumentov Lev M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ARTICLE 134 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION NEEDS IMPROVING

Keywords: minors, criminal liability, protection, sexual crimes.

DOI: 10.17223/22253513/27/8

The updating of criminal law in the field of protection of normal mental and physical development of minors will enable us to cope with several tasks. A high priority task is to pay attention that the current state of society under the conditions of crisis of birth rate demands the increased protection of the rights and legitimate interests of minors since the insufficient attention to such development can result in unpredictable negative consequences for society and the state. Crimes against normal physical and mental development of minors constitute a higher public danger. One of such crimes is the sexual intercourse and other sexual actions with a person under 16; the crime is punishable under Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC of RF).

While writing the present article, the author set the following tasks: a complex analysis of the provisions of Article 134 of the CC of RF; the practice of implementation of those provisions in the activity of law enforcement officials; the development of proposals to increase the efficiency of use of the above rule of criminal law. The author used the following methods: dialectic, formal and logical, system and structural, method of the analysis and synthesis.

The subject matter of the present Article is the rule of criminal law which provides for responsibility for the sexual intercourse and other sexual actions with a person under 16 (Arti-

cle 134 of the CC of RF), Article 13 of the Family Code of the Russian Federation (the FC of RF) and the rules of regional laws that establish the minimum age for marriage.

The research showed the conflict between Article 134 of the CC of RF with the provisions of the FC of RF allowing marriages at early age (Article 13 of the FC RF) and empowering the subjects of the Russian Federation independently to determine the age of marriage. Various regions of Russia have a minimum age for marriage. The existing situation indicates the violation of the principle of justice and equality of all before the law as well as the principle of legality (in the aspect of unity of the federal criminal law).

Moreover, in many regions where options for marriage at early age are established, there is a rule about the need of consent on the part of lawful representatives of the minor and (or) permission of officials or authorized bodies. That is the solution of a question of criminal liability is put into direct dependence on the will of regional legislators and on the will of the third parties. It seems to be a legal trick to connect the official registration of marriage and criminal liability since the existing CC of RF contains the rules, which provide for discharge from criminal liability.

References

1. Russian Federation. (2009) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: ut-verzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12.05.2009 g. № 537. P. 1* [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: approved by Decree No. 537 of the President of the Russian Federation of May 12, 2009. p. 1]. *Rossiyskaya gazeta*. 19th May.
2. Antonyan, Yu.M., Tkachenko, A.A. & Shostakovich, B.V. (1999) *Kriminal'naya seksologiya* [Criminal Sexology]. Moscow: Spark.
3. Kon, I.S. (2007) *Podrostkovaya seksual'nost' na poroge XXI veka: sotsial'no-psikhologicheskiy analiz* [Adolescent sexuality on the threshold of the 21st century: A socio-psychological analysis]. Dubna: Feniks.
4. Lopashenko, N.A. (2009) *Ugolovnaya politika* [Criminal Policy]. Moscow: Wolters Kluwer.
5. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalisation and decriminalisation of acts]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 343.119

DOI: 10.17223/22253513/27/9

М.К. Свиридов

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В связи с закрепленным Конституцией Российской Федерации разделением властей судебная власть как самостоятельная ветвь власти должна выполнять не только свою работу (разрешение уголовных дел), но и осуществлять сдерживающе-контрольную деятельность в отношении других ветвей власти. В связи с этим содержание судебной власти увеличилось. Контрольно-сдерживающая деятельность не входит в правосудие, являясь самостоятельным элементом судебной власти, у нее свои предмет и метод. Наличие в уголовном судопроизводстве двух элементов с разными предметами и методами способно привести к смешению методов и размыванию требуемого для правосудия жесткого метода, поскольку метод другого элемента весьма мягок. В статье предлагаются меры, способные предотвратить искажение метода правосудия.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, судебный контроль.

В советское время вопрос о проявлении судебной власти в уголовном процессе решался несложно. Во-первых, как самостоятельной судебной власти не было, она являлась частью единой государственной власти. Во-вторых, в уголовном процессе она была необходима только для разрешения уголовных дел, т.е. для осуществления правосудия. Поэтому осуществление правосудия и проявление судебной власти практически означали одно и то же.

Положение сильно изменилось после закрепления в ст. 10 Конституции Российской Федерации разделения властей. Судебная власть стала, наряду с законодательной и исполнительной, самостоятельной и независимой ветвью власти.

В соответствии с разделением властей каждая ветвь власти осуществляет две функции:

- осуществляет то дело, ради которого она создана (т.е. делает свою работу);

- кроме этого, каждая ветвь власти должна быть системой сдержек и противовесов для других властей, удерживая их от выхода за пределы своего назначения. В этом проявляется реализация разделения властей.

Изложенные положения полностью относятся и к судебной власти, которая сейчас выполняет тоже две функции: делает свою работу (осуществляет правосудие) и является сдержкой и противовесом (исполняя контрольно-сдерживающую функцию). В лице Конституционного Суда РФ осуществляется сдержка законодательной власти; что касается уголовной

юстиции, то в этой сфере суды являются сдержкой действующей в уголовном процессе исполнительной власти – следственных органов. Причем последний вид судебной деятельности в уголовном процессе занимает значительное место – это и разрешение жалоб на действия (бездействия), и решения следователей, и получение следователем разрешения суда на производство целого ряда следственных действий.

Таким образом, если ранее судебная деятельность в уголовном процессе была однозначной – только осуществление правосудия, то в настоящее время у суда в уголовном процессе появился еще один **обязательный** вид деятельности – контрольно-сдерживающий по отношению к исполнительной власти. В связи с этим возник целый ряд проблем, требующих разрешения. Так, необходимо четко определить: характер отношений судебной власти с другими ветвями власти, участвующими в разрешении уголовного дела; каким стал предмет судебной власти в уголовном процессе; осталась ли судебная власть в уголовном процессе однородной, а если нет, то из каких элементов она должна состоять и какими должны быть взаимоотношения между элементами и т.п. Решение этих и других аналогичных им проблем необходимо для полноценной судебной реформы и создания нового Уголовно-процессуального кодекса с единой методологией.

Представляется, что отрицать наличие в судебной деятельности в уголовном процессе двух разных ее видов невозможно. Нельзя не отметить, что между ними есть немало общего. Осуществляются они одним судьей в рамках одного уголовного дела. Причем контрольно-сдерживающая деятельность осуществляется для обеспечения успешного правосудия: суд разрешает следователю произвести необходимое для получения нужного доказательства следственное действие; рассмотрев жалобу на решение следователя, суд побуждает следователя исправить ошибку и добиться нужного результата. Поэтому прав А.Д. Бойков, который писал, что «надзорная функция суда является для него субсидиарной, выполняемой лишь при осуществлении главной функции – правосудия» [1. С. 226].

Отмеченное общее позволяет некоторым авторам считать, что контрольно-сдерживающая деятельность суда не является самостоятельным элементом судебной власти, которая, как и прежде, однозначна и проявляется в уголовном процессе только в виде правосудия. Так, В.А. Лазарева считает, что судебный контроль представляет собой не самостоятельный элемент судебной власти, а является особой формой осуществления правосудия [2. С. 57]. Иначе говоря, увеличилась сфера правосудия, проявление же судебной власти осталось прежним – однозначным – только в осуществлении правосудия.

С таким мнением, как думается, вряд ли можно согласиться. Несмотря на наличие в анализируемых элементах судебной власти общего, у них гораздо больше различий. Представляется правильным мнение тех авторов, которые считают контрольно-сдерживающую деятельность суда в уголовном процессе самостоятельным элементом судебной власти. Так полагает Л.А. Воскобитова [3]. Она пишет, что функция судебного контроля по отношению к

другим ветвям власти возложена на судебную власть **наряду с правосудием**, т.е. как самостоятельный элемент, отдельный от правосудия [3. С. 122]. Аналогичное мнение высказывают В.А. Азаров и И.Ю. Таричко, которые пишут: «Судебный контроль является самостоятельной функцией суда, одним из средств реализации судебной власти. Понятие “правосудие” не охватывает указанных контрольных полномочий суда» [4. С. 181]. В.А. Азаров и И.Ю. Таричко определяют эти полномочия, но задачи правосудия туда не входят [Там же. С. 148]. В то же время указанные авторы подчеркивают, что судебный контроль «не является правосудием, но осуществляется во имя правосудия» [Там же. С. 137]. Отрывать друг от друга эти два элемента судебной власти нельзя, только оба они в совокупности обеспечивают успешное проявление судебной власти в уголовном процессе.

Таким образом, следует согласиться с авторами, признающими контрольно-сдерживающую деятельность суда самостоятельным элементом судебной власти. Подтверждением этому служит следующее.

Как уже отмечалось, при наличии общего в анализируемых элементах судебной власти больше различного.

Главное различие – у них разные задачи, предмет и метод правового регулирования.

Если задачей правосудия является применение норм уголовного права и правильное выяснение виновности или невиновности подсудимого, то при осуществлении контрольно-сдерживающей деятельности задачи применения норм уголовного права нет и ничья виновность не выясняется; тут стоит совсем иная задача – обеспечить правомерность действий следователя. Отсюда вытекают различия в предметах деятельности рассматриваемых элементов судебной власти: предметом правосудия является изучение вопроса о наличии или отсутствии преступления, виновности или невиновности подсудимого, назначении виновному наказания или освобождении от него. Предмет контрольно-сдерживающей деятельности совсем иной: анализ деятельности следователя с целью определить, не было ли каких либо отклонений от установленных правил и правомерны ли намерения следователя произвести какие-либо действия.

Еще больше отличий в методах правового регулирования. Поскольку уголовный процесс имеет дело с самой жесткой, причем, карательной отраслью права – уголовным, метод правового регулирования правосудия должен быть очень жестким. Он необходим, чтобы не допустить ошибки в применении кары. Его основными чертами можно назвать следующее.

Во-первых, деятельность суда при осуществлении правосудия должна быть облачена в жесткую процессуальную форму, и только достигнутые в рамках этой формы результаты могут признаваться юридически значимыми. Наличие уголовно-процессуальной формы предполагает почти детальное закрепление в законе процедуры производств, действий органов власти. Действия, не соответствующие закрепленным правилам, уничтожают юридическую значимость получаемого результата, каким бы важным он ни был по содержанию.

Во-вторых, деятельность суда (как, впрочем, и других действующих в уголовном процессе органов власти) должна быть в максимальной мере детально урегулирована законом и допускать минимум усмотрения органов власти. Несомненно, полностью избежать усмотрения органов власти невозможно, однако оно должно быть минимальным и быть вызвано серьезными причинами, чтобы избежать произвола.

В-третьих, осуществление правосудия должно быть насыщено властью, чтобы можно было заставить субъектов уголовного процесса действовать в соответствии с законом и – в рамках закона – в интересах разрешаемого уголовного дела.

В-четвертых, отношения органов власти с иными субъектами в уголовном процессе должны существовать в форме властных распоряжений, обязательных для исполнения.

В-пятых, уголовный процесс должен быть снабжен набором мер принуждения – от самых мягких до самых жестких (заключение под стражу). Это необходимо, чтобы пресечь уклонение от правосудия не только обвиняемого (подсудимого), который нередко пытается скрыться от суда, но и свидетелей, которые также нередко пытаются не являться в суд, отказываться давать показания или давать ложные показания.

Таковы основные черты метода правового регулирования в правосудии. Ничего даже близкого к этому нет в методе регулирования контрольно-сдерживающей деятельности суда (второго элемента судебной власти).

Прежде всего необходимо отметить, что судебный контроль не является правосудием, эти два вида судебной деятельности разнохарактерны. Правосудие – это разрешение уголовного дела. Предмет судебного контроля, как уже отмечалось, иной: анализ правомерности действий или намерений следователя. Поэтому здесь нет необходимости в такой жесткости метода правового регулирования, какой нужен при осуществлении правосудия. Здесь не нужна жесткая процессуальная форма, нет необходимости в детальной правовой регламентации – многие вопросы могут быть решены судебским усмотрением. Порядок разрешения ходатайств ст. 122 УПК РФ вообще не регламентирован; несколько подробнее, но также без детализации регулирует ст. 125 УПК РФ порядок рассмотрения жалоб на действия и решения следователя. Власть присутствует и здесь, однако она тоже закреплена в смягченной форме. Например, если суд признает решение следователя необоснованным и обяжет следователя устранить нарушение, при неисполнении этой обязанности никаких санкций к следователю со стороны суда закон не предусматривает, разногласия здесь разрешаются другими, более мягкими мерами. Более свободным является положение субъектов, у них больше субъективных прав, никаких мер принуждения к субъектам при осуществлении судебного контроля в законе не предусмотрено, следовательно, изменяться не могут.

Как видно, различия в методах правового регулирования правосудия и судебного контроля весьма большие. Они (методы) разнотипны. Пользуясь классификацией С.С. Алексеева, метод регулирования правосудия являет-

ся централизованным, императивным; метод же судебного контроля можно отнести (хотя и не во всех чертах) к децентрализованному [5. С. 224].

Таким образом, мы наблюдаем довольно необычное явление: в одном кодексе (УПК РФ) оказались нормы права с разными предметами и методами правового регулирования.

Количество и тех, и других значительное (и, думается, в будущем количество норм судебного контроля будет увеличиваться). Но совокупность правовых норм, имеющих самостоятельные специфические предметы и методы правового регулирования, образуют самостоятельную отрасль права. С.С. Алексеев писал: «В каждый данный момент наличие особого юридического режима регулирования и его наиболее характерных для основных отраслей черт – специфического метода и механизма регулирования (которые проявляются прежде всего в особенностях правового статуса субъектов) – служит непосредственным и притом практически важным безошибочным показателем того, что пред нами реально существующее подразделение в правовой системе, самостоятельная отрасль права» [6. С. 193]. Следовательно, УПК РФ закрепляет нормы двух отраслей права: уголовно-процессуального, регулирующего правосудие, и конституционного, регулирующего сдерживание исполнительной власти (судебный контроль). Именно к конституционному праву, как думается, следует отнести нормы, регулирующие судебный контроль, поскольку здесь осуществляется конституционная функция, вытекающая из разделения властей.

В нашей системе права есть отрасли, где содержатся нормы разных отраслей права. Но такое имеет место в комплексных отраслях, которые являются вторичными. Уголовно-процессуальная отрасль не вторичная (как и конституционная отрасль), а основная, и смешение в ней норм разных отраслей права вряд ли допустимо, оно причиняет вред. Ведь несмотря на большую близость уголовно-процессуального и уголовного права, смешения их норм нет, так как обе эти отрасли основные, имеющие разные предметы и методы правового регулирования.

В тексте УПК РФ заметна особенность: нормы, относящиеся к различным отраслям права, находясь в одном законе, не структурированы, а смешаны со всеми другими нормами. В этом кроется серьезная опасность. Дело в том, что существующий уголовный процесс, включающий в себя часть норм конституционного права, является системой, где действуют системные закономерности. Все элементы единой системы должны быть однородными (иначе систему будут подрывать противоречия) и связанными друг с другом. Более того, все элементы системы не только находятся рядом друг с другом, но они оказывают друг на друга влияние. Об этом писал видный теоретик права С.С. Алексеев: «Иногда даже простое перемещение нормативных предписаний из одной области законодательства в другую, близкую ей область приводит к тому, что эти предписания включаются в новую систему связей, в силовое поле нового правового режима, а значит приобретают новые правовые свойства» [6. С. 67]. Нахождение в «жестком» уголовном процессе достаточно большого количества норм

«мягкого» конституционного права способно привести к размыванию уголовно-процессуального метода правового регулирования. Это опасно, поскольку уголовный процесс обеспечивает применение «жесткого» уголовного права. Сейчас можно сказать, что существующий уголовный процесс не имеет единого, четко выраженного метода правового регулирования. В нем действуют два метода: централизованный (жесткий) и децентрализованный (мягкий), что крайне вредно. Поскольку в УПК РФ закреплён, кроме жесткого, и мягкий, упрощенный метод, это побуждает законодателя предписывать в целях экономии средств и по иным причинам применение мягкого метода к работе с деяниями, признаваемыми самим законодателем преступлениями, в том числе и тяжкими. Примером такого положения является наличие в УПК РФ упрощенных производств (гл. 32-1, 40 и 40-1). Здесь искажение уголовно-процессуального метода проявляется в нарушении всегда действующей обоснованной схемы судебного разбирательства – отсутствии судебного следствия по делам с признанием подсудимого виновным и при соглашении о сотрудничестве. В УПК РФ неоднократно встречается словосочетание «постановление приговора без судебного разбирательства» (ст. 314, 316 УПК РФ). При разбирательстве таких дел суд отстранен от непосредственного исследования доказательств, на которых он будет основывать приговор. Один из важнейших принципов установления истины – непосредственности – исключен. Часть 5 ст. 316 гласит: «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу». Убеждаться в виновности подсудимого суд может только по материалам следователя. Фактически судья, выносящий приговор, с доказательствами работать не обязан, и основывает приговор на доказательствах, представленных ему следователем, которые он принимает на веру. Еще большие отступления от уголовно-процессуального метода допускаются при сокращенном дознании (гл. 32-1): здесь значительно упрощается процесс собирания доказательств, много исключений из правил допустимости доказательств, необязательной является проверка каждого доказательства (гл. 32-1 УПК РФ).

Как видно, закон допускает работу с преступлениями, подчас и тяжкими, мягким, упрощенным методом. Но в такой ситуации у органов власти может не оказаться всех необходимых средств: установление обстоятельств дела здесь усложнено, нередко оно сопровождается противодействием; здесь требуются и особые меры воздействия на обвиняемого и даже свидетелей. Всего этого у мягкого метода нет. Результатом такого положения может оказаться судебная ошибка. Думается, что наличие в УПК РФ мягкого метода регулирования не создает достаточных гарантий для правильного применения норм уголовного права.

Таким образом, состояние существующего в настоящее время уголовно-процессуального метода регулирования вряд ли можно признать удовлетворительным. В уголовном процессе должен быть один четко закрепленный жесткий (императивный) метод регулирования. Вся иная деятельность, не требующая применения уголовно-процессуального метода, должна быть отнесена к административному праву. Несомненно, должны

допускаться смягчения жесткости, однако это должно быть исключением, обоснованным серьезными обстоятельствами.

Причиной неудовлетворительного состояния уголовно-процессуального метода регулирования является объединение в одном законодательном акте, что создает впечатление о наличии единого уголовного процесса, двух разных видов проявления судебной власти в уголовном процессе – правосудия и судебного контроля. Поэтому для улучшения положения следует воздействовать на причину.

Идеальным было бы разделение этих двух видов судебной власти на самостоятельные, осуществляемые разными судебными органами виды деятельности. Хорошим примером может стать деятельность высшего судебного органа РФ – Конституционного Суда, который правосудие (разрешение уголовных дел) не осуществляет, занимаясь только проверкой соответствия правовых актов Конституции РФ, т.е. судебно-контрольной деятельностью. В регионах разделение можно было бы осуществить таким образом (хотя бы в будущем): правосудием должны заниматься суды по уголовным делам, а судебно-контрольные функции должны осуществлять конституционные суды (которые в регионах так и не созданы, несмотря на то, что конституционное правосудие предусмотрено Конституцией Российской Федерации наряду с другими видами судопроизводства). Хотя это предложение заманчиво, однако нельзя не понять, что его реализация в настоящее время нереальна.

В.А. Лазарева предлагает более простую меру: в каждом суде выделить судью, который бы не занимался правосудием, а осуществлял бы только судебно-контрольную функцию; в многочисленных судах для судебного контроля организовать палаты, составы [2. С. 103–104]. Несомненно, это предложение принесло бы положительный результат, однако практически оно также труднореализуемо, поскольку требует немалого увеличения штата судей. Поэтому представляется возможным внести предложение, которое для реализации пока не потребует материальных затрат: структурировать находящиеся сейчас в смешанном состоянии нормы уголовно-процессуального и конституционного права, отделить их друг от друга, в связи с чем разделить УПК РФ на два раздела – раздел, содержащий нормы о правосудии, и раздел, содержащий нормы о судебном контроле. Такая мера, как представляется, не будучи радикальной (последние в существующих условиях мало реальны), будет оказывать на судей психологическое воздействие, побуждая пользоваться нормами, регулирующими тот вид деятельности, которым судья занимается. В будущем же для обеспечения правильного и более эффективного проявления судебной власти в уголовном процессе необходимо будет принимать радикальные меры.

Литература

1. Бойков А.Д. Третья власть в России. М., 1997. 264 с.
2. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара : Самар. ун-т, 1999. 136 с.

3. Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. 150 с.
4. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функции судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск : Омск. гос. ун-т, 2004. 379 с.
5. Алексеев С.С. Теория права. М. : Бек, 1995. 320 с.
6. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 264 с.

Sviridov Mikhail K., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

JUDICIAL AUTHORITY AND ITS MANIFESTATION IN CRIMINAL TRIALS

Keywords: judicial authority, justice, judicial control.

DOI: 10.17223/22253513/27/9

After the Constitution of the Russian Federation had entrenched the separation of powers, judicial authority acquired one more function – to serve as a system of checks and balances in relation to other branches of power (judicial control over the legality of investigative bodies' activities). There is no consensus whether judicial control is an independent function or it is a part of justice. It seems certain that judicial control and justice are independent functions of judicial authority. They have different problems, objects and methods of regulation.

Justice decides criminal cases whereas judicial control prevents investigators from going beyond the legal framework. Justice has a tough method of regulation with a detailed legal rulemaking, manifestation of authoritativeness concerning the subjects of criminal trial allowing the application of coercion towards the subjects. Judicial control has a mild regulation method, settled by the law only in general and therefore, allowing a considerable judicial discretion. Authoritativeness manifestation is milder here; application of coercion to subjects is inadmissible. Despite such great differences, both types of judicial activity are in one law, i.e. in the CC of RF, forming a uniform criminal trial where the elements of different methods are mixed. It is highly unlikely to recognize such a situation to be normal.

Criminal trial is a system the elements of which are not only interconnected, but also exert impact on each other. Being in one system with justice, a considerably milder method of regulation of judicial control can result in the vagueness of justice and this is dangerous for the court when it applies the norms of the toughest branch of law – a criminal one. Some authors propose changing the current situation. The most radical proposal is to divide justice and judicial control between different courts or to retain them in one court but for different judges and to create special court chambers for this purpose.

However, nowadays when fundamental judicial reforms are going on, the realization of radical measures is unreal. Therefore, a minimum measure is proposed: to structure the standards of justice and judicial control and place them in the separate sections of the CC of RF.

References

1. Boykov, A.D. (1997) *Tret'ya vlast' v Rossii* [The Third Power in Russia]. Moscow: Research Institute for Strengthening the Rule of Law and Order.
2. Lazareva, V.A. (1999) *Sudebnaya vlast' i ee realizatsiya v уголовном protsesse* [Judicial power and its implementation in the criminal process]. Samara: Samara State University.
3. Voskobitova, L.A. (2003) *Sushchnostnye kharakteristiki sudebnoy vlasti* [Essential characteristics of the judicial power]. Stavropol': Stavropol'servisskola.
4. Azarov, V.A. & Tarichko, I.Yu. (2004) *Funktsii sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovornogo protsessa Rossii* [Functions of judicial control in the history, theory and practice of the criminal process in Russia]. Omsk: Omsk State University.
5. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [The Theory of Law]. Moscow: Bek.
6. Alekseev, S.S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The Structure of Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

УДК 343.3/.7

DOI: 10.17223/22253513/27/10

А.В. Сорокина

ПРОЕКТ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА СССР 1939 г.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ

В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к системе построения Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР 1939 г. Основное содержание исследования составляет анализ построения системы Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР 1939 г. В статье выделяются и описываются характерные особенности системы норм Особенной части названного проекта, структуры и содержания его норм. Исследование формирования системы Особенной части проекта Уголовного кодекса СССР 1939 г. проводится в историко-правовом аспекте.

Ключевые слова: проект Уголовного кодекса, систематизация уголовного права, Особенная часть, история формирования, структура Особенной части, объект посягательства.

Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г. (далее – проект УК СССР) представляет разносторонний научный и практический интерес с точки зрения, во-первых, совершенствования деятельности органов юстиции по систематизации и кодификации законодательства СССР в 30-е гг. XX в.; во-вторых, развития уголовной политики СССР того времени, в частности, таких ее методов, как криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация, дифференциация уголовной ответственности; в-третьих, определения теоретических основ построения Общей и Особенной частей российского уголовного права.

5 декабря 1936 г. Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов был принят Основной закон СССР (так называемая Сталинская конституция, или Конституция победившего социализма), действовавший (с изменениями и дополнениями) до 1977 г. Основная идея Конституции 1936 г. состояла в провозглашении положений, свидетельствующих об установлении эпохи социализма – отмене частной собственности на орудия и средства производства, уничтожении в настоящем и недопущении в будущем системы эксплуатации человека человеком, предоставлении равных прав гражданам.

Вскоре после принятия Конституции СССР 1936 г. началась работа по подготовке проекта Уголовного кодекса СССР. Как известно, немаловажную роль в разработке и принятии общесоюзных законов играл Народный комиссариат юстиции СССР (Наркомюст СССР, НКЮ СССР) – государственный орган СССР, осуществлявший общее руководство судебными учреждениями. Для разработки проекта УК СССР была создана комиссия

под руководством А. Герцензона и Б. Ошеровича, в состав которой входили: Н.М. Рычков (нарком юстиции СССР), И.Т. Никитченко (зам. председателя ВС СССР), В.В. Ульрих, С.П. Ташев (нач. управления общих судов НКЮ СССР), С.П. Бернштейн (нач. кодификационного отдела НКЮ СССР), И.М. Файнблит (начальник сектора разработки проектов законов, указов, постановлений и инструкций кодификационного отдела НКЮ СССР), А.А. Пионтковский (известный ученый-юрист, член ИП АН СССР), С.К. Хавенсон (нач. отдела судебной статистики НКЮ СССР) и пр. [1].

Наркомюст СССР к 1939 г. разработал проект УК СССР. Этот проект широко обсуждался в юридической печати, и ему была посвящена Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук. На сессии доклад по проекту УК СССР «Основные принципы и положения проекта Уголовного кодекса СССР» представил А.А. Герцензон, с содокладами выступили Б.С. Утевский – «О соучастии по проекту Уголовного кодекса СССР» и В.С. Трахтерев – «О невменяемости по проекту Уголовного кодекса СССР». Общая оценка, которая дана была выступавшими, сводилась к тому, что проект Уголовного кодекса в основном отвечал задачам социалистического уголовного права эпохи Сталинской Конституции, несмотря на то, что в проекте имелся ряд неточностей, пробелов, шероховатостей и иных дефектов, подлежащих устранению [2. С. 131–133]. Анализ работы секции уголовного права по обсуждению проекта УК СССР показал, что работа секции принесла огромную пользу; на заседаниях секции было сделано свыше 200 конкретных замечаний по отдельным статьям проекта; эти замечания в значительной степени были направлены на способствование окончательной разработке проекта и давали важнейший материал для законодательной работы по проекту Уголовного кодекса СССР [Там же. С. 133].

Небезынтересно будет отметить, что Н.В. Крыленко, излагая существо проекта нового Уголовного кодекса СССР, обосновывая его историческими требованиями и теоретическими установками в области уголовной политики и права, обозначил две ведущие задачи уголовной политики: усиление борьбы с остатками классовых врагов и поднятие на гораздо большую высоту задачи воспитания социалистической дисциплины и социалистического правосознания среди трудящихся. Кроме того, он выделил одно основное требование, которому должен удовлетворять новый кодекс – это «коренной пересмотр всех составов и всех мер репрессии, исходя из принципа исчерпывающего, а не ориентировочного перечня этих составов в наиболее совершенной их редакции», а также ряд других. По мнению Н.В. Крыленко, кодекс должен быть достаточно гибким, чтобы обеспечить суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном случае, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора наиболее целесообразной меры репрессии для каждого конкретного случая. Кодекс должен быть достаточно четким и точным, чтобы, отвечая новым условиям эпохи и отражая эти условия, в то же время не допускать ненужной широты судейского усмотрения. Кодекс должен быть достаточно суровым, чтобы бить беспощадно и жестко по классовому

врагу. Кодекс должен быть абсолютно принципиальным в своих исходных основных положениях [3. С. 104–105].

Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г. [4] структурно состоял из Общей и Особенной части. Общая часть включала четыре раздела (с 1-го по 4-й) и статьи (с 1-й по 62-ю). Нормы Особенной части, как традиционно сложилось, носили в основном запретительный характер: они содержали перечень деяний, признаваемых преступлениями, и виды и размеры наказаний за них. В составе Особенной части было десять разделов (I–X), которые делились на главы (всего 40) и статьи (63–350). Примечательно при этом, что слово «главы» использовалось не во всех разделах Особенной части, а только в разделе I «Преступления государственные». Во всех других разделах главы обозначались просто римскими цифрами. Все разделы, главы и статьи имели собственное наименование. Разделы и главы нумеровались римскими цифрами, статьи – арабскими. Части статей не нумеровались.

Нетрудно убедиться, что система Особенной части проекта УК СССР отражала приоритеты уголовно-правовой охраны, характерные для идеологии социализма, поскольку порядок расположения разделов в проекте УК СССР отражал ту иерархию ценностей, которая устанавливалась Конституцией СССР 1936 г. Триада основных охраняемых законом ценностей выглядела следующим образом: государство – личность – общество. Характеризуя принципы системы уголовного права, Б.С. Маньковский указывал, что система особенной части советского социалистического уголовного права строилась на принципиально иных основаниях, чем система буржуазного уголовного права. Советское социалистическое уголовное право принципиально отрицало противопоставление интересов личности и государства, как это имело место в буржуазном праве. Сталинская конституция дала исходные предпосылки для построения системы особенной части советского социалистического уголовного права [5].

Начиналась Особенная часть с раздела I «Преступления государственные», в котором в трех главах предусматривалась ответственность за контрреволюционные преступления (ст. 64–81), хищения социалистической собственности (ст. 82–84), преступления против государственного управления (ст. 85–108).

В главе I «Контрреволюционные преступления» предусматривалась ответственность за измену родине, невозвращенство, помощь международной буржуазии, вторжение в СССР вооруженных банд, провокацию войны и иных враждебных действий против Союза ССР, террористический акт против иностранных представителей, шпионаж, передачу за границу секретных изобретений, вооруженное восстание, террористический акт, вредительство, диверсию, саботаж, посягательство на национальные завоевания социалистической революции, контрреволюционную агитацию и пропаганду, участие в контрреволюционной организации, активную борьбу против революционного движения, недонесение о контрреволюционном преступлении.

При выяснении содержания небезызвестной ст. 64 «Измена родине», где в ч. 3 предусматривается положение об уголовной ответственности

совершеннолетних членов семьи изменщика родине – военнотружущаго, совершившего побег или перелет за границу, совместно с ним проживающих или находящихся на его иждивении, обнаруживается сохранение принципа объективного вменения.

Глава II «Хищения социалистической собственности» устанавливала ответственность за хищение социалистической собственности, а также за недонесение о хищениях социалистической собственности.

Глава III «Преступления против государственного управления» содержала нормы об ответственности за следующие преступления: массовые беспорядки, квалифицированные массовые беспорядки, возбуждение национальной вражды или розни, нарушение законов о национализации земли, неосторожное разглашение государственной тайны, бандитизм; хищение оружия, подделка денежных знаков, подделка железнодорожных билетов и знаков почтовой оплаты, нарушение правил о валютных операциях, подделка и хищение паспортных бланков, нарушение положения о монополии внешней торговли, квалифицированная контрабанда, незаконный переход государственных границ и способствование ему, разрушение или повреждение путей сообщения, нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном и водном транспорте, нарушение трудовой дисциплины на воздушном транспорте, нарушение правил о международных полетах, нарушение трудовой дисциплины на автотранспорте, заявка за границей изобретений, уклонение от призыва на действительную военную службу, отказ от выполнения повинностей в условиях военного времени, доношительство по преступлениям против государственного управления.

В разделе II «Преступления против личности» было семь глав, регламентирующих ответственность за убийство (ст. 109–115), телесные повреждения (ст. 116–126), незаконный аборт (ст. 127–131), половые преступления (ст. 132–138), оставление в опасности (ст. 139–146), преступления против достоинства личности (ст. 147–148), доношительство по преступлениям против личности (ст. 149).

Раздел III «Преступления против основных прав граждан» включал 10 глав об ответственности за преступления против избирательных прав (ст. 150–152), преступления против права на труд и материальное обеспечение (ст. 153–157), преступления против права на образование (ст. 158–159), преступления против равноправия женщин (ст. 160), преступления против национального и расового равноправия граждан (ст. 161–162), преступления против свободы совести (ст. 163–169), преступления против свободы слова, печати, собраний и объединений (ст. 170–173), преступления против неприкосновенности личности (ст. 174–177), преступления против неприкосновенности жилища и тайны переписки (ст. 178–179), преступления против права убежища (ст. 180).

Раздел IV предусматривал ответственность за преступления против авторских прав (ст. 181–182). В разделе V устанавливалась ответственность за имущественные преступления (ст. 183–208). Уголовная ответственность за должностные (служебные) преступления регламентировалась в разделе

ле VI (ст. 209–222), за хозяйственные преступления – в разделе VII (ст. 223–233).

Раздел VIII «Преступления против порядка управления» по количеству глав и статей был самым многочисленным. Он содержал 16 глав и 66 статей (ст. 234–299). В названном разделе регламентировалась ответственность за преступления против органов власти (ст. 234–239), преступления против нормальной деятельности органов управления (ст. 240–247), преступления, нарушающие деятельность органов правосудия (ст. 248–256), невыполнение государственных повинностей (ст. 257–260), нарушение законов о военной службе (ст. 261–264), нарушение законов о паспортной системе (ст. 265–267), нарушение законов о пользовании природными богатствами (ст. 268–273), преступления в области транспорта и связи (ст. 274–279), нарушение жилищного законодательства (ст. 280–282), незаконное изготовление или сбыт спиртных напитков (ст. 283–284), нарушение постановлений о народном здравии (ст. 285–289), преступления в области общественной нравственности (ст. 290–292), нарушение правил о приобретении и хранении оружия и взрывчатых веществ (ст. 293–294), нарушение правил по технике безопасности (ст. 295–296), нарушение правил о печати (ст. 297–298), сокрытие коллекций и памятников старины (ст. 299).

Раздел IX содержал нормы об ответственности за преступления, составляющие пережитки родового быта (ст. 300–315).

Заканчивалась Особенная часть разделом X «Воинские преступления», где выделялись пять глав, которые содержали статьи, предусматривающие ответственность за уклонение от военной службы (ст. 318–324), преступления против порядка военной службы и подчиненности (ст. 325–334), должностные воинские преступления (ст. 335–341), преступления в условиях военных действий (ст. 342–350).

Нельзя не согласиться с оценкой проекта УК СССР, данной И.Т. Голяковым: «Предложенное в проекте Уголовного кодекса построение системы Особенной части наиболее соответствует духу социалистического уголовного права эпохи Сталинской Конституции. Оно подчеркивает важность задачи борьбы с преступлениями государственными, выдвигает на одно их первых мест борьбу с преступлениями против личности граждан социалистического общества, уделяя должное внимание борьбе с посягательствами на государственный аппарат и порядок управления, наконец, уделяя значительное внимание борьбе с воинскими преступлениями» [6. С. 125].

Следует заметить, что в проекте содержались главы, состоящие из одной статьи. Так, глава VII «Недоносительство по преступлениям против личности» раздела II «Преступления против личности» включала только ст. 149 об ответственности за недоносение об убийстве. Глава V «Преступления против равноправия женщин» раздела III «Преступления против основных прав граждан» содержала единственную ст. 160, предусматривающую ответственность за воспрепятствование женщине в осуществлении ее прав. В главе X «Преступления против права убежища» этого же раздела в ст. 180 устанавливалась ответственность за нарушение права убежища.

В разделе VIII «Преступления против порядка управления» главой XVI «Соккрытие коллекций и памятников старины» предусматривалась одноименная ст. 299. Как видим, в названных случаях видовой и непосредственный объекты посягательств совпадали.

Внутри глав не всегда соблюдалась логика в их построении, представленности уголовно-правовых предписаний, соответствии непосредственного объекта посягательства видовому, который заявлен в наименовании главы. Так, в разделе I в главу III «Преступления против государственного управления», видовым объектом которых выступают общественные отношения, обеспечивающие основы государственного управления Союза СССР и социалистического хозяйства, помимо таких преступлений, как массовые беспорядки, квалифицированные массовые беспорядки, возбуждение национальной вражды или розни и др., были включены статьи, содержащие уголовно-правовые запреты деяний, посягающих на отличные от заявленных в наименовании главы объекты: бандитизм, похищение оружия (видовой объект – общественная безопасность), разрушение или повреждение путей сообщения, нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном и водном транспорте, нарушение трудовой дисциплины на воздушном транспорте и др. (видовой объект – безопасность движения и эксплуатация транспорта).

В разделе VIII в главу I «Преступления против органов власти» наряду с сопротивлением власти, неповиновением власти, угрозой и насилием в отношении должностного лица или общественного работника, оскорблением должностного лица, клеветой в отношении должностных лиц или общественных работников включалась норма об ответственности за хулиганство, охраняющая общественный порядок.

Нетрудно заметить, что критерием систематизации Особенной части выступали не только объект уголовно-правовой охраны, но и особенности объективной стороны преступления. Так, в разделе I «Преступления государственные», где родовым объектом посягательства выступали общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства, выделялись три группы преступлений по видовому объекту, а именно контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности и преступления против государственного управления.

В разделе II «Преступления против личности» было семь глав, регламентирующих ответственность за убийство (ст. 109–115), телесные повреждения (ст. 116–126), незаконный аборт (ст. 127–131), половые преступления (ст. 132–138), оставление в опасности (ст. 139–146), преступления против достоинства личности (ст. 147–148), недоносительство по преступлениям против личности (ст. 149). Как видим, здесь критерием выделения глав выступал не только объект преступления (половая свобода и неприкосновенность, достоинство личности), но и признаки объективной стороны (убийство, телесные повреждения, незаконный аборт, оставление в опасности).

Внимательное изучение проекта УК СССР показывает, что в отдельных случаях определения уголовно-правовых понятий (так называемые нормы-

дефиниции), выделялись в самостоятельные статьи. Так, в ст. 63, 82, 85 и 316 проекта УК СССР приводились определения отдельных видов преступлений. Например, в ст. 63 проекта УК СССР давалось понятие контрреволюционного преступления. В ней говорилось, что контрреволюционным является всякое действие, посягающее на социалистическое государство рабочих и крестьян и направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти советов депутатов трудящихся и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных и автономных республик правительств, или к подрыву, ослаблению внешней безопасности и основных политических, экономических и национальных завоеваний социалистической революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

Статья 82 проекта УК СССР содержала определение понятия хищения социалистической собственности: хищение социалистической собственности есть посягательство на основы советского строя, совершаемое путем краж, грабежей, присвоения и т.п. способами государственной, колхозной и кооперативной собственности. Социалистическая собственность священна и неприкосновенна, и лица, посягающие на нее, являются врагами народа.

В статье 85 раскрывалось понятие преступления против государственного управления: «Преступлением против государственного управления является всякое действие, которое совершено без контрреволюционного умысла, но тем не менее нарушает основы государственного управления Союза ССР и социалистического хозяйства».

В статье 316 проекта УК приводилось понятие воинского преступления: «Воинскими преступлениями являются преступления военнослужащих и военнообязанных, состоящих в рядах РККА и ВМФ, нарушающие установленный законом и уставами порядок несения военной службы, подрывающие воинскую дисциплину, боевую готовность, техническую мощь или хозяйственную обеспеченность РККА и ВМФ».

В некоторых статьях содержались определения понятий, которые использовались в нормах отдельных разделов и глав. Так, в ст. 209 раздела VI «Должностные (служебные) преступления» проекта УК давалось понятие должностного лица: «Должностным лицом является служащий по назначению или по выборам в государственном или общественном учреждении или предприятии. К должностным лицам приравниваются лица, не указанные в первой части настоящей статьи, но осуществляющие в силу выполнения порученных им обязанностей какие-либо хозяйственные, административные или общественные функции».

В статье 317 главы I «Общие постановления» раздела X «Воинские преступления» содержалось указание лиц, приравненных к военнослужащим: «По статьям 318, 319, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 332, 333, 334, 335 и 336 настоящей главы несут ответственность и работники военизированной охраны и других военизированных организаций».

Обращает на себя внимание ст. 300 проекта УК СССР, ограничивавшая пределы действия раздела IX «Преступления, составляющие пережитки родового быта». В ней закреплялось, что действие статей распространяется на те местности, где преступления, преследуемые в силу этих статей, являются среди проживающих там национальностей пережитками родового быта.

Помимо этого, в проекте выделялся и такой структурный элемент, как примечание, раскрывавшее отдельные уголовно-правовые понятия. Так, в примечании к ст. 70 проекта УК СССР говорилось, что «специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утвержденном Советом Народных Комиссаров Союза ССР и опубликованном во всеобщее сведение». Как видим, в этом примечании-определении нет точного разъяснения понятия специально охраняемой государственной тайны, а имеется ссылка на иной нормативно-правовой акт.

Были и поощрительные нормы, устанавливавшие специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Так, в ст. 218 проекта УК СССР во второй части содержалось основание освобождения от уголовной ответственности лица, давшего взятку, при наличии вымогательства со стороны должностного лица или немедленного после дачи взятки добровольного заявления лица о случившемся.

Довольно интересным представляется вопрос о соотношении норм и статей проекта УК СССР. Отдельные статьи состояли из одной нормы, содержащей основной состав. Так, ст. 162 включала уголовно-правовой запрет на воспрепятствование пользования родным языком в государственных учреждениях. В статье 176 была регламентирована ответственность за принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер. Статья 177 предусматривала ответственность за угрозу: «Угроза лишить кого-либо жизни или причинить какие-либо насильственные действия при наличии серьезных оснований опасаться приведения угрозы в исполнение». Статья 246 «Самоуправство» устанавливала ответственность за самовольное осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права. Статья 284 предусматривала ответственность за незаконный сбыт в виде промысла вин, водок и вообще спиртных напитков (шинкарство).

В некоторых случаях уголовно-правовая норма содержалась в нескольких статьях. Например, запрет на лишение жизни другого человека содержался в следующих статьях: ст. 109 «Умышленное убийство», ст. 110 «Квалифицированное умышленное убийство», ст. 111 «Убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения», ст. 112 «Убийство при превышении пределов необходимой обороны», ст. 113 «Неосторожное убийство».

Ответственность за тяжкое телесное повреждение предусматривалась в ст. 116 «Умышленное тяжкое телесное повреждение», ст. 117 «Квалифицированное умышленное тяжкое телесное повреждение», ст. 118 «Тяжкое телесное повреждение, совершенное в состоянии душевного волнения», ст. 119 «Тяжкое телесное повреждение, совершенное при превышении

пределов необходимой обороны», ст. 120 «Неосторожное тяжкое телесное повреждение».

Нормы, регламентировавшие ответственность за повреждение имущества, содержались в ст. 203 «Умышленное повреждение имущества, принадлежащего отдельным гражданам», ст. 204 «Умышленное повреждение государственного или общественного имущества», ст. 205 «Умышленное повреждение имущества общеопасным способом», ст. 206 «Преступно-небрежное обращение с тракторами и машинами», ст. 207 «Преступно-небрежное обращение со скотом», ст. 208 «Неосторожное повреждение государственного или общественного имущества общеопасным способом».

Встречались также случаи, когда в одной статье содержалось несколько норм. К примеру, ст. 86 «Массовые беспорядки» в ч. 1 устанавливала ответственность за организацию и руководство массовыми беспорядками, соединенными с явным неповиновением законным требованиям представителей органов власти или с противодействием исполнению возложенных на них обязанностей, или с понуждением их к исполнению явно незаконных действий, а в ч. 2 — за участие в массовых беспорядках.

Статья 240 «Подделка документов» в ч. 1 предусматривала ответственность за подделку удостоверений и иных выдаваемых государственными и общественными учреждениями документов, предоставляющих права или освобождающих от повинностей, а равно и сбыт поддельных документов. В части 3 устанавливалась ответственность за использование заведомо поддельных документов.

Статья 243 устанавливала ответственность за сообщение в подаваемых государственным учреждениям заявлениях заведомо ложных сведений (ч. 1) и за сообщение заведомо ложных сведений при производстве переписей (ч. 2). В статье 247 были закреплены уголовно-правовые запреты на незаконный срыв или повреждение печатей или иных знаков, наложенных по распоряжению властей на предметы, хранилища или иные помещения (ч. 1) и на уничтожение, порчу, снос или перемещение знаков, поставленных для топографических и геодезических целей, а равно произвольную постановку новых или в ненадлежащих местах (ч. 2).

Статья 285 содержала три различные нормы об ответственности за: изготовление, хранение, приобретение и сбыт сильнодействующих ядовитых веществ без специального на то разрешения, а также нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета и перевозки сильнодействующих ядовитых веществ (ч. 1); производство посевов опийного мака и индийской конопли без соответствующего разрешения (ч. 2); изготовление и хранение с целью сбыта, а равно и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения (ч. 3).

Статья 294 включала в себя две нормы: об ответственности за пересылку по почте и другими способами огнестрельного оружия (кроме охотничьего), взрывчатых и легко воспламеняющихся веществ и предметов, как-то: пороха, патронов и т.п. (ч. 1) и об ответственности за пересылку по почте едких кислот и других едких веществ (ч. 2).

Анализ приемов законодательной техники по способу изложения элементов юридической нормы в тексте Особенной части проекта УК СССР свидетельствует об использовании прямого, бланкетного и ссылочного технико-юридических приемов. Так, в проекте были простые диспозиции: ч. 1 ст. 148 «Оскорбление, нанесенное кому-либо словесно или письмен-но», ч. 1 ст. 174 «Лишение кого-либо свободы, совершенное частным лицом», ч. 1 ст. 199 «Скупка трудодней у колхозников». Встречались и описательные диспозиции: ст. 193 «Вымогательство, т.е. принуждение потерпевшего к передаче имущества или прав на имущество или предоставлению имущественных выгод путем угрозы совершить насилие над личностью или повредить или истребить имущество»; ст. 194 «Шантаж»: «Принуждение потерпевшего к передаче имущества или прав на имущество или к предоставлению имущественных выгод путем угрозы разоблачения каких-нибудь фактов или вымышленных событий, которые позорят или могут опозорить потерпевшего»; ч. 1 ст. 223 «Бесхозяйственность, т.е. небрежное ведение хозяйства руководителем государственного или общественного учреждения или предприятия или его уполномоченным или небрежное хранение имущества предприятия, если в результате бесхозяйственности последовал существенный ущерб предприятию или учреждению»; ч. 1 ст. 239 «Хулиганство, т.е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, повлекшие за собой существенное нарушение общественного порядка или правил социалистического общежития»; ч. 1 ст. 303 «Обручение лиц, не достигших брачного возраста, т.е. заключение их родителями, родственниками, опекунами или иными лицами соглашения о вступлении в будущем этих лиц в брак между собой».

Имелись в наличии ссылочные диспозиции: ч. 1 ст. 105 «Заявка за границей без надлежащего разрешения изобретений, сделанных гражданами Союза ССР, если эти действия не подходят под признаки ст. 71 настоящего Кодекса»; ч. 1 ст. 124 «Истязание, т.е. продолжительные или систематические побои, не повлекшие за собой телесных повреждений». Здесь содержится косвенная ссылка на признаки, предусмотренные ст. 116–122; ст. 341 «Разглашение военных сведений, не подлежащих оглашению, но не являющихся специально охраняемой государственной тайной при отсутствии признаков ст.ст. 64 ч. 2 и 90 настоящего Кодекса».

Бланкетные диспозиции содержались в следующих нормах: ч. 1 ст. 153 «Нарушение законов и постановлений о труде и в частности в области регулирования охраны труда», ч. 1 ст. 257 «Злостный неплатеж в установленный срок налогов и обязательных сборов», ч. 1 ст. 261 «Нарушение правил, установленных для учета военнослужащих и военнообязанных и запаса Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, совершенное в первый раз». Примечательно, что практически все нормы раздела VIII имеют бланкетные диспозиции.

Представляется, что наличие ссылочных и бланкетных диспозиций было обусловлено стремлением законодателя избежать ненужной детализации, экономно расходовать языковые средства, обеспечивать констан-

ность уголовного закона в условиях динамики социальных отношений. В то же время нельзя не увидеть, что большое количество норм с бланкетными диспозициями затрудняло восприятие текста уголовного закона, что не могло не сказаться на эффективности его правоприменения.

Квалифицированные составы преступлений содержались в других частях одной статьи (которые отделялись абзачным отступом и не нумеровались) или выделялись в самостоятельные статьи. В качестве примеров первого из названных видов квалифицированных составов можно привести следующие. Так, в ч. 1 ст. 115 устанавливалась ответственность за склонение или сознательное содействие самоубийству, если самоубийство или покушение на него последовало. В части 2 в качестве квалифицирующего признака предусматривалось склонение или сознательное содействие самоубийству душевнобольных или несовершеннолетних.

Часть 1 ст. 147 содержала основной состав клеветы: «Распространение заведомо ложных и позорящих сведений о другом лице», а ч. 2 – квалифицированный: «Клевета в печатном или иным образом размноженном произведении». Статья 254 в основном составе предусматривала ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу (ч. 1). В части 2 ст. 254 устанавливалась ответственность за те же действия, совершенные посредством насилия над стражей, а в ч. 3 – за те же действия, соединенные с убийством или тяжким телесным повреждением.

В самостоятельных статьях квалифицированные составы были сконструированы в ст. 87 «Квалифицированные массовые беспорядки», ст. 110 «Квалифицированное умышленное убийство», ст. 117 «Квалифицированное умышленное тяжкое телесное повреждение», ст. 184 «Квалифицированная кража личного имущества граждан». Названные квалифицированные составы содержали квалифицирующие признаки к тем основным, которые закреплялись соответственно в ст. 86 «Массовые беспорядки», ст. 109 «Умышленное убийство», ст. 116 «Умышленное тяжкое телесное повреждение» и ст. 183 «Кража личного имущества граждан» проекта УК СССР.

Интересно, что в ст. 98 рассматриваемого проекта предусматривалась ответственность за квалифицированную контрабанду, под которой понималось перемещение каких-либо товаров, ценностей и иных предметов через границу Союза ССР с сокрытием от таможенного контроля, совершенное при обстоятельствах, указанных в Таможенном кодексе Союза ССР (контрабанда с помощью специально для этой цели предназначенных перевозочных средств, вооруженная контрабанда, контрабанда взрывчатых веществ, военного снаряжения и др.). Как видим, диспозиция нормы была сформулирована по типу бланкетной и отсылала к ст. 166 Таможенного кодекса Союза ССР, где приводилось определение понятия квалифицированной контрабанды [7]. Статья эта располагалась в главе III «Преступления против государственного управления» раздела I «Преступления государственные» проекта УК СССР. Уголовная же ответственность за про-

стую контрабанду устанавливалась в ст. 228 раздела VII «Хозяйственные преступления» проекта УК СССР, которая содержала основной и квалифицированный составы – простая контрабанда, предусмотренная Таможенным кодексом Союза ССР (ч. 1), и те же действия, совершенные повторно (ч. 2) соответственно. Диспозиция нормы была сформулирована так же по типу бланкетной и отсылала к ст. 164 Таможенного кодекса Союза ССР, где приводилось определение понятия контрабанды [7].

Легко усмотреть, что местоположение рассматриваемых статей свидетельствует о разных объектах этих посягательств. В первом случае – это общественные отношения, обеспечивающие основы государственного управления (видовой объект), и общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и внешней безопасности социалистического государства, основных политических, экономических и национальных завоеваний социалистической революции (родовой объект). Во втором случае – это общественные отношения, обеспечивающие правильное функционирование социалистического народного хозяйства [8] (видовой и родовой объекты совпадают).

Примечательно, что и санкция в ст. 228 проекта УК СССР была бланкетной. В части 1 говорилось, что простая контрабанда каралась штрафом в размерах, указанных Таможенным кодексом, и конфискацией контрабандных товаров.

Согласно ст. 168 Таможенного кодекса Союза ССР собственник предмета контрабанды или лицо, во владении которого был обнаружен такой предмет, подвергалось штрафу в размере стоимости этого предмета, определяемой таможеней. Штраф налагался в половинном размере, если лицо, во владении которого был обнаружен предмет контрабанды, указало настоящего или первоначального собственника этого предмета [7]. В соответствии со ст. 175 названного Кодекса, контрабанда, совершенная во второй раз в течение трех лет, влекла за собой помимо конфискации предметов контрабанды и перевозочных средств и наложения штрафов административную высылку [Там же].

Посмотрим, какими способами закреплялись в рассматриваемом проекте квалифицирующие признаки составов. В рамках одной части статьи квалифицирующие признаки обозначались в виде единичного обозначения, альтернативного поименования или в виде перечня, обозначенного строчными буквами русского алфавита. Например, в ст. 132 в ч. 1 предусматривалась ответственность за изнасилование (половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного положения потерпевшего, в частности, путем обмана), а в ч. 2 содержится единственный квалифицирующий признак «совершенное группой лиц». Статья 178 в ч. 1 устанавливала ответственность за нарушение неприкосновенности жилища при отсутствии признаков более тяжкого преступления, а в ч. 2 был закреплен один квалифицирующий признак «с применением насилия». Статья 202 предусматривала ответственность за покупку, принятие в заклад, на хранение, продажу имущества, заведомо

добытого кражей, грабежом или другими преступными путями, а в ч. 2 был предусмотрен признак «совершенные в виде промысла».

Альтернативно назывались признаки в квалифицированном составе умышленного повреждения имущества общественно опасным способом – «повлекшие за собой человеческие жертвы или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 205), в составе взяточничества – «вымогательство взятки или неоднократное ее получение или получение взятки особо ответственным должностным лицом» (ч. 2 ст. 217), в составе хулиганства – «сопряженные с буйством или бесчинством, или совершенные повторно, или упорно не прекращавшиеся, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличавшиеся особым цинизмом» (ч. 2 ст. 239).

Квалифицирующие признаки в виде перечня, обозначенного строчными буквами русского алфавита, закреплялись, например, в ст. 110 «Квалифицированное умышленное убийство»: а) из корысти, ревности, мести, из хулиганских и других низменных побуждений; б) с целью сокрытия другого преступления; в) способом, особо мучительным для потерпевшего; г) способом, опасным для жизни многих людей; д) с использованием беспомощного положения потерпевшего или е) лицом, на котором лежала особая забота о потерпевшем; ж) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Такой же способ изложения признаков использовался законодателем в ст. 184 «Квалифицированная кража личного имущества граждан»: а) в отношении имущества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего; б) у лица, находившегося в бессознательном состоянии; в) с применением инструментов или иных технических приспособлений; г) на вокзалах, пристанях, паромных переездах, рынках, в вагонах, гостиницах и общежитиях; д) во время пожара, наводнения, крушения поезда или иного общественного бедствия; е) ночью из обитаемого помещения; ж) по сговору нескольких лиц; з) лицом, повторно или неоднократно совершившим кражу или иное корыстное преступление.

Аналогичным образом был сконструирован и перечень квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 186: «...грабеж, совершенный: а) в отношении имущества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего; б) у малолетних; в) с насилием, неопасным для здоровья или причинившем легкое телесное повреждение; г) во время пожара, наводнения, крушения поезда или иного общественного бедствия; д) по сговору нескольких лиц или группой; е) лицом, повторно или неоднократно совершившим грабеж или иное корыстное преступление».

Завершая анализ Особенной части проекта УК СССР 1939 г., хотелось бы сказать следующее. Проект отличался взаимосвязью уголовно-правовых норм, образующих Общую и Особенную части. В тексте Особенной части проекта УК СССР использовались разнообразные приемы изложения уголовно-правовых предписаний – прямой, бланкетный и ссылочный технико-юридические приемы. В проекте также нашли отражение юридико-

технические способы конструирования разнообразных примечаний. Абстрактный технико-юридический прием преобладал при изложении уголовно-правовых запретов. При этом авторы проекта стремились достичь достаточной степени обобщения и конкретизации в описании признаков составов преступлений. Как известно, проект УК СССР не был воплощен в жизнь, но его положения были использованы в дальнейшей законопроектной работе.

Литература

1. Козинцев А.Я. Законопроектная деятельность органов юстиции СССР в 30-е годы XX века // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Серия: юриспруденция : сб. науч. тр. Одесса : Фенікс, 2012. Вып. № 3. С. 4–10. URL: <http://www.pravoznavesc.com.ua/period/article> – Электронная библиотека юридической литературы Правознавец (дата обращения: 29.10.2017).
2. Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 130–136.
3. Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 85–107.
4. Проект Уголовного кодекса СССР. Разработан Всесоюзным институтом юридических наук СССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 150 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie21077.html> (дата обращения: 29.10.2017).
5. Маньковский Б.С. Принципы системы уголовного права // Советское государство. М., 1938. № 6. С. 34–68. URL: <https://naukaprava.ru/catalog> (дата обращения: 29.10.2017).
6. Голяков И.Т. Основные проблемы науки советского социалистического права: Доклад, сделанный 27 января 1939 г. на Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук // Проблемы социалистического права. 1939. № 3. С. 114–134.
7. Таможенный кодекс Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР 19.12.1928). URL: <https://www.lawmix.ru/sssr/15913> (дата обращения: 29.10.2017).
8. Большая Советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123591> (дата обращения: 29.10.2017).

Sorokina Anastasia V., Novosibirsk national research State University (Novosibirsk, Russian Federation)

THE DRAFT CRIMINAL CODE OF THE USSR IN 1939: GENERAL CHARACTERISTICS SPECIAL PARTS

Keywords: draft Criminal code, systematization of criminal law, Special part, the history of formation, structure of the Special part, the object of encroachment.

DOI: 10.17223/22253513/27/10

The article presents a historical and legal analysis of the draft criminal code of the USSR in 1939 (hereinafter – the draft of the USSR criminal code). This project was developed by the USSR people's Commissar by 1939, was widely discussed in the legal press, and it was devoted to the First scientific session of the all-Union Institute of legal Sciences. The project of the criminal code of the USSR is of diverse scientific and practical interest in terms of improving the activities of judicial bodies for the systematization and codification of legislation, the development of criminal policy of the USSR at the time, the definition of the theoretical foundations of the General and special parts of Russian criminal law. The draft criminal code of the USSR, structurally consisted of General and Special part. The system of the special part of the project of the USSR criminal code reflected the priorities of criminal law protection, typical for the ideology of socialism, since the order of the sections in the project reflected the

hierarchy of values, which was established by the Constitution of the USSR in 1936. The triad of the main values protected by law was as follows: state – personality – society. The author came to the conclusion that within the chapters the logic in their construction, in representation of criminal and legal regulations, according to direct object of encroachment to species which is declared in the name of the Chapter was not always observed. The criterion of systematization of the Special part was not only the object of criminal law protection, but also the features of the objective side of the crime. The study of the draft criminal code of the USSR showed that in some cases the definitions of criminal law concepts (the so-called norms-definitions) were allocated in separate articles. Some articles contained definitions of the concepts used in the rules of individual sections and chapters. The draft also highlighted such a structural element as a note revealing certain criminal law concepts. The project was the incentive of the provision that established the special grounds of exemption from criminal responsibility. The analysis of techniques of legislative technique on the method of presentation of elements of the legal norm in the text of the Special part of the project of the criminal code of the USSR testifies to the use of direct, blank and reference techniques. The article notes that the qualified offences were contained in other parts of one article (which were separated by a paragraph indent and were not numbered) or in separate articles. Fixing of qualifying features of compositions within one part of article was carried out in the form of the single designation, alternative naming or in the form of the list designated by lowercase letters of the Russian alphabet. The draft criminal code of the USSR was not implemented, but its provisions were used in further legislative work.

References

1. Kodintsev, A.Ya. (2012) *Zakonoproektnaya deyatel'nost' organov yustitsii SSSR v 30-e gody XX veka* [Legislative Activity of the USSR Justice Authorities in the 1930s]. *Naukoviy visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya: yurisprudentsiya*. 3. pp. 4–10. [Online] Available from: <http://www.pravoznavec.com.ua/period/article>. (Accessed: 29th October 2017).
2. The All-Union Institute of Legal Sciences. (1939) *Pervaya nauchnaya sessiya Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk* [The first scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences]. *Problemy sotsialisticheskogo prava*. 2. pp. 130–136.
3. Krylenko, N.V. (1935) *Proekt Ugolovnogo kodeksa Soyuzs SSR* [The draft of the Criminal Code of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo*. 1–2. pp. 85–107.
4. The Soviet Union. (1939) *Proekt Ugolovnogo kodeksa SSSR. Razrabotan Vsesoyuznym institutom yuridicheskikh nauk SSSR* [Draft of the Criminal Code of the USSR developed by the All-Union Institute of Law Sciences of the USSR]. Moscow: USSR Ministry of Justice. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie21077.html> (data obrashcheniya: 29.10.2017).
5. Mankovskiy, B.S. (1938) *Printsipy sistemy ugolovnogo prava* [Principles of the criminal law system]. *Sovetskoe gosudarstvo*. 6. pp. 34–68. [Online] Available from: <https://naukaprava.ru/catalog>. (Accessed: 29th October 2017).
6. Golyakov, I.T. (1939) *Osnovnye problemy nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad, sdelayanny 27 yanvarya 1939 g. na Pervoy nauchnoy sessii Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk* [The main problems of the science of Soviet socialist law: A report, made on January 27, 1939 at the First Scientific Session of the All-Union Institute of Legal Sciences]. *Problemy sotsialisticheskogo prava*. 3. pp. 114–134.
7. The Soviet Union. (1928) *Tamozhennyy kodeks Soyuzs SSR (utv. Postanovleniem TsIK SSSR, SNK SSSR 19.12.1928)* [The Customs Code of the USSR (approved by the Decree of the Central Executive Committee of the USSR, SNK of the USSR on December 19, 1928)]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/sssr/15913>. (Accessed: 29th October 2017).
8. The Great Soviet Encyclopedia. (n.d.) *Prestupleniya khozyaystvennyye* [Economic Crimes]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123591>. (Accessed: 29th October 2017).

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 349.6

DOI: 10.17223/22253513/27/11

А.П. Анисимов

ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ, ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье исследуются категория «бедствие» в международном праве, а также опыт других республик бывшего СССР, предложивших более сложную, чем в России, систему территорий экологического неблагополучия. Анализируется практика придания отдельным участкам территории России статуса экологически неблагополучных, высказывается ряд предложений.

Ключевые слова: экологически неблагополучные территории, чрезвычайная ситуация, зона экологического бедствия, критерии, права человека, авария.

В современном мире, наполненном промышленными, техническими, военными и иными объектами, давно стали неизбежными аварии и катастрофы, причиняющие огромный вред природе и здоровью человека. К этому добавляются глобальные изменения климата, влекущие появление небывалых засух, наводнений и других природных катастроф. Наложившись друг на друга и дав тем самым кумулятивный эффект, указанные проблемы в два последних десятилетия заставили мировое сообщество обратить на себя самое пристальное внимание, что проявилось в принятии десятков международных актов, направленных на профилактику или преодоление последствий природных и техногенных аварий и катастроф. Между тем данная проблема имеет еще один аспект, мало обсуждаемый в зарубежной правовой науке.

Речь идет о неблагополучных экологических ситуациях, вызванных не природной или техногенной катастрофой, а многолетним нарушением экологических требований и нормативов, сделавших территорию отдельного населенного пункта (или более обширной территории) непригодной для проживания людей. В результате преодоление такой ситуации не может произойти путем принятия быстрых мер, в связи с чем срок преодоления таких последствий должен быть сопоставим с периодом разрушения экологических систем, а набор методов должен включать не только императивные, но и экономические методы. Поскольку гарантировать экологические права человека невозможно силами одного, даже самого развитого государства, возникает вопрос о параметрах и видах международного со-

трудничества в области преодоления негативных последствий деградации экологических систем.

Следует заметить, что юридическая категория «бедствие» является широко распространенной в международном публичном праве, что особенно очевидно при анализе документов, принятых Организацией Объединенных Наций (ООН). Особый интерес вызывают следующие два принципиальных аспекта.

Во-первых, категория «бедствие» упоминается ООН как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле в состав данной категории включается борьба не только с прямыми последствиями природных и техногенных катастроф, но и снижение рисков для здоровья, борьба с бедностью и т.д. [1]. В узком же смысле во многих документах ООН под «бедствием» понимается только стихийное бедствие, авария или техногенная катастрофа [2]. Во-вторых, категория «бедствие» может рассматриваться не только глобально, но и локально, т.е. в контексте проблем наиболее уязвимых категорий населения, например пожилых людей [3], женщин [4] и т.д.

В рамках узкого подхода Международная стратегия снижения стихийных бедствий Организации Объединенных Наций понимает под «бедствием» серьезное нарушение функций сообщества или общества, ведущее к широкомасштабным человеческим, материальным, экономическим и экологическим потерям, которые превосходят способность пострадавшего сообщества или общества справиться с ними, полагаясь на собственные ресурсы. Иными словами, природная угроза (потенциальное бедствие) может привести к разным результатам – в этом и состоит разница между угрозой и бедствием [5].

В свою очередь, широкий подход означает, что снижение риска стихийных бедствий должно соотноситься с инициативами в сфере развития и снижения бедности, поскольку отсутствие развития и бедность часто являются причиной и следствием стихийного бедствия. Например, неудачные попытки освоения лесов и пастбищ с целью разведения сельскохозяйственных культур могут привести к опустыниванию, оползням, пыльным бурям, засухе, что, в свою очередь, ведет к еще большей бедности и уязвимости. Но в опустынивании и его последствиях также повинны люди, которые уничтожают растительность быстрее, чем она успевает вырастать, и все это потому, что они бедны и не могут позволить себе покупать органическое топливо [6].

Из этого небольшого обзора следует, что ООН не связывает глобальные негативные экологические последствия для определенной местности с неудачной экономической политикой конкретной страны, нежелания органов власти осуществлять эффективный контроль, а бизнеса – производить инвестиции в природоохранное оборудование и иную экологически значимую деятельность, причем такую ситуацию нельзя назвать «стихийным бедствием».

Аналогичным образом европейское, японское и американское законодательство не содержит понятия «зона экологического бедствия», однако

устанавливает правовой режим отдельных экологически неблагополучных территорий, выделяя среди них, в первую очередь, территории с неблагоприятным качеством атмосферного воздуха. Кроме того, например, в США выделяются «критические районы» или «территории критического значения», где устанавливается специальный режим природопользования [7].

На формирование в СССР научной доктрины, посвященной правовому статусу зон экологического неблагополучия, сильно повлияла авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г., когда советские люди столкнулись со страшными экологическими последствиями этой глобальной экологической катастрофы.

Именно тогда в науке советского экологического права стала обсуждаться мысль о том, что определенным территориям, сильно пострадавшим от негативных последствий загрязнения окружающей среды, следует придавать особый правовой статус, запрещая (или ограничивая) на них все виды хозяйственного использования. Данная позиция получила свое отражение в первом комплексном экологическом российском законе – Законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. Данный закон впервые на постсоветском пространстве закрепил два вида экологически неблагополучных территорий: зоны чрезвычайной экологической ситуации и зоны экологического бедствия. Данная классификация была воспринята и в других законах, например, ст. 67 Водного кодекса РФ. Закон указал и примерные параметры экологического неблагополучия обеих территорий.

Так, если на определенном участке территории России в результате хозяйственной и иной деятельности произошли устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, то такие территории могли быть объявлены по решению специально уполномоченных государственных органов *зонами чрезвычайной экологической ситуации* (при наличии заключения государственной экологической экспертизы). В таких зонах предполагалось прекращение деятельности, отрицательно влияющей на окружающую среду, приостановление работы предприятий, цехов, агрегатов, оборудования, оказывающих неблагоприятное влияние на здоровье человека, его генетический фонд и окружающую среду в целом, ограничение отдельных видов природопользования, проведение мер по восстановлению и воспроизводству природных ресурсов.

Соответственно, *зонами экологического бедствия* должны были объявляться участки территории России, где в результате хозяйственной и иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей природной среды, повлекшие существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны. В таких зонах предполагалось прекращение деятельности хозяйственных объектов, кроме связанных с обслуживанием проживающего на территории зоны населения, запрет на

строительство или реконструкцию новых хозяйственных объектов, существенное ограничение всех видов природопользования, принятие мер по восстановлению и воспроизводству природных ресурсов и оздоровлению окружающей среды.

Таким образом, данные зоны были очень похожи друг на друга, однако на практике обе эти эколого-правовые конструкции одинаково не применялись по финансовым причинам (в бюджете России не было необходимых денежных средств), а также ввиду отсутствия четкого порядка их образования.

Вскоре принимается Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г., который начинает регулировать смежную сферу общественных отношений, устанавливая организационно-правовые требования в сфере защиты прав граждан, земельного, водного, воздушного пространства в пределах Российской Федерации и ее части, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Этот закон содержал ряд важных дефиниций, в частности термин «чрезвычайная ситуация», под которой понималась обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Постановлением Правительства РФ в 2007 г. было утверждено Положение о классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [8], согласно которому чрезвычайные ситуации различались в зависимости от количества пострадавших людей, у которых были нарушены условия жизнедеятельности, от размера материального ущерба, а также границ зон распространения поражающих факторов чрезвычайных ситуаций. Чрезвычайные ситуации были подразделены на локальные, муниципальные, межмуниципальные, региональные, межрегиональные, федеральные. После принятия указанных нормативных актов в правовой науке России и других стран постсоветского пространства появляется новая тема для дискуссий, связанная с разграничением сферы действия двух отраслей законодательства и формулируемых ими правовых процедур – чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и зон экологического бедствия [9].

Указанный российский опыт оказал сильное влияние на законотворчество других стран постсоветского пространства. Так, Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [10] указал, что в Беларуси в числе экологически неблагоприятных территорий выделяются зоны экологического бедствия, зоны экологического риска и зоны экологического кризиса. В Экологическом кодексе Республики Казахстан представлены наиболее подробная среди всех стран постсоветского пространства проце-

дура создания экологически неблагополучных территорий, система запретов и ограничений, оценка состояния экологически неблагополучных территорий и т.д. [11]. Указанные территории в Казахстане могут быть тех же двух видов, что и в России. Зона чрезвычайной экологической ситуации является своего рода переходным этапом к зоне экологического бедствия. Степень опасности последней является более высокой, поскольку здесь причиняется не просто вред, а существенный вред здоровью населения, экосистемы разрушены, животный и растительный мир находится на грани полного уничтожения [12]. В результате действия указанных норм, Аральский и Семипалатинский регионы Казахстана официально объявлены зонами экологического бедствия, поскольку там произошли разрушение естественных экологических систем, деградация флоры и фауны вследствие неблагополучной экологической обстановки.

Такие же две разновидности экологически неблагополучных территорий (зоны чрезвычайной экологической ситуации, зоны экологического бедствия) предусмотрены в Республике Кыргызстан, однако, в отличие от всех других республик бывшего СССР, в этой стране предлагаются специальные критерии для классификации степени экологического неблагополучия территории.

В частности, экологическая обстановка (ее критерии определяет правительство) может быть относительно удовлетворительная, напряженная, критическая, кризисная (и тогда это уже зона чрезвычайной экологической ситуации) и катастрофическая (и тогда это зона экологического бедствия) [13]. Три типа экологически неблагополучных территорий упоминаются и в экологическом законодательстве Республики Узбекистан (зоны чрезвычайной экологической ситуации, зоны экологического бедствия и «экологически потенциально опасные ситуации» (т.е. когда угроза еще не реализована)) [14].

Из этого небольшого обзора следует, что во всех республиках бывшего СССР органы государственной власти использовали еще советские доктринальные научные разработки и создали правовую базу для функционирования экологически неблагополучных территорий. В одних странах данная система уже успешно функционирует, в других (например, в России) еще нет. При этом примечательны попытки ряда стран выйти за рамки двух видов экологически неблагополучных территорий и предложить их дополнительные виды (Беларусь) или критерии экологического неблагополучия.

Итак, в отличие от ряда бывших республик СССР, в России до сих пор ни одной территории не был придан статус зоны экологического бедствия, а практика охраны таких неблагополучных территорий сейчас следующая:

1. Был принят ряд нормативных актов по преодолению последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Кроме выплаты компенсаций пострадавшим жителям и ликвидаторам аварии, был утвержден перечень населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения, обладающих разным правовым статусом, например зоны отчуждения

(часть Брянской области); зоны отселения (другая часть Брянской области); зоны проживания с правом на отселение (Брянская, Калужская, Орловская и Тульская области); зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом (Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская области и ряд других).

2. Кроме зоны Чернобыля, на территории России были выделены другие, не менее опасные зоны радиоактивного загрязнения, например г. Чапаевск, для оздоровления обстановки в котором несколько лет действовала специальная целевая программа «Социально-экологическая реабилитация территории и охрана здоровья населения города Чапаевска Самарской области», Восточно-Уральский радиоактивный след – зона Кыштымской аварии в Челябинской области; зоны загрязнения, образовавшиеся в результате испытаний атомного оружия на Семипалатинском, Новоземельском, Тоцком полигонах и проведения подземных взрывов в мирных целях. На этих территориях в индивидуальном порядке вводился режим ограничений хозяйственной деятельности, проживания граждан с выплатой им компенсаций [15].

Однако наиболее «классической» для России является экологическая ситуация в г. Карабаш (Челябинская область), где непрерывно действующее и постоянно расширявшееся на протяжении без малого двух веков горно-металлургическое производство, изначально не ориентированное на сохранение, защиту и восстановление природы, к концу XX в. привело к экологическому бедствию [16]. По оценкам исследователей, воздействие Карабашского медеплавильного комбината распространяется на все природные объекты; его выбросы, сбросы, твердые отходы сформировали ту техногенную среду, которая заместила собой исходные экосистемы. В соответствии с Критериями оценки экологической обстановки территории для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия [17], территория г. Карабаш была признана зоной экологического бедствия.

Однако создать ее не удалось из-за отсутствия специального закона. В городе и его окрестностях зафиксированы гибель и прекращение естественного возобновления всех видов растительности; почвы, по мере лишения дерновой защиты, подверглись все более интенсивной эрозии. Анализ оценки состояния здоровья населения г. Карабаш показал, что наиболее значимые негативные отклонения показателей здоровья касаются детей. Так, до 69% детей здесь относятся к наихудшим группам здоровья – 3-й и 4-й. Высока и доля детей, у которых зафиксировано повышенное содержание тяжелых металлов (свинец, кадмий) [18]. Однако когда прокуратура, ссылаясь на нарушения заводом экологического законодательства, обратилась с суд с требованием приостановить его экологически вредную деятельность, на защиту завода встали представители муниципалитета, просившие отказать в иске ввиду того, что завод является градообразующим предприятием, а его закрытие вызовет массовую безработицу. Кроме

того, они просили учесть, что предприятие взаимодействует с администрацией, предоставляет путевки в санаторий, приобретает для городской больницы медикаменты, занимается строительством домов на территории города, решает вопросы переселения граждан из санитарно-защитной зоны. Учитывая, что завод начал модернизацию очистных сооружений и иного оборудования, суд отказал прокурору в иске [19].

3. Констатируя пробел на федеральном уровне (отсутствие специального федерального закона), субъекты РФ и даже муниципалитеты предприняли ряд попыток создания зон экологического бедствия в порядке «опережающего нормотворчества». Например, в Комплексной программе социально-экономического развития Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района на 2008–2017 гг. на основании комплексного обследования воздушной среды зоны воздействия Норильского промышленного района площадь в 10,8 тыс. кв. км были определены как «зона экологического бедствия», а еще 16 тыс. кв. км – как «зона, неблагоприятная для проживания человека» [20].

В подпункте «б» п. 2 ст. 31 Устава (Основного закона) Самарской области была включена норма о том, что в ведении Самарской области находятся вопросы о введении особого режима областных зон чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия. Это предлагали сделать и представители правовой науки [21]. Данная норма была оспорена в заявлении прокурора. Самарский областной суд признал ее противоречащей федеральному законодательству и недействующей, а Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 07.07.2003 г. по делу № 46-Г03-10 оставила это решение в силе. Суд указал, что согласно ст. 5 и 6 Федерального закона «Об охране окружающей среды» к полномочиям федеральных органов власти в сфере экологии отнесены вопросы объявления и установления правового статуса и режима зон экологического бедствия на территории РФ, а к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды – лишь осуществление природоохранных и иных мер по улучшению состояния окружающей среды в зонах экологического бедствия на территориях субъектов Российской Федерации. Таким образом, Верховный Суд РФ посчитал включение в Устав данной нормы превышением полномочий субъекта Российской Федерации, противоречащим федеральному законодательству [22].

С точки зрения целей и задач настоящей статьи, проведенный небольшой обзор законодательства и судебной практики позволяет сформулировать три важных концептуальных вывода. Во-первых, правовой режим зон экологического неблагоприятия в России (в отличие от ряда республик бывшего СССР) страдает крайней неопределенностью, в связи с чем (а также ввиду экономии финансовых средств на охрану природы) в России так и не было создано ни одной зоны экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации. Из этого следует, что нормы других законов, чье действие распространяется на зоны экологического бедствия,

также не вступили в силу. Так, ст. 250 Уголовного кодекса РФ рассматривает совершение такого преступления, как загрязнение вод в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, как квалифицирующий признак, что влечет более строгую ответственность. Однако таких зон нет, и потому п. 2 данной статьи невозможно применить, и это не единственный пример.

Во-вторых, в условиях указанной пробельности ряду территорий России все же присвоен статус, чем-то напоминающий статус зоны экологического бедствия, и даже проведено зонирование экологически неблагоприятных территорий (зоны отселения, отчуждения и т.д. возле Чернобыльской АЭС).

В-третьих, учитывая крайне неблагоприятную экологическую обстановку в РФ, ряд органов власти субъектов РФ и муниципалитетов пытались ввести в действие декларативную отсылочную норму ст. 57 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г., но успеха не имели.

Между тем существующий приоритет экономических интересов государства над экологическими влечет крайне тяжелые последствия для жизни и здоровья граждан, создавая угрозы национальной безопасности, что требует дальнейшего обсуждения и решения. Весьма важным представляется и изменение позиции международного сообщества, что потребует пересмотра существующих представлений о категории «бедствие» в международном праве, с включением туда катастрофических экологических ситуаций, не связанных с какими-то конкретными авариями и катастрофами. Кроме того, при реформировании российского экологического законодательства представляет интерес опыт других стран СНГ, предусматривающих в своих экологических законах не одну, как в России, разновидность территорий экологического неблагоприятия (зона экологического бедствия), а несколько, что позволяет придавать особый эколого-правовой статус и принимать комплекс восстановительных мер к проблемным территориям, где еще не случилась полноценная экологическая катастрофа. Более того, необходимо разграничивать категории «чрезвычайная ситуация» и «зона экологического бедствия», поскольку далеко не каждая чрезвычайная ситуация способна повлечь долговременный экологический кризис на значительной территории, требующий принятия сложного комплекса восстановительных мер, введения ограничений и запретов хозяйственной деятельности, и выплаты гражданам компенсаций.

Литература

1. *Протоколы*. III Всемирная конференция ООН по снижению риска бедствий. 14–18 марта 2015 г. / Сендай, Япония. URL: http://www.unisdr.org/files/45069_proceedingsthirdunwcdtrru.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

2. *Осуществление* Хиогской рамочной программы действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предметное исследование: национальная система борьбы с

бедствиями в Китае и ее ответ на землетрясение в Вэньчуане. URL: http://www.unescap.org/idd/events/cddr-2009/CDR_2R.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

3. *Послание* Генерального секретаря ООН по случаю международного дня по уменьшению опасности бедствий от 13 октября 2014 года. URL: http://www.unisdr.org/2014/iddr/documents/IDDR14.SGMessage_Russian.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

4. *Снижение риска бедствий с учетом гендерного аспекта. Стратегия и практическое руководство*. Женева : МСУОБ ООН, ПРООН и МСОП, 2009. 177 с.

5. *Руководство по снижению риска стихийных бедствий на уровне сообщества в Центральной Азии*, 2006. URL: http://www.unisdr.org/files/2299_ACommunityGuiderus1.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

6. *20 историй успеха* снижения риска стихийных бедствий из опыта Центральной Азии. URL: http://www.unisdr.org/files/2300_20GoodExamplesofGoodPracticercuss1.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

7. *Каспирова Ю.А.* Экологически неблагоприятные территории: особенности правового режима : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

8. *Постановление* Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 17 мая 2011 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 24.01.2018).

9. *Болтанова Е.С.* Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // *Экологическое право*. 2017. № 1. С. 33–39.

10. *Закон* Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (ред. от 17.07.2017). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30450550#pos=0;200 (дата обращения: 25.01.2018).

11. *Экологический кодекс* Республики Казахстан от 9 января 2007 г. № 212-III ЗРК (ред. от 15.06.2017). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593 (дата обращения: 25.01.2018).

12. *Бекшиева С.Д.* Правовое регулирование экологически неблагоприятных территорий по Экологическому кодексу Республики Казахстан // *Права человека и проблемы безопасности общества и личности в современной России : материалы II Межрегион. науч.-практ. конф., Волгоград, 4–5 декабря 2008 г.* Волгоград, 2009. С. 160–165.

13. *Закон* Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» (ред. от 25.07.2016). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=293 (дата обращения: 25.01.2018).

14. *Закон* Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 г. № 754-XII «Об охране природы» (ред. от 14.09.2017). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=838 (дата обращения: 25.01.2018).

15. *Саввич Н.Е., Трунцевский Ю.В.* Экологическое право : учеб. пособие. М. : ЮрИнфоР, 2001.

16. *Рыженков А.А.* Правовой режим зон экологического бедствия // *Современное право*. 2014. № 7.

17. *Методика «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия»* (утв. Минприроды РФ 30.11.1992) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 25.01.2018).

18. *Дзугаев М.Д.* Карабаш – город «экологического бедствия» // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия Право*. 2003. Т. 9, № 2. С. 92–96.

19. Решение Карабашского городского суда по делу № 2-5/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-karabashskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s-act-100886631/> (дата обращения: 26.01.2018).

20. Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае за 2009 год. Красноярск, 2010.

21. *Попугаева М.В.* Правовое обеспечение вывода территории Самарской области из состояния экологического бедствия (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

22. *Определение* Верховного Суда РФ от 07.07.2003 г. по делу № 46-Г03-10 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 23.01.2018).

Anisimov Alexey P., Volgograd Institute of Management (Volgograd, Russian Federation)

ECOLOGICALLY NEGLECTED TERRITORIES IN INTERNATIONAL, FOREIGN AND RUSSIAN LAW: COMPARATIVE AND LEGAL ASPECT

Keywords: ecologically neglected territories, emergency situation, zone of ecological disaster, criteria, human rights, accident.

DOI: 10.17223/22253513/27/11

The article states that in the modern world full of industrial, technical, military and other facilities, accidents and catastrophes resulting in a huge harm to the nature and health of the people are inevitable. Global climate changes result in the emergence of unprecedented droughts, floods and other natural disasters. These problems require urgent solutions; however, the priority of economic interests over the ecological ones in Russia results in extremely serious consequences for life, health of citizens and threatens national security. The changing position of the international community is very significant and this will demand the revision of the existing ideas about the category of "disaster" in international law, with inclusion of the catastrophic ecological situations, which are not connected with concrete accidents and catastrophes.

The legal regime of ecologically neglected territories in Russia (unlike a number of republics of the former USSR) suffers from extreme uncertainty and in this connection (and in view of cutting funds for environmental protection) no zone of ecological catastrophe or an emergency ecological situation was created here. Thus, the rules of other laws extending to zones of ecological disaster have not come into force yet. Article 250 of the Criminal Code of the Russian Federation considers the commission of such a crime as pollution of water in a zone of ecological disaster or of an emergency ecological situation to be a characterizing feature and this leads to a more strict liability. However, there are no such zones, and, therefore, Item 2 of this Article cannot be applied, and this is not the only example.

Besides, when reforming the Russian ecological legislation it is necessary to take into account the experience of other CIS countries providing in their ecological laws for not one (as in Russia) but different types of territories of ecological trouble (zone of ecological disaster). This allows giving a special ecological legal status and taking a complex of recovery measures to problem territories where a full-scale environmental disaster has not happened yet.

Moreover, it is necessary to differentiate categories "an emergency situation" and "a zone of ecological disaster" since not every emergency situation can give rise to a long-term ecological crisis on the considerable territory that demands the acceptance of a complex aggregate of recovery measures.

References

1. UNO. (2015) *Protokoly. III Vsemirnaya konferentsiya OON po snizheniyu riska bedstviy* [Protocols. III United Nations World Conference on Disaster Risk Reduction]. Sendai, Japan. March 14–18, 2015. Sendai, Yaponiya. [Online] Available from: http://www.unisdr.org/files/45069_proceedin-gsthirdunwcdrru.pdf. (Accessed: 25th January 2018).

2. UNO. (2009) *Osushchestvlenie Khiogskoy ramochnoy programmy deystviy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Predmetnoe issledovanie: natsional'naya sistema bor'by s bedstviyami v Kitae i ee otvet na zemletryasenie v Ven'chuane* [Implementation of the Hyogo Framework for Action in the Asian and Pacific region. Case study: the national system of

disaster management in China and its response to the earthquake in Wenchuan]. [Online] Available from: http://www.une-scap.org/idd/events/cdrr-2009/CDR_2R.pdf. (Accessed: 25th January 2018).

3. UNO. (2014) *Poslanie General'nogo sekretarya OON po sluchayu mezhdunarodnogo dnya po umen'sheniyu opasnosti bedstviy ot 13 oktyabrya 2014 goda* [Message from the Secretary-General on the occasion of the International Day for Disaster Reduction of October 13, 2014]. [Online] Available from: http://www.unisdr.org/2014/iddr/documents/IDDR14.SGMessage_Russian.pdf. (Accessed: 25th January 2018).

4. UNO. (2009) *Snizhenie riska bedstviy s uchetom gendernogo aspekta. Strategiya i prakticheskoe rukovodstvo* [Disaster risk reduction taking into account a gender perspective. Strategy and practical guidance]. Geneva: UNISDR, UNDP, IUCN.

5. UNISDR. (2006) *Rukovodstvo po snizheniyu riska stikhiynykh bedstviy na urovne soobshchestva v Tsentral'noy Azii, 2006* [Guidelines for Disaster Risk Reduction at the Community Level in Central Asia, 2006]. [Online] Available from: http://www.unisdr.org/files/2299_ACommunityGuiderus1.pdf. (Accessed: 25th January 2018).

6. UNISDR. (n.d.) *20 istoriy uspekha snizheniya riska stikhiynykh bedstviy iz opyta Tsentral'noy Azii* [Twenty success stories of disaster risk reduction from the experience of Central Asia]. [Online] Available from: http://www.unisdr.org/files/2300_20GoodExamplesofGoodPracticerruss1.pdf. (Accessed: 25th January 2018).

7. Kasprova, Yu.A. (2014) *Ekologicheski neblagopoluchnye territorii: osobennosti pravovogo rezhima* [Ecologically unfavorable territories: features of the legal regime]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

8. The Government of the Russian Federation. (2007) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 maya 2007 g. № 304 "O klassifikatsii chrezvychaynykh situatsiy prirodnogo i tekhnogen-nogo kharaktera"* (red. ot 17 maya 2011 g.) [Resolution No. 304 of the Government of the Russian Federation of May 21, 2007, "On the classification of emergency situations of natural and man-made nature" (edited on May 17, 2011)]. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/12153609/paragraph/1283:1>. (Accessed: 24th January 2018).

9. Boltanova, E.S. (2017) Legal Regime of Zones of Ecological Disaster and Emergency Areas. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 1. pp. 33–39. (In Russian).

10. The Republic of Belarus. (1982) *Zakon Respubliki Belarus' ot 26 noyabrya 1992 g. № 1982-XII "Ob okhrane okru-zhayushchey sredy"* (red. ot 17.07.2017) [Law No. 1982-XII of the Republic of Belarus of November 26, 1992, "On protection of the environment" (as amended on July 17, 2017)]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30450550#pos=0;200. (Accessed: 25th January 2018).

11. The Republic of Kazakhstan. (2007) *Ekologicheskiy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 9 yanvarya 2007 g. № 212-III ZRK* (red. ot 15.06.2017) [Ecological Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2007, No. 212-III ZRK (as amended on June 15, 2017)]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593. (Accessed: 25th January 2018).

12. Bekisheva, S.D. (2009) [Legal regulation of ecologically unfavorable territories under the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan]. *Prava cheloveka i problemy bezopasnosti obshchestva i lichnosti v sovremennoy Rossii* [Human Rights and Problems of Security of Society and Personality in Modern Russia]. Proc. of the Third Regional Conference. Volgograd. December 4–5, 2008. Volgograd. pp. 160–165. (In Russian).

13. The Kyrgyz Republic. (1999) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 16 iyunya 1999 g. № 53 "Ob okhrane okruzhayushchey sredy"* (red. ot 25.07.2016) [Law of the Kyrgyz Republic on June 16, 1999, No. 53 "On Environmental Protection" (as amended on July 25, 2016)]. [Online] Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=293. (Accessed: 25th January 2018).

14. The Republic of Uzbekistan. (1992) *Zakon Respubliki Uzbekistan ot 9 dekabrya 1992 g. № 754-XII "Ob okhrane prirody"* (red. ot 14.09.2017) [Law No. 754-XII of the Republic of Uzbekistan of December 9, 1992, "On the Protection of Nature" (as amended on

September 14, 2017)]. [Online] Available from: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?Rgn=838. (Accessed: 25th January 2018).

15. Savvich, N.E. & Truntsevskiy, Yu.V. (2001) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: YurInfoR.

16. Ryzhenkov, A.Ya. (2014) *Pravovoy rezhim zon ekologicheskogo bedstviya* [Legal regime of zones of ecological disaster]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 7.

17. Ministry of Natural Resources of the Russian Federation. (1992) *Metodika "Kriterii otsenki ekologicheskoy obstanovki territoriy dlya vyyavleniya zon chrezvychaynoy ekologicheskoy situatsii i zon ekologicheskogo bedstviya"* (utv. Minprirody RF 30.11.1992) [Methodology "Criteria for assessing the ecological situation in the territories for the identification of zones of emergency ecological situation and zones of ecological disaster" (approved by the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation on November 30, 1992)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90799/. (Accessed: 25th January 2018).

18. Dzugaev, M.D. (2003) Karabash – gorod "ekologicheskogo bedstviya" [Karabash is a city of "ecological disaster"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo*. 9[2]. pp. 92–96.

19. The Karabash City. (2011) *Court Reshenie Karabashskogo gorodskogo suda po delu № 2-5/2011* [Decision of the Karabash City Court in case No. 2-5 / 2011]. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-karabashskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblasts/act-100886631/>. (Accessed: 26th January 2018).

20. Krasnoyarsk Territory. (2009) *Gosudarstvennyy doklad o sostoyanii i okhrane okruzhayushchey sredy v Krasnoyarskom krae za 2009 god* [State report on the state and protection of the environment in the Krasnoyarsk Territory in 2009]. Krasnoyarsk: [s.n.].

21. Popugaeva, M.V. (2005) *Pravovoe obespechenie vyvoda territorii Samarskoy oblasti iz sostoyaniya ekologicheskogo bedstviya (voprosy teorii i praktiki)* [Legal support for the withdrawal of the territory of Samara region from the state of ecological disaster (theory and practice)]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.

22. The Supreme Court of the Russian Federation. (2003) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 07.07.2003 g. po delu № 46-G03-10* [Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2003, in Case No. 46-G03-10]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=9735#0399050706738068> (Accessed: 23rd January 2018).

УДК 321(091); 349.2

DOI: 10.17223/22253513/27/12

Н.В. Демидов

ОБСУЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ В НАУКЕ ТРУДОВОГО ПРАВА 1990-х гг.

В статье исследуется научный поиск в области правового регулирования увольнения по инициативе работодателя, который велся в отечественной науке трудового права в 1990-е гг. Анализируются подходы ученых-трудовиков к проблематике развития отрасли, взгляды на соотношение трудового права и экономики России. Сделан вывод о преимущественно умеренных позициях специалистов, отстаивавших идеи постепенного реформирования норм о прекращении трудового правоотношения и сохранения советских наработок. Характеризуются новаторские предложения по регламентации отдельных оснований увольнения, проводятся параллели с современным институтом расторжения трудового договора.

Ключевые слова: наука трудового права, история трудового права, КЗоТ РФ 1992 г., расторжение трудового договора, увольнение по инициативе работодателя.

Реформа законодательства о труде, проведенная в 1992 г., по сути, стала отказом от реформы. Кодекс законов о труде РФ 1992 г. закрепил лишь минимальные изменения в регламентации отношений по труду. Законодатель воздержался от радикальных перемен, диктуемых общественной атмосферой начала девяностых. Вместо этого была избрана модель консервации советского трудового права и его реализации в новых условиях рыночного хозяйства. Подобный подход обосновывался в науке того времени [1. С. 47; 2. С. 59] и спустя 25 лет видится наиболее разумным. Впрочем, сознательный выбор законодателя имел достаточно ограниченное влияние на реальную практику. Независимо от содержания законодательства о труде, в период 1990-х гг. оно соблюдалось слабо. На фоне резкого ослабления государственного и профсоюзного надзора решающим фактором отношений по труду стало экономическое доминирование работодателя. Усилилась эксплуатация работников, соблюдение норм о труде вступило в противоречие с идеей рентабельности. Трудовые права работника массово нарушались, гарантийные механизмы оказывались слабоэффективными, злоупотребления работодателя часто не пресекались. Соединение нерыночного административистского советского трудового права с демократическим политическим строем и раннекапиталистической экономикой вызвало дезорганизацию сферы труда. Однако представляется, что такой переходный период был неизбежен. Происходила апробация прежних трудо-

правовых конструкций и механизмов в непривычном контексте, осмысливались потребности рынка труда в тех или иных новых институтах. Известная роль в этом процессе принадлежала науке отечественного трудового права. Виднейшие ученые-трудовики, сформированные фундаментальной школой советского трудового права, вели дискуссию о дальнейшем развитии отрасли и ее институтов, включая нормы о прекращении трудового правоотношения.

Основой научного поиска стала критика советской системы регламентации социально-трудовых отношений. Признавался ее во многом искусственный характер, негативно влиявший на реальные потребности сторон трудового договора [3. С. 47]. С.А. Иванов прямо заявил о кризисе советского трудового права, опубликовав статью с одноименным названием [4]. Им отмечалась необоснованно высокая степень присвоения советским государством прибавочной стоимости, что нарушало интересы работника и работодателя. Указывалось на высокую степень бюрократизации труда, в силу которой нормирование рабочего времени, зарплатных тарифов и круга должностных обязанностей осуществлялось далекими от производства чиновниками. С началом девяностых пришлось констатировать, что, вопреки прежним уверениям, советская экономика отчуждала работника от средств производства и результата труда. При этом проблемой было не столько законодательство о труде как таковое, сколько особенности его реализации. Под влиянием партийных идеологов юридические нормы о труде применялись в целях поддержания бюрократически организованной распределительной системы народного хозяйства. Так, преднамеренно затруднялись увольнение по инициативе работодателя и расторжение трудового договора по воле работника, ограничивалось применение материальных стимулов, минимизировалась свобода трудового договора.

В 1990 г. Р.З. Лившиц попытался сформулировать философские основания новой отрасли российского трудового права. В базис была помещена идея признания противоречий между интересами производства и работника: «Начиная с 30-х годов, интересы производства выдвинулись на первый план и стали преобладать над интересами человека. Идеологическим оправданием такой линии служила теория о слиянии интересов производства и человека при социализме. В действительности подобное слияние невозможно, ибо интересы производства и человека труда объективно не совпадают. Производство, например, заинтересовано в максимальной продолжительности рабочего времени, а работник – в минимальной, производство – в минимальной оплате труда, а работник – в максимальной. Так устроена экономика и социализм не в состоянии ничего здесь изменить» [3. С. 49]. Думается, что связь интересов субъектов трудового договора носит более сложный характер и является скорее диалектической. Однако требовалась несомненная научная смелость для того, чтобы излагать экономические закономерности после десятилетий идеологизации юридической науки, в еще существующем Советском Союзе. Для новой организации отношений в области труда Р.З. Лившицем предлагалась другая по-

литэкономическая модель: «Экономическая сущность эксплуатации заключается в изъятии у работника созданного им прибавочного продукта и, что очень важно, невозвращении его работнику. Это неизбежно при любой организации коллективного труда. В примитивных формах производства прибавочный продукт изымает предприниматель, в сложно организованном производстве – различные государственные органы. Все общественные расходы базируются на отнятом прибавочном продукте. Справедливость заключается не в преодолении данного явления, а во включении самого работника в распределение созданного им прибавочного продукта» [3. С. 49].

Проблематике соотношения советского трудового права и российской экономики уделил внимание и Е.Б. Хохлов: «Нет ничего удивительного в том, что законодательство вступило в явное противоречие с той экономической действительностью, которая начала формироваться с развитием экономических методов управления народнохозяйственным комплексом. Возникла парадоксальная ситуация: либо действуют нормы трудового законодательства, но тогда невозможна сколько-нибудь малая реорганизация системы управления, либо развиваются экономические методы регулирования, но тогда совершенно не применяются формально еще никем не отмененные нормы трудового законодательства» [5. С. 193]. При этом автор полагал, что допустимо приспособливать трудовые гарантии для нужд хозяйства, даже если это снизит гарантии интересов работника.

Частью научной полемики стал спор о степени участия государства в регулировании предмета трудового права. В этой дискуссии можно выделить два направления: либеральное и социально-защитное. Первый вариант предполагал уменьшение централизованной регламентации, снятие части гарантий прав работника, предоставление широких полномочий работодателю в интересах общенационального экономического рывка. Так, Л.В. Санникова обосновывала отказ от трудового договора и его замену гражданско-правовой сделкой: «Использование в качестве таковой традиционной цивилистической формы – договора найма труда, включающую в качестве разновидности и трудовой договор, как показал отечественный (дореволюционный) и зарубежный опыт, наиболее эффективно в условиях рыночной экономики. Цивилистическая модель найма труда позволит использовать рыночные рычаги при регулировании отношений найма труда. В соответствии с принципом свободы договора нормы гражданского права способны обеспечить полную свободу реализации человеком своих способностей к труду в демократическом обществе» [6. С. 4]. Ю.П. Орловский аргументировал необходимость включения в структуру материальной ответственности руководителя неполученные доходы организации [7. С. 61]. Представителями либеральной трудовой мысли разрабатывалась конструкция трудового контракта. Контракт должны были отличать большая степень свободы сторон, действительные выработка и согласование условий, учет особенностей деятельности организации и личности работника, срочность, гибкая регламентация ответственности и поощрений.

Контракт противопоставлялся прежнему зарегулированному трудовому договору, отстаивалась идея его заключения с любым работником независимо от наличия специального статуса [6. С. 82–83; 8. С. 123, 126]. Концепция трудового контракта прямо связывалась со свободой сторон в установлении договорных оснований увольнения. По мнению С.Ю. Головиной, не противоречило закону включение в контракт условий о неприменении тех или иных оснований увольнения [9. С. 46]. Однако и в институте высвобождения работника ученые-трудовики в большинстве случаев проводили идею деструктивности столь широкой свободы работодателя.

Большинство ученых-трудовиков оставались на умеренной позиции сохранения значительной роли государства в упорядочении отношений по труду. С.А. Иванов писал: «Понятно, что в новых экономических условиях нет возможности и даже нецелесообразно сохранять все права и льготы работников, поскольку они могут сдерживать работу предприятия. Но понятно и то, что под предлогом реформирования экономики, перехода к рынку нельзя разрушать сложившуюся систему защиты трудящихся» [10. С. 41]. Р.З. Лившиц прогнозировал сохранение рамочных государственных стандартов: «Грядущее развитие права даст новые импульсы проявлению его богатого содержания. Безусловно, сохранятся централизованные начала правового регулирования (лучше всего обобщенные нормативной школой) как носителя единства права. Вместе с тем расширятся децентрализованные начала (обобщенные социологической школой) – носители дифференциации права» [11. С. 21].

Обсуждение развития отрасли трудового права распространялось и на проблемы регламентации расторжения трудового договора по инициативе работодателя. С началом реформ закономерно ожидался рост числа увольнений, связанный с изменениями в экономическом укладе страны [12. С. 39–40]. Будучи крайне проблемным в общественной практике девяностых годов, институт привлекал особое внимание специалистов-трудовиков. При этом эпоха девяностых характеризовалась чрезвычайным богатством идей как частного, так и концептуального толка. Так, часть юристов выдвигала идеи принципиальной децентрализации отношений увольнения по инициативе работодателя [13]. С точки зрения авторов этого направления, «в трудовом законодательстве не должно быть места исчерпывающему списку оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Следует оставить лишь запись о том, что расторжение должно быть мотивированным, а работник имеет право на обжалование его в судебной или иной юрисдикционной инстанционной системе» [14. С. 63]. В.М. Лебедев обосновывал закрепление трех оснований увольнения работника: «1) по несоответствию работника занимаемой должности или выполняемой работе; 2) в случае полной или частичной ликвидации организации, сокращении численности или штата; 3) восстановления на работе работника, ранее выполнявшего эту работу» [15. С. 46–47]. Предлагаемая новелла мотивировалась необходимостью «оказать работодателю поддержку в области подбора, расстановки, эффективного ис-

пользования и формирования рабочей силы, необходимой для обеспечения конкретного технологического процесса» [15. С. 46–47].

Длительный советский период сформировал у множества исследователей представление о такой модели как об антисоциальной. Ряд авторов утверждал о необходимости сохранения прежней системы правового регулирования увольнения по инициативе работодателя, обосновывая это защитной функцией трудового права [10. С. 40–45; 16; 17]. Ученые этого круга прогнозировали произвол работодателя при усилении его свободы в вопросах увольнения. Вместо модернизации законодательства предлагалось обратить внимание на механизмы правореализации: «По нашему мнению, за каждое выявленное органами по разрешению трудовых споров нарушение работодателя следует привлекать к административной, а иногда и к уголовной ответственности. В действующем законодательстве установлены ощутимые для работодателя штрафные санкции за указанные правонарушения. Однако по результатам рассмотрения трудовых споров они практически не применяются, несмотря на многочисленные нарушения, выявляемые судебными органами» [18. С. 58]. Б.Р. Карабельников как юрист-практик возражал сторонниками консервативного подхода: «...такую позицию могут занимать лишь правоведаы, всю жизнь получавшие заработную плату из бюджета, не представляющие ни реалий рыночной экономики, ни того катастрофического правового “вакуума”, который сложился сейчас в правовом регулировании наемного труда» [19. С. 242].

Вопрос о сокращении перечня оснований увольнения по инициативе работодателя остается актуальным и сегодня. Однако решать его необходимо с осторожностью. В случае отказа от действующей казуистичной системы закрепления оснований увольнения гарантом законности и справедливости расторжения трудового договора призван будет выступить суд. Учитывая высокую конфликтность сферы увольнения, можно предположить, что количество споров возрастет многократно. В таких условиях в качестве гарантийного механизма нормального правоприменения требуется создание системы трудовых судов. Идея особых юрисдикционных органов или трудовых коллегий в судах общей юрисдикции активно обсуждалась в отечественной науке [20, 21], однако не получила даже перспективной поддержки со стороны государства. Однако и эта мера сама по себе не обеспечит полного соблюдения прав и интересов работника. Наиболее существенной проблемой отечественной правореализации видится низкий уровень правовой культуры. Анализ практики, данные социологии показывают, что российский работник по разным причинам избегает обращения в судебные органы. Развитие должного правового сознания – длительный многоплановый процесс, плохо поддающийся координации. До его формирования на достаточно высоком уровне сокращение перечня оснований увольнения вряд ли оптимизирует область отношений, связанную с расторжением трудового договора по инициативе работодателя.

С распадом СССР из научной полемики и официальных документов исчезла проблема текучести рабочей силы. В 1950–1980-е гг. ей уделялось

наибольшее внимание в науке, партийных и нормативных актах. Под текущей кадрам понималась самостоятельная, непрогнозируемая смена работником места работы, региона или должности. Мотивом такого поведения были экономические потребности, поиск комфортных условий труда. Будучи естественной потребностью лица, оно вступало в прямое противоречие с плановой экономикой и нематериальными стимулами к повышению производства, которыми характеризовалось советское распределение рабочей силы. Отныне проблема исчезла из научного обихода, а привлечение работника к труду стало осуществляться путем денежного стимулирования.

С.А. Иванов отстаивал концепцию нового баланса гарантий прав и интересов работника и работодателя в отношениях по расторжению трудового договора. Обосновывалась идея двойственности правоприменения в зависимости от содержания: «В отличие от традиционно существующего в системе трудового права единого механизма увольнений, надлежит создать два механизма, различных по основаниям, порядку и правовым последствиям увольнения как для работника, так и для нанимателя. Один механизм должен регламентировать увольнения по основаниям, касающимся личности работника, его способностей, поведения, отношения к труду, другой – по основаниям экономического характера, касающимся предприятия и не относящимся к личности работника... Так, можно было бы сделать более общим такое основание, как утрата доверия со стороны нанимателя» [2. С. 58]. «Что же касается механизма увольнений по причинам экономического характера, то он представляется несколько иным. В общем и целом речь идет о расторжении трудового договора в случае производственной необходимости. Под ней нужно понимать реорганизацию предприятия, сокращение штатов, установление новых норм выработки, введение новой техники, изменение технологического процесса и т.д. Здесь тоже перечень, но примерный, не закрытый... Немаловажны и последствия, связанные с обжалованием в суде увольнения. При обжаловании по причинам личностного характера суду надлежит контролировать не только законность, но и целесообразность увольнения. В отличие от этого при обжаловании по экономическим причинам надлежит лишь контролировать законность увольнения» [2. С. 60, 61].

А.А. Фатуев обращал внимание на текстуальное несовершенство норм о предоставлении иной работы сокращаемому лицу. «На самом деле эти формулировки совершенно неприемлемы, ибо они чрезвычайно расплывчаты и не позволяют четко разграничивать права и обязанности сторон, порождают неопределенность в их отношениях и пестроту судебной практики. В научной литературе еще в 1955 г. даны определения и профессии, и специальности. Но, к сожалению, эти дефиниции даются в самом общем виде и не имеют практической значимости. Не указываются критерии, которые позволяли бы установить, где оканчивается одна специальность (профессия) и начинается другая, чем отличаются друг от друга разные специальности одной и той же профессии» [22. С. 186]. Критиковались

правила отбора работников при сокращении: «Закон совсем умалчивает, и какого круга лиц выявляются лучшие работники. Отбираются ли они из числа работников предприятия в целом или подразделений (отделов, служб) или структурных единиц? ...Было бы важно найти хотя бы первое приближение, т.е. указать, в каких границах возможно сравнение работников между собой по производительности и квалификации» [22. С. 187].

А.И. Ставцева оспаривала законодательное ограничение полномочий профсоюза в вопросах увольнения работника по инициативе работодателя: «Для увольнения по любому основанию, в том числе по п.п. 3, 4, 7, 8 ст. 33 КЗоТ, председателей и членов выборных профсоюзных органов на предприятии работодатель должен получить согласие профоргана и вышестоящего объединения профсоюзов. Для увольнения же рядового члена профсоюза такого согласия не нужно. В условиях, когда увеличивается армия безработных, нельзя устранять профсоюзы от контроля за увольнением работников по инициативе работодателя» [23. С. 34].

Б.И. Сосна предлагал считать увольнением по инициативе работодателя (администрации) прекращение трудового правоотношения в связи с отказом работника от перевода на работу в другую местность вместе с предприятием, учреждением, организацией, а также в связи с изменением существенных условий труда (п. 6 ст. 29 КЗоТ РФ). «Фактически в подобных случаях трудовой договор прекращается по инициативе администрации, в одностороннем порядке изменяющей существенные условия труда. В новых условиях работник зачастую работать не в состоянии, что дает возможность работодателю прекратить трудовые отношения по п. 6 части 1 ст. 29 КЗоТ РФ с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка, без согласия профсоюзного комитета и без принятия мер к трудоустройству работника» [24]. Изложенная мысль представляет интерес и сегодня – действительно, расторжение трудового договора по п. 7 ст. 77 Трудового кодекса РФ имеет в основе инициативу работодателя на изменение условий трудового договора. Возможно, следовало бы переместить данную норму в ст. 81 Трудового кодекса РФ, как было перемещено в ст. 83 увольнение в связи с прекращением доступа к государственной тайне.

Критиковалось вмешательство суда в расторжение трудового договора за систематическое неисполнение трудовых обязанностей без уважительных причин (п. 3 ст. 33 КЗоТ РФ). Анализируя материалы практики, А.А. Фатуев писал: «Суд, рассмотрев те же самые факты нарушения дисциплины труда, оценивает их иначе, т.е. как недостаточно тяжкие для увольнения, и восстанавливает работника на прежней должности. Поэтому во избежание всякой неопределенности следует признать (как и в других отраслях права) допустимость прекращения трудовых отношений по п. 3 ст. 33 КЗоТ при трех нарушениях установленного на предприятии порядка. И такое решение должно входить в исключительную компетенцию только администрации» [22. С. 208]. Указанная проблема актуальна и для современности. Законодатель в ст. 193 Трудового кодекса РФ и Верховный Суд

РФ в п. 53 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 г. № 2 закрепил правило, согласно которому суд вправе восстановить работника на работе, даже при условии, что проступок был совершен, однако, по мнению суда, увольнение не является соразмерным наказанием. Такой подход порождает субъективизм правоприменителя, устраняет для работодателя возможность прогнозировать правильность своих действий, в конечном счете снижает уровень дисциплины труда. Возникает вопрос о той грани тяжести проступка и обстоятельств его совершения, которые все-таки позволяют работодателю прекратить трудовое правоотношение.

Сумма мнений, высказанных учеными эпохи 1990-х гг. по вопросам расторжения трудового договора, представляет несомненную ценность. Часть из них актуальны для рассмотрения и сегодня, некоторые интересны как аспект исторической эволюции отрасли. Как и отрасль трудового права, трудовая наука характеризуется эволюционной преемственностью. Именно разработки специалистов девяностых годов, сформированные на фундаменте советской юридической школы, позволили выработать Трудовой кодекс РФ. Так, заслугой отечественной науки трудового права видятся уравнищенность взглядов, способность равно воздержаться от радикально-либеральных решений и консервации советского трудового права и норм об увольнении работника. Достаточно сбалансированное современное российское трудовое право обязано своим конструктивным содержанием научным работам, созданным в 1990-е гг. такими специалистами, как Р.З. Лившиц, С.А. Иванов, А.И. Ставцева, В.М. Лебедев, С.Ю. Головина, Е.Б. Хохлов, В.Н. Толкунова, Т.Ю. Коршунова, Ю.П. Орловский, А.С. Пашков, Л.А. Сыроватская, И.Я. Киселев и многими другими видными учеными-трудовиками.

Литература

1. Маврин С.П., Хохлов Е.Б. О кодификации трудового законодательства России // Государство и право. 1996. № 6. С. 42–48.
2. Иванов С.А. Трудовое право переходного периода // Государство и право. 1994. № 4.
3. Лившиц Р.З. Трудовое законодательство: поиск концепции // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 47–55.
4. Иванов С.А. Кризис советского трудового права // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 39–47.
5. Хохлов Е.Б. Экономические методы управления и трудовое право. Л. : Изд-во ЛГУ, 1998. 208 с.
6. Санникова Л.В. Проблемы правового регулирования отношений найма труда : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1996. 192 с.
7. Орловский Ю.П. Контракт и его роль в возникновении, изменении и прекращении трудового правоотношения // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 59–62.
8. Уржинский К., Уржинская Н. Контракт: новая правовая модель подбора кадров // Хозяйство и право. 1991. № 3. С. 74–78.
9. Головина С.Ю., Шахов В.Д. Контрактная форма регулирования трудовых отношений // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 45–51.

10. *Иванов С.А.* Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 36–45.
11. *Лившиц Р.З.* Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 13–21.
12. *Симорот З.К., Стадник Н.П., Зуб И.В.* Законодательство о труде в условиях перестройки. Киев : Наукова думка, 1991. 232 с.
13. *Шадрин В.* Трудовой кодекс: финальная схватка проектов отложена до осени // Человек и труд. 1998. № 7. С. 71–74.
14. *Кудюкин П.* Если работодателю выполнять все, что предписано КЗоТом, то он разорится // Человек и труд. 1998. № 5.
15. *Лебедев В.М.* О реформе трудового права // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 45–47.
16. *Шандыбин В.* В Трудовом кодексе не должно быть места «трудовым завоеваниям» новых российских капиталистов // Человек и труд. 1998. № 5. С. 61–63.
17. *Луганцев В.М.* Новый Трудовой кодекс или реформа КЗоТ // ЭЖ-Юрист. 2000. № 31.
18. *Миронов В.И.* История трудового права: теория и практика // Государство и право. 1998. № 12.
19. *Карабельников Б.Р.* Трудовые отношения в хозяйственных обществах. М. : ФБК-Пресс, 2003. 328 с.
20. *Калинин И.Б.* Правовое регулирование трудовых процессуальных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 25 с.
21. *Передерин С.В.* Процессульно-процессуальные правовые средства и способы обеспечения трудовых прав работников : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 404 с.
22. *Фатеев А.А.* Трудовое право в жизни человека. М. : Юрид. лит., 1991. 256 с.
23. *Ставцева А.И.* КЗоТ Российской Федерации в редакции Закона от 25 сентября 1992 г. и проблемы его применения // Государство и право. 1993. № 7. С. 31–51.
24. *Сосна Б.И.* О некоторых проблемах прекращения трудовых договоров (контрактов) // Юрист. 2001. № 9.

Demidov Nikolay V., Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation)

CONSIDERATION OF THE INSTITUTE OF DISMISSAL OF THE WORKER ON THE INITIATIVE OF THE EMPLOYER IN LABOR LAW OF THE 1990s

Keywords: labor law, history of labor law, the Labor Code of the Russian Federation 1992, cancellation of the employment contract, dismissal on the initiative of the employer.

DOI: 10.17223/22253513/27/12

The Labour Code of the Russian Federation 1992 fixed the minimum changes in the regulation of workplace relations. However, a conscious choice of legislators had a limited influence on real practice. Irrespective of contents of labor legislation, it was observed poorly. Moreover, there was the approbation of former labor law constructions and mechanisms in an unusual context, the needs of labor market for these or those new institutes were comprehended.

Consideration of the development of labor law extended also to problems of a regulation of cancellation of the employment contract on the initiative of the employer. Being extremely problem-plagued in public practice of the 1900s, the institute drew special attention of experts. Therefore, a part of lawyers put forward the ideas of basic decentralization of the relations of dismissal on the initiative of the employer. However, a number of authors stressed the need to preserve a former system of legal regulation of dismissal on the initiative of the employer, explaining it by a protective function of labor law. Instead of modernization of the legislation, it was offered to pay attention to the mechanisms of the enforcement of the right.

The question of reduction of the list of grounds for dismissal on the initiative of the employer remains urgent nowadays. However, the guarantee mechanism of normal law enforcement requires the creation of system of labor courts. At the same time, the most vital issue of domestic enforcement of the right seems to be the low level of legal culture. With the collapse of the USSR, the problem of labor turnover disappeared from the polemic and official documents.

S.A. Ivanov defended the concept of new balance for guaranteeing the rights and interests of the worker and employer under the dissolution of labor contract. He substantiated the idea of dual enforcement of the right depending on the content of the grounds for dismissal connected either with personal characteristics of an employee or economic needs of the employer. A.A. Fatuyev paid attention to textual imperfection of norms on providing other work to the person who was made redundant. A.I. Stavtseva contested legislative restriction of powers of labor union in questions of dismissal of the worker on the initiative of the employer.

Both the branch of labor law and labor law science is characterized by evolutionary continuity. The developments of specialists of the 1900s based on the Soviet law school allowed developing the Labour Code of the Russian Federation. A balanced modern Russian labor law is obliged by the constructive contents to the scientific works created in the 1990s by such experts as R.Z. Livshits, S.A. Ivanov, A.I. Stavtseva, V.M. Lebedev, S.Yu. Golovina, E.B. Khokhlov, V.N. Tolkunova, T.Yu. Korshunova, Yu.P. Orlovsky, A.S. Pashkov, L.A. Syrovatskaya, I.Ya. Kiselyov and many other prominent scientists in the field of labor law.

References

1. Mavrin, S.P. & Khokhlov, E.B. (1996) O kodifikatsii trudovogo zakonodatel'stva Ros-sii [On the codification of Russia's labour legislation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 42–48.
2. Ivanov, S.A. (1994) Trudovoe pravo perekhodnogo perioda [Labour law of the transition period]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 53–60.
3. Livshits, R.Z. (1990) Trudovoe zakonodatel'stvo: poisk kontseptsii [Labour legislation: the search for a concept]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 47–55.
4. Ivanov, S.A. (1990) Krizis sovet'skogo trudovogo prava [The crisis of the Soviet labour law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 39–47.
5. Khokhlov, E.B. (1998) *Ekonomicheskie metody upravleniya i trudovoe pravo* [Economic management methods and labour law]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Sannikova, L.V. (1996) *Problemy pravovogo regulirovaniya otnosheniy nayma truda* [Problems of legal regulation of employment relations]. Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Orlovskiy, Yu.P. (1991) Kontrakt i ego rol' v vozniknovenii, izmenenii i prekrashchenii trudovogo pravootnosheniya [The contract and its role in the origin, change and termination of the employment relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 59–62.
8. Urzhinskiy, K. & Urzhinskaya, N. (1991) Kontrakt: novaya pravovaya model' podbora kadrov [Contract: a new legal model of recruitment]. *Khozyaystvo i pravo*. 3. pp. 74–78.
9. Golovina, S.Yu. & Shakhov, V.D. (1991) Kontraktnaya forma regulirovaniya trudovykh otnosheniy [Contractual form of regulation of labour relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 45–51.
10. Ivanov, S.A. (1999) Rossiyskoe trudovoe pravo: istoriya i sovremennost' [Russian labour law: History and modernity]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 36–45.
11. Livshits, R.Z. (1990) Gosudarstvo i pravo v sovremennom obshchestve: neobkhodimost' novykh podkhodov [State and law in modern society: the need for new approaches]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 13–21.
12. Simorot, Z.K., Stadnik, N.P. & Zub, I.V. (1991) *Zakonodatel'stvo o trude v usloviyakh perestroiki* [Legislation on labour during Perestroika]. Kyiv: Naukova dumka.
13. Shadrin, V. (1998) Trudovoy kodeks: final'naya skhvatka proektov otlozhena do oseni [Labour Code: the final battle of projects postponed until the fall]. *Chelovek i trud*. 7. pp. 71–74.

14. Kudyukin, P. (1998) Esli rabotodatellyu vypolnyat' vse, chto predpisano KZoTom, to on razoritsya [If the employer does everything that is prescribed by the Labour Code, then he will be ruined]. *Chelovek i trud*. 5.
15. Lebedev, V.M. (1997) O reforme trudovogo prava [On the reform of labour law]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 45–47.
16. Shandybin, V. (1998) V Trudovom kodekse ne dolzhno byt' mesta “trudovym zavoevaniyam” novykh rossiyskikh kapitalistov [There should be no place for “labour conquests” of new Russian capitalists in the Labour Code]. *Chelovek i trud*. 5. pp. 61–63.
17. Lugantsev, V.M. (2000) Novyy Trudovoy kodeks ili reforma KZoT [New Labour Code or the reform of the Labour Code]. *EZh-Yurist*. 31.
18. Mironov, V.I. (1998) Istoriya trudovogo prava: teoriya i praktika [History of labour law: theory and practice]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 12.
19. Karabelnikov, B.R. (2003) *Trudovye otnosheniya v khozyaystvennykh obshchestvakh* [Labour relations in business societies]. Moscow: FBK-Press.
20. Kalinin, I.B. (1999) *Pravovoe regulirovanie trudovykh protsessual'nykh otnosheniy* [Legal regulation of labour procedural relations]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
21. Perederin, S.V. (2001) *Protsedurno-protsessual'nye pravovye sredstva i sposoby obespecheniya trudovykh prav rabotnikov* [Procedural legal means and ways of ensuring labour rights of employees]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
22. Fatuev, A.A. (1991) *Trudovoe pravo v zhizni cheloveka* [Labour law in human life]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
23. Stavtseva, A.I. (1993) KZoT Rossiyskoy Federatsii v redaktsii Zakona ot 25 sentyabrya 1992 g. i problemy ego primeneniya [KZOT of the Russian Federation amended in Law of September 25, 1992 and the problems of its application]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 31–51.
24. Sosna, B.I. (2001) O nekotorykh problemakh prekrashcheniya trudovykh dogovorov (kontraktov) [On some problems of termination of employment contracts (contracts)]. *Yurist*. 9.

УДК 343.45

DOI: 10.17223/22253513/27/13

Н.В. Липовских

О НЕОБХОДИМОСТИ СОХРАНЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о необходимости сохранения тайны усыновления, проводится анализ различных взглядов ученых по этому вопросу и обосновывается позиция, отличная от объявленной в национальной стратегии.

Ключевые слова: тайна усыновления, разглашение тайны усыновления, ответственность, дискуссия, национальная стратегия.

Конвенцией о правах ребенка провозглашено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания. Усыновление (удочерение) является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Гарантия неразглашения тайны усыновления позволяет наиболее эффективно обеспечить защиту прав ребенка.

В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. реализуются различные проекты на федеральном и региональном уровнях по укреплению института семьи. Многочисленные мероприятия направлены на пропаганду семьи, материнства, устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи [1]. Прослеживается стремление к созданию положительного и даже привлекательного образа многодетной семьи, формированию позитивного информационного поля вокруг семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Этим же объясняется интерес и к усыновлению, и к сохранению тайны усыновления. Сохранять или не сохранять тайну усыновления? В последние годы этот вопрос стал не только актуальным, а даже дискуссионным.

По мнению одних авторов, тайну усыновления необходимо сохранять. Так, например, Н.В. Летова [2] считает, что необходимо сохранить тайну усыновления, так как она способствует созданию подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, стабильности усыновления, облегчает воспитание ребенка. По мнению О.Ю. Юрченко [3], меры, предусмотренные российским законодательством и направленные на обеспечение неразглашения тайны усыновления без воли усыновителя, должны быть сохранены. Точка зрения А.Г. Григорьевой [4] состоит в том, что в России общество еще не готово к отмене норм, обеспечивающих тайну усыновления. Более того, М.А. Ботчаева [5] пишет не только о необходимости

сохранения тайны усыновления, но и ужесточения наказания за ее разглашение.

Другие авторы, например М.В. Антокольская [6], считают, что столь жесткая позиция действующего законодательства по поводу сохранения тайны усыновления в отношении самого ребенка представляется устаревшей. Ребенок, достигший совершеннолетия, должен иметь право получить доступ ко всем касающимся его сведениям, в том числе и к данным об усыновлении. В некоторых случаях это может оказаться необходимым, например, для диагностики наследственных заболеваний или предотвращения брака с близкими кровными родственниками, о родстве с которыми усыновленный и не подозревает. Близкой является позиция профессора В.П. Лебединской [7], предлагающей внести в Семейный кодекс РФ изменения о том, что тайна усыновления может быть раскрыта усыновленному ребенку, достигшему совершеннолетия, по его просьбе, так как усыновленные дети часто обращаются в органы опеки и попечительства, органы ЗАГСа и суды с вопросами об их биологических родителях, но в силу ст. 155 УК РФ не могут получить ответы.

Возвращаясь к дискуссии о целесообразности сохранения тайны усыновления, обратимся к известной проблеме соотношения ст. 139 Семейного кодекса РФ «Тайна усыновления ребенка» и ст. 155 Уголовного кодекса РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)».

Конституционный Суд РФ в Постановлении по делу Г.Ф. Гущиной и Т.Г. Грубич от 16 июня 2015 г. отметил, что сохранение тайны усыновления является гарантией стабильности усыновления, защиты прав и интересов членов семьи, уважения их личной и семейной жизни, и, тем самым, защиты института семьи, по своему конституционно-правовому смыслу. Эти положения не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти усыновленного и усыновителей сведений об усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений [8]. Конституционный Суд РФ подчеркнул важность и неизбежность тайны усыновления, ссылаясь на нарушение баланса конституционно защищаемых ценностей.

Реакция на эту позицию Конституционного Суда неоднозначна. Так, Е.Е. Пирогова [9] по существу сомневается в справедливости такого баланса интересов. В Постановлении подчеркиваются неизбежность тайны усыновления, ее приоритетность даже в том случае, если усыновитель умер, а усыновленный и его потомки достигли совершеннолетия. Простое желание, духовная потребность человека выяснить свое настоящее происхождение в расчет не принимаются, поскольку, по мнению суда, «интерес потомков усыновленного в раскрытии этой тайны – не единственный подлежащий защите интерес, а его особая, преимущественная защита могла бы создать предпосылки для нарушения баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений, сопровождающих процедуру усыновления» [Там же. С. 16–18].

Несмотря на революционный характер для российского законодательства пункта, предусматривающего «Переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления», объявленного в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) [10], считаю, что вопрос об отмене тайны усыновления является преждевременным. Отказ от охраны тайны усыновления может негативно сказаться на интересах усыновленных и усыновителей. Ведь крайне заинтересованными, играющими определяющую роль в сохранении тайны усыновления в первую очередь являются сами усыновители. Их волеизъявление, направленное именно на такую форму устройства детей, имеет решающее значение. Возможность усыновления ребенка – это именно субъективное право гражданина, а не обязанность, возложенная на него государством. Если усыновитель не желает скрывать, что их ребенок усыновлен, то изначально может выбрать другие формы устройства детей (опека, попечительство, приемная семья). Если потенциальные усыновители желают сохранить в тайне намерение взять на воспитание ребенка еще на стадии обращения в органы опеки и попечительства, у них должна быть правовая возможность требовать конфиденциальности сведений о себе и своем поступке.

Указом Президента № 240 от 29 мая 2017 г. утверждена программа «Десятилетие детства 2018–2027 годы», плана мероприятий пока нет. Эта программа должна стать продолжением Национальной стратегии действий в интересах детей. Можно выразить надежду, что в разработке программы будет заложено более деликатное отношение к данному вопросу. Одной из первостепенных задач должно быть формирование российского менталитета по отношению к такой форме устройства детей, как усыновление, и к усыновлению с сохранением тайны усыновления. Отказ от тайны усыновления может привести к потере из общего числа усыновителей доли тех потенциальных усыновителей, для которых одним из основных условий является именно тайна усыновления.

Потенциальные усыновители предпочитают для усыновления детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте до 3 лет. Данные, полученные в январе 2015 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения: 69% опрошенных считают, что лучше брать в семью ребенка младше 3 лет; 59% полагают, что ему не стоит рассказывать о факте усыновления [11]. Так, в усыновлении детей в возрасте до 1 года основная доля – 66,3%. При усыновлении же детей более старших возрастов эта доля существенно сокращается: в возрасте от 1 года до 3 лет – 24,6%; в возрасте от 3 до 7 лет – 22,4% [12]. Отказ от тайны усыновления может привести к потере из общего числа усыновителей долю тех потенциальных усыновителей, для которых одним из основных условий является именно тайна усыновления.

Ежегодно обретают свою семью около 6,5 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [13]. Государство должно продолжать гарантировать усыновителю, что тайна появления усыновленного

ребенка останется сохраненной до того момента, пока не будет принято решение ее раскрыть. В свою очередь для детей, оставшихся без попечения родителей, сохранение этой тайны дает полноценную возможность стать в семье такими же любимыми и желанными, как родные.

Все изложенное позволяет сомневаться в обоснованности призыва, объявленного в Национальной стратегии к отказу от тайны усыновления. Опыт многолетнего применения этой приоритетной формы устройства детей в масштабах огромной многонациональной страны (СССР и Российской Федерации) подтверждает необходимость ее сохранения. Поэтому Национальная стратегия государства должна быть, по моему убеждению, в части отказа от тайны, прямо противоположной. Поскольку эти обстоятельства неразрывно связаны (ст. 155 УК РФ по существу является следствием нарушения тайны усыновления), то нельзя отменить и уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления. Необходимость комплексного исследования в единстве норм ст. 139 СК РФ и ст. 155 УК РФ обусловлена потребностями практики.

Целью государственной политики должно быть постепенное формирование общественного сознания граждан. Также важно учитывать не только экономические, нормативно-правовые факторы, но и социально-психологические аспекты, влияющие на мотивацию принятия решения об усыновлении.

В условиях современной России необходимо комплексное регулирование тайны усыновления. Нормы разных отраслей должны работать в единстве, невозможно отказаться ни от нормы ст. 139 СК РФ, ни от ст. 155 УК РФ.

Литература

1. *Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей в РФ. 2013 год* // Усыновление в России. М. : Promo Interactiv, 2015. URL: <http://www.usynovite.ru> (дата обращения: 18.09.2015).
2. *Летова Н.В.* Усыновление в Российской Федерации. Правовые проблемы. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 106.
3. *Ботчаева М.А.* Тайна усыновления в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 181–188.
4. *Григорьева А.Г.* Проблемы обеспечения тайны усыновления // Экономика. Право. Вестник Кубанского социально-экономического института. 2014. № 1 (61). С. 37–43.
5. *Юрченко О.Ю.* О целесообразности сохранения тайны усыновления // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 33. С. 23–27.
6. *Антокольская М.В.* Семейное право : учеб. 5-е изд-е, перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 301
7. *Лебединская В.П.* И снова к вопросу о тайне усыновления // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 544–546.
8. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П г.* Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона “Об актах гражданского состояния” в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гуцниной» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/plain/2015/06/30> (дата обращения: 12.12.2017).

9. Пирогова Е.Е. Проблемы реализации права ребенка знать своих родителей // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 16–18.

10. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.

11. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.08.2015).

12. Собкин В.С., Адамчук Д.В., Баранова Е.В., Марич Е.М., Маркина О.С., Николашина Е.В., Руднев М.Г., Ткаченко О.В., Федотова А.В. Отношение к усыновлению и опекунов: мотивация, субъективные риски и социальные барьеры (по материалам социологического опроса усыновителей и опекунов) // Социология дошкольного воспитания. 2006. Т. XI, вып. XIX. С. 1–24.

13. Сведения о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей по Российской Федерации // Усыновление в России. М.: Promo Interactiv, 2015. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/> (дата обращения: 21.09.2015).

Lipovskikh Natalia V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ON THE PROBLEM OF NECESSITY TO HOLD CONFIDENTIAL INFORMATION OF ADOPTION CLOSED

Keywords: confidential information of adoption, disclosure of confidential information of adoption, responsibility, discussion, national strategy.

DOI: 10.17223/22253513/27/13

In this article the author considers a problem of necessity to hold confidential information of adoption closed, analyses different views of scientists, justifies her position, which differs from position, declared in national strategy.

This article reviewed problem of necessity to hold article 139 of the Family Code of the Russian Federation “Confidentiality of adoption of a child” and article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation “Disclosure of confidentiality of adoption”. The author analyses different views of scientists over this problem.

The author justifies her position, which differs from position, declared in National strategy of activity in favor of children for 2012-2017 in term of system of unclosed adoption of a child along with rejection of confidentiality of adoption.

Refusal to hold confidential information of adoption closed can have negative effect to the interests of adopted children and adoptive persons. Adoptive persons are the most concerned persons, they play defining role in keeping confidentiality of adoption.

Their expression of will, directed to this type of adoption, has fundamental importance. Possibility to adopt a child is legal right of a citizen, it is not a duty, assigned by the state. If an adoptive person does not want to conceal the fact, that their child is adopted, he can primarily choose other forms of child’s placement (guardianship, patronage, foster home).

The author shows the important position of the Constitutional Court of the Russian Federation, which is noted in judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation over the case of Gushina G.F. and Grubich T.G. from 16.06.2015. According to this judgment, confidentiality of adoption is guarantee of consistency of adoption, protection of rights and interests of family members, respect of their private and family life, consequently, protection of family welfare institution in its constitutional content.

The Constitutional Court of the Russian Federation underlines the importance and firmness of confidentiality of adoption, referring to disbalance of constitutional values.

Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation is essentially consequence of violation of confidentiality of adoption (art. 139 of the Family Code of the Russian Federation). Considering that these facts are not separate, the author regards that it is impossible to abolish article 139 of the Family Code of the Russian Federation and criminal liability for disclosure of confidentiality of adoption.

References

1. Russian Federation. (2015) *Gosudarstvennyy doklad o polozhenii detey i semei, imeyushchikh detey v RF. 2013 god* [State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation. 2013]. [Online] Available from: <http://www.usynovite.ru>. (Accessed: 18th September 2015).
2. Letova, N.V. (2006) *Usynovlenie v Rossiyskoy Federatsii. Pravovye problemy* [Adoption in the Russian Federation. Legal problems]. Moscow: Wolters Kluver.
3. Botchaeva, M.A. (2012) The Confidentiality of Adoption in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 181–188. (In Russian).
4. Yurchenko, O.Yu. (2014) O tselesoobraznosti sokhraneniya tayny usynovleniya [On the advisability of preserving the secrecy of adoption]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii*. 33. pp. 23–27.
5. Grigorieva, A.G. (2014) Problemy obespecheniya tayny usynovleniya [Problems of securing the secrecy of adoption]. *Ekonomika. Pravo. Vestnik Kubanskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta*. 1(61). pp. 37–43.
6. Antokolskaya, M.V. (2010) *Semeynoe pravo* [Family Law]. 5th ed. Moscow: Norma: Infra-M.
7. Lebedinskaya, V.P. (2013) I snova k voprosu o tayne usynovleniya [Once again on the secrecy of adoption]. *Molodoy uchenyy*. 11. pp. 544–546.
8. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) Resolution No. 15-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2015, St. Petersburg, On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and Article 47 of the Federal Law “On Civil Status Acts” in connection with the complaint by citizens G.F. Grubich and TG Gushchyna. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/plain/2015/06/30>. (In Russian).
9. Pirogova, E.E. (2015) Problems of exercising the child’s right to know their parents. *Se-meynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5. pp. 16–18. (In Russian).
10. President of the Russian Federation. (2012) Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761 “O Natsional'noy strategii deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody” [Presidential Decree No. 761 of June 1, 2012, On the National Strategy of Action for Children in 2012–2017]. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 23. Art. 2994.
11. Russian Public Opinion Research Centre. (n.d.) *Official website*. [Online] Available from: <http://wciom.ru>. (Accessed: 27th August 2015).
12. Sobkin, V.S., Adamchuk, D.V., Baranova, E.V., Marich, E.M., Markina, O.S., Nikola-shina, E.V., Rudnev, M.G., Tkachenko, O.V. & Fedotova, A.V. (2006) Otnoshenie k usynovleniyu i opekunstvu: motivatsiya, sub"ektivnye riski i sotsial'nye bar'ery (po materialam sotsiologicheskogo oprosa usynoviteley i opekunov) [Attitude to adoption and guardianship: motivation, subjective risks and social barriers (based on the sociological survey of adoptive parents and guardians)]. *Sotsiologiya doshkol'nogo vospitaniya*. 11(19). pp. 1–24.
13. Russian Federation. (2015) *Svedeniya o vyyavlenii i ustroystve detey, ostavshikh-sya bez popecheniya roditel'ey po Rossiyskoy Federatsii* [Information on the identification and placement of children left without parental care in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/>. (Accessed: 21st September 2015).

УДК 340.130 + 347.91/95

DOI: 10.17223/22253513/27/14

Н.В. Самсонов

ИСТОЧНИКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье исследуется вопрос системы источников отечественного гражданского процессуального права в период до Революции 1917 г., в котором выделяются три основных этапа. Получены следующие результаты: определен состав источников, характерных для каждого из периодов; выявлены существовавшие подходы к пониманию категории «источник права»; сделан вывод о том, что к концу XIX в. система источников российского гражданского процессуального права приобрела устойчивую форму, во многом близкую современной.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, источник права, судебный обычай, судебный прецедент, история гражданского процесса.

Изучая процесс становления и развития отечественного гражданского процессуального права, на наш взгляд, следует согласиться с выделением трех основных периодов в его развитии: дореволюционного, советского и современного [1. С. 9]. В настоящей статье мы концентрируемся на источниках первого периода, подразделяя их на три этапа, каждому из которых присуща своя система источников: различными были силы, творящие право; его корни, ресурсы заимствования; материалы, положенные в основу права. Безусловно, отличались и формы права.

Первый этап данного периода включает в себя временной отрезок от момента возникновения государства – Древней Руси и до окончательного закрепления абсолютизма в Российской империи. Важнейшим источником (в смысле формы права) древнерусского права выступал юридический обычай, которым руководствовались в судебной практике князь и его судьи [2. С. 214–215]. Судопроизводство изначально также основывалось «преимущественно на процессуальных нормах обычного права» [3. С. 348]. Обычаями регулировался, прежде всего, процесс доказывания, предусматривавший использование таких процедур, как судебный поединок, клятва и т.д. [4. С. 122–124]. В законодательстве не существовало выраженного разграничения между уголовным и гражданским процессом, и общим для них источникам относились не только обычаи, но и такие памятники законодательства раннефеодального государства, как Русская Правда Ярослава Мудрого, Новгородская и Псковская судные грамоты и т.д.

Не была чужда древнерусскому процессу и такая форма права, как судебный прецедент. Уже в состав статей Русской Правды включались приговоры судов. Таким образом, судебный прецедент из образца применения

закона в повторяющихся ситуациях становился частью законодательства [4. С. 126–129]. Псковская судная грамота также называла в числе источников правовые обычаи и правоположения судебной практики, которые на уровень закона переводились псковским посадником [3. С. 492–493]. На наш взгляд, в качестве исторически первой формы права можно рассматривать именно судебный прецедент, а не обычай, как традиционно считается в науке права, поскольку правовой обычай, как некая модель поведения, формируется именно на основе совокупности прецедентов, т.е. проистекает из них, как общее проистекает из частного.

Рассматривая же термин «источник права» в качестве основы для формирования правовой системы, следует отметить, что таковой для древнерусского права явилось право византийское, оценка степени влияния которого на светское право Древней Руси колеблется в современной науке от «крайне ограниченной» [5. С. 103] до «почти исключительной» [6. С. 246]. Однако наличие такого влияния, достигавшегося путем стимулирования закономерного развития самобытных юридических норм и институтов Древней Руси через приспособления византийских источников к условиям древнерусской действительности, сомнения ни у кого не вызывает, в отличие от права варяжского, германского, исламского или еврейского, чье влияние на формирование древнерусского права представляется весьма спорным.

Второй этап становления процессуального права охватывает период от установления абсолютизма в Российской империи до реформ Александра II. Начавшаяся при Петре I модернизация государственно-правовых институтов сопрягалась с активной законотворческой деятельностью абсолютного монарха. Эта деятельность характеризовалась большим количеством прямых заимствований из такого источника, как европейское право, вводившихся в отечественную правовую систему зачастую поспешно и без достаточной адаптации к российским реалиям, однако ее результатом все-таки стало развитие новых форм права [7. С. 16]. Следует отметить, что, несмотря на созданный императором и его преемниками обширный законодательный массив (в период правления Петра I было издано более 3 тыс. законов, а в период правления Екатерины II – более 6 тыс., значительная часть которых была спроектирована и составлена монархами) [8. С. 33–151, 274–303]), сформировавшуюся в XVIII – первой трети XIX вв. законодательную систему нельзя охарактеризовать как логическую и иерархически выстроенную.

Тем не менее в этот период была четко обозначена идея государственной власти как единственного легитимного источника права и закона, утвержденного властью монарха, как главной формы его выражения. Источником права в смысле силы, творящей право, стала воля государя. Идеальной моделью петровского государства выступало «государство регулярное», т.е. основанное на законности абсолютистского толка. Идеалом Екатерины II выступала «законная монархия», что было отражено в идеологическом трактате – Наказе, данном Новоуложенной комиссии [9. С. 77].

Данный документ отразил также и «новую теорию закона», служившую основой доктрины Просвещения: целью законодательной практики выступает стремление к истинному, совершенному закону, выражающему ценности естественного права и тем самым обеспечивающему благополучие общества [9. С. 578–579].

По своему внешнему выражению нормативные правовые акты как основная форма права с начала XVIII в. подразделялись по видам. Наиболее распространенным и универсальным источником права выступали императорские указы, затрагивающие максимально широкий круг вопросов (например, Указ 1723 г. «О форме суда», выступивший одной из первых попыток законодателя частично интегрировать сословное начало в гражданские суды). Организационно-правовые основы функционирования отдельных органов и учреждений, а также правила регулирования общественных отношений применительно к отдельной отрасли закреплялись в уставах (например, Полицейский Устав (Устав Благочиния 1782 г.)). Основные принципы организации и деятельности органов государственного управления находили свое отражение в регламентах – виде нормативных правовых актов, введенном Петром I. Регламенты представляли собой законы учредительного характера, определяющие «состав, организацию, компетенцию и порядок делопроизводства новых органов государственного управления» [7. С. 16]. Порядок деятельности должностных лиц и государственных органов, их полномочия и обязанности закреплялись в форме инструкций. Кроме того, Петром I была введена такая категория нормативных правовых актов, как артикул, представлявшая собой попытку кодификации норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Так, «Артикул воинский» 1715 г. фактически являлся уголовным кодексом без общей части и, несмотря на название, подлежал применению также и в гражданских судах.

В период правления Екатерины II был впервые введен такой тип нормативного правового акта, регулирующего отношения публично-правового характера, как учреждение. К этой категории также относились законы, закреплявшие основы организации и деятельности отдельных органов государственного управления. Еще одним видом нормативного правового акта в дореформенной России являлся манифест – так именовались законы, в значительной степени изменившие «государственный и гражданский быт России» [10. С. 32].

Следует также отметить, что классификацию источников отечественного права, понимая под источниками форму права, в рассматриваемый период существенно затрудняют два фактора: во-первых, отсутствие строгого разграничения между видами нормативных правовых актов по кругу регулируемых ими вопросов (так, устав, учреждение и регламент могли содержать в себе однопорядковые положения относительно организационно-правовых основ функционирования отдельных органов и учреждений); во-вторых, отсутствие иерархии вышеперечисленных актов, поскольку они устанавливались суверенным монархом и, соответственно, признавались равными в своей юридической силе. Тем не менее, оценивая совокупность

правовых источников (форм права) рассматриваемого периода, следует отметить, что на данном этапе законодателем были осуществлены первые попытки дифференциации нормативных правовых актов, их структурирования по отраслям, характеру и сферам интереса.

В 1833 г. был утвержден Свод Законов Российской империи, содержащий «Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских» (ч. 2 т. X Свода Законов 1832 г.). Эти законы были весьма несовершенны и представляли собой механическое соединение положений Соборного Уложения 1649 г., Воинского Устава 1716 г., иных разновременных законов, указов и правил. В них закреплялся отход от принципа состязательности, устанавливался приоритет следственного начала в гражданском судопроизводстве, в котором продолжали применяться некоторые правила и элементы уголовного судопроизводства, смешивалась власть судебная и полицейская [11. С. 15–16]. Несмотря на это, именно на данном этапе можно говорить о выделении гражданского процесса как самостоятельной формы процессуальных действий и законодательном выражении данной тенденции.

Что касается такой формы права, как прецедент, то говорить о его существовании как источника права на данном этапе развития российского гражданского процессуального права не приходится. Суд не мог решить дело в отсутствие ясного закона, а должен был по инстанциям донести об имеющемся затруднении вплоть до императора [12. С. 26], что, безусловно, препятствовало появлению судебных прецедентов.

Давая общую оценку данному этапу, следует согласиться с точкой зрения большинства исследователей, которые и в XIX [13. С. 44], и в XXI в. [14. С. 23–24] характеризовали существовавшие в России до середины XIX в. правила гражданского судопроизводства как неудовлетворительные, тормозящие развитие страны, вызывавшие к жизни проявления существенной судебной волокиты, не отвечавшие потребностям государства и общества. Отечественное гражданское судопроизводство представляло собой классическую форму следственного (или инквизиционного) процесса, основным фактором которого выступал исключительно суд, в то время как стороны не имели фактической возможности выступать в защиту своей позиции, привлекать свидетелей и т.д. При этом процесс носил тайный характер и осуществлялся в письменном виде.

На исправление отмеченных недостатков судебной системы и системы судопроизводства и была нацелена Великая судебная реформа 1864 г., начавшая третий этап развития дореволюционного гражданского процессуального законодательства. Следует отметить, что большинство специалистов в области отечественной истории государства и права сходятся во мнении, что отправной точкой в формировании системы гражданского процессуального законодательства является начатая при Николае I и осуществленная в 1864 г. императором Александром II комплексная реформа судостроительства и судопроизводства, положившая начало созданию принципиально новой судебной системы. Данная реформа представляла собой не попытку осуществить коррективы ставших неактуальными и не оправ-

давших себя на практике механизмов судопроизводства, а была направлена на создание качественно нового судебно-процессуального строя, «положившего начало новой эры в юридическом развитии России» [15. С. 9].

Результатом преобразовательной деятельности Александра II стало возникновение института мировых судей [14. С. 415–423] и суда присяжных, также были заложены принципиально иные основы для формирования судейского сообщества, адвокатуры (присяжных поверенных) и нотариата. В результате реформы во второй половине XIX в. судебная власть Российской империи была возвышена, появился «суд гласный, скорый, правый, равный для всех» [13. С. 50], начался «золотой век» российского судопроизводства, охватывающий период с 1864 по 1917 г., характеризующийся четким законодательным отграничением гражданского процесса от уголовного, построением процесса на принципах, актуальных до настоящего времени, и формированием целостной системы источников (форм) гражданского процессуального права.

Законодательно новые правила судопроизводства по гражданским делам были закреплены в Уставе гражданского судопроизводства (УГС) 1864 г., который, утвердив в качестве основных начал (принципов) правосудия состязательность, диспозитивность, непосредственность, устность, гласность и непрерывность, по оценкам историографов и правоведов являлся одним из наиболее совершенных европейских процессуальных кодексов того периода.

Следует отметить, что при работе над УГС в качестве образца использовалось французское судопроизводство, однако составители и редакторы УГС не пошли по пути его слепого копирования, а дополняли передовыми положениями прусского и австрийского процесса, критически их перерабатывая. Так, в УГС не были включены положения, бесспорно являвшиеся крупными недостатками французского *Code de procedure civile*, например о тайном допросе свидетелей [16. С. 29–31, 40]. Создатели УГС также постарались учесть и региональную специфику, существовавшую в Российской империи – пятая его книга была посвящена судопроизводству в Закавказском крае, в губерниях Варшавского судебного округа и прибалтийских губерниях [17. С. 6], которое отличалось от общероссийского.

Говоря об источниках гражданского процессуального права дореволюционной России конца XIX – начала XX в. как форме права, обратимся к трудам Е.В. Васильковского, который выделял четыре современных ему вида источников: закон, правовой обычай, обязательные постановления, а также судебную практику. При этом ученый отмечал, что первенствующее положение в системе источников процессуального права занимают законодательные нормы, поскольку как устройство судебных учреждений, так и их деятельность регламентируются главным образом законами. Нормы же иных категорий, такие как постановления высших органов судебного управления и самих судов, а также судебная практика могут применяться только в рамках развития и дополнения законодательной системы [15. С. 6–19].

Гражданское процессуальное законодательство дореволюционной России не ограничивалось лишь принятым в 1864 г. УГС и представляло собой комплексную систему, охватывающую различные актуальные аспекты правового регулирования. К источникам гражданского процессуального права относились также и иные нормативные правовые акты, в частности принятые после создания новых органов низовой юстиции (земские начальники, городские судьи): «Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г.», «Правила об устройстве судебной части и о производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г.» и т.д., которыми были установлены и законодательно закреплены особые правила производства дел этими органами. Позднее состав источников гражданского процессуального права дополнился Временными правилами о волостном суде от 15 июня 1912 г. и Положением от 26 июня 1913 г. «О введении в действие Закона 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда», которыми отдельно регулировалось производство в волостных судах различных регионов Российской империи [15. С. 10–12].

Однако законы не могли урегулировать все детали и подробности судопроизводства, поэтому в Российской империи существовал такой вспомогательный источник гражданского процессуального права, как обязательные постановления, которые не могли противоречить закону и издавались судебным ведомством и министром юстиции. Суды принимали указы и инструкции, в которых самостоятельно устанавливали правила внутреннего распорядка и делопроизводства. Министр юстиции мог в некоторых случаях изменять эти правила, а также устанавливать некоторые детали судебной процедуры, в первую очередь касающиеся финансовых аспектов судопроизводства (например, правил приема, расходования и хранения денежных сумм) [Там же. С. 17–18]. Обязательные постановления способствовали достижению точности и детальности процессуальных норм, четкости требований и определенности правил, выступали гарантами равенства сторон в процессе и объективности судебной власти, обеспечивали четкое закрепление отдельных правовых моментов, имеющих значение для эффективного отправления правосудия.

Довольно своеобразным источником гражданского процессуального права в дореволюционной России выступал правовой обычай. К концу XIX в. в России была сформирована оригинальная правовая система, в которой наряду с позитивным (государственным) правом на практике сосуществовали системы обычного права, свойственные крестьянским общинам и инородческим народам окраин со специфическими, но локально эффективными институтами. В случаях, «положительно не разрешаемых законами», мировой судья мог по просьбе одной или обеих сторон руководствоваться общеизвестными местными обычаями [12. С. 28].

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что правовой обычай может выступать в качестве формы (источника) права только в случае его обеспечения принудительной силой государства: «Исполнительные агенты власти или приме-

няют, или не применяют эти обычаи в зависимости от указаний государственной власти и тем передвигают их в область права или оставляют вне права» [18. С. 371]. Хотя действующим законодательством того периода лишь в весьма ограниченном ряде случаев были напрямую указаны отношения, определяемые по обычаю, таковые все же имели место. Так, дела о наследовании у коренного населения Сибири, крестьян и колонистов регламентировались правовым обычаем, а не законом. Вплоть до принятия в 1912 г. «Положения о волостном суде от 15 июня 1912 г.» в инородческом, волостном и станичном судах правовой обычай в значительной степени замещал собой закон, будучи применяемым исключительно к делам, ведомственным данным судам. В остальных же судах обычай выступал лишь вспомогательным источником процессуального права, т.е. его применение было допустимо в случаях, не регламентированных напрямую законом, при этом в обязательном порядке судом должна была быть получена ссылка одной или обеих сторон тяжбы на данный обычай, судья же правом применять локальные обычаи по собственной инициативе наделен не был [19. С. 13–14].

А.Х. Гольмстен, говоря о существовании гражданско-процессуального обычного права, выделял в нем обычаи самостоятельные и вспомогательные. Под первыми он понимал собственно обычай как источник права, заменяющий собой отсутствующий закон и применявшийся в волостном суде, под вторыми – результат истолкования закона, цель которого – дополнение имеющегося закона, восполнение в нем пробелов. Вспомогательный обычай касался внутреннего распорядка и организации делопроизводства в судебных учреждениях, оформлялся распоряжениями председателя суда, постановлениями распорядительных заседаний суда, частными определениями и решениями кассационного департамента Сената по процессуальным вопросам и, прежде всего, наказами судебным местам. Наказы, составляемые каждым судебным учреждением, представляли собой совокупность административных правил и обычно-правовых норм, выработанных практикой этого суда, и подлежали утверждению министерством юстиции [17. С. 16–17]. Таким образом, А.Х. Гольмстен, на наш взгляд, необоснованно смешивал обычай, судебную практику и обязательные постановления.

Иной и, по нашему мнению, более верный взгляд на проблему существования гражданско-процессуального обычного права высказывал В.Е. Васильковский, который отмечал, что наряду с обычным правом в классическом понимании этого термина существовали также так называемые судебные обычаи (*usus fori*) – практика, установившаяся в каком-либо определенном суде, т.е. четко разграничивал эти правовые явления. Существенное различие между обычным правом и судебным обычаем, по его мнению, заключается в том, что обычное право выступает самостоятельным источником права, замещающим для конкретного круга отношений законодательные предписания, в то время как судебная практика (судебный обычай) заключается лишь в развитии правовых норм и установлении способа их применения. Соответственно, «норма» обычного права может

подлежать отмене или замене исключительно «нормой» обычного же права или законом, а судебный обычай (*usus fori*) изменяется как самим судом, в случае если он приходит к убеждению, что в его основании лежит неверное понимание закона, так и высшими судебными инстанциями, что свидетельствует о существенном влиянии на *usus fori* субъективных факторов [15. С. 17]. Правовая природа данного источника проистекала из законодательно закрепленного свойства обязательности разъяснений Сената, даваемых при разрешении дел в кассационном порядке, для всех судебных учреждений, подведомственных ему.

Значение судебной практики (судебного обычая) как вспомогательного источника процессуального права в дореволюционной России заключалось в достижении единообразия в толковании и применении законов. Судебная практика занимала в правовой системе Российской империи место, сходное с местом, которые занимают в современной российской правовой системе акты толкования права, издаваемые высшими судебными органами Российской Федерации.

Подводя итог, отметим, что к концу XIX в. система источников российского гражданского процессуального права приобрела достаточно устойчивую форму, во многом близкую современной. Основным формально-юридическим источником права в Российской империи являлись действующее законодательство, а также обязательные постановления высших органов судебного управления. Вспомогательными источниками выступали судебная практика и правовой обычай. В данный период также было положено начало дискуссии о корректности термина «источник права», получившей активное развитие в последующие годы. Авторы ныне действующего ГПК РФ убедительно обосновали целесообразность возрождения отдельных институтов гражданского процесса необходимостью использования положительного опыта дореволюционного гражданского судопроизводства [20. С. 7–8]. Таким образом, ныне существующее гражданское процессуальное право имеет в числе своих источников (в смысле ресурса заимствования и материалов, положенных в его основу) и Устав гражданского судопроизводства 1864 г.

Литература

1. Костин С.П. Развитие гражданского процессуального законодательства Российской империи во второй половине XIX века: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 158 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. 1: Курс Русской истории. М. : Мысль, 1987. 432 с.
3. История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М. : Норма, 2016. Т. 1. 640 с.
4. Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 167 с.
5. Юшков С.В. История государства и права СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 767 с.

6. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М. : Мысль, 1996. 827 с.
7. *Ефремова Н.Н.* Понятие и виды источников (форм) российского права в XVIII – первой трети XIX века (до полной систематизации законодательства) // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 15–20.
8. *Юртаева Е.А.* История законотворчества в России (XVIII – начало XX в.). М. : Юрлитинформ, 2012. 723 с.
9. *Омельченко О.А.* Власть и закон в России XVIII века: исследования и очерки. М. : МГИУ, 2004. 604 с.
10. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX ст.). 2-е изд. СПб. : Типография Монтвида, 1909. 654 с.
11. *Тарасов В.Н.* Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864–1923 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 200 с.
12. *Яблочков Т.М.* Учебник Русского Гражданского Судопроизводства. Ярославль : Книгоиздательство И.К. Гассанова, 1912. 326 с.
13. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. 624 с.
14. *Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов : в 2 т. Т. I: Устав гражданского судопроизводства* / под ред. Е.А. Борисовой. М. : Юстицинформ, 2014. 544 с.
15. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1914. 582 с.
16. *Нефедьев Е.А.* Учебник Русского Гражданского Судопроизводства. М. : Типография Императорского Московского университета, 1902. 402 с.
17. *Гольмстен А.Х.* Учебник Русского Гражданского Судопроизводства. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1885. 334 с.
18. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М. : Издательство Бр. Башмаковых, 1910. Т. 2. 698 с.
19. *Кочетыгова Н.И.* Правовой обычай как источник права России (на примере этнического обычая) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
20. *Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г. – 20 ноября 2014 г.)* : сб. науч. ст. / под ред. Д.Я. Малешина. М. : Статут, 2014. 128 с.

Samsonov Nikolay V., Rostov branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation)

SOURCES OF CIVIL PROCEDURAL LAW IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Keywords: civil procedural law; source of law; judicial practice; court precedent; history of the civil process.

DOI: 10.17223/22253513/27/14

The subject of the research of the article includes:

- legislative acts that had regulated the civil proceedings in Russia until the revolution of 1917;
- the ideas of Russian scientists of the pre-revolutionary period concerning the conception of the sources of Russian civil procedural law and the structure of its system.

The research solves several tasks:

- it defines the structure of the system of the sources of Russian civil procedural law and the level of development of the procedural legislation of each stage of the evolution of the proceedings in the pre-revolutionary Russia;

- it gives a critical analysis of the interpretations of the scientific category "source of law" that had existed in Russian pre-revolutionary juridical science;

- it defines the place and the significance of such sources of civil procedural law as the legal custom and the court precedent during different stages of development of Russian jurisdiction.

The methodological basis of the research is the dialectical method that presumes omnitude, objectivity and the interconnection of the phenomena under analysis. The author also used such methods as system-oriented analysis, comparative research, formal logical and historical-legal analysis, formal legal method and the method of legal comparison, and the etatism version of the method of legal positivism.

The empirical basis of the work includes the texts of the legislative acts of the period under review, in particular the Court Statutes of the Russian Empire, 1864. It also includes the works of such scholars of civil procedural law as E.V. Vaskovskiy, G.F. Shershenevich, T.M. Yablochkov and others, published before the revolution of 1917.

The author formulates the following conclusions:

In the pre-Petrine Russia the court precedent and the legal custom were parts of the system of the sources of the procedural law as well as the legislative acts. Historically the first form of law was the court precedent.

In Petrine Russia the idea of the power of the state as the only legitimate source of law became clearly formulated. The sources of law in the meaning of the law-creating force were the legislative acts.

After the reform of the court proceedings in 1864, the obligatory resolutions of the judges and the Ministry of Justice formed part of the system of the sources of law in Russia, although the applicable legislation remained to be the main source of law. The legal custom and the judicial practice were the additional sources of law. The role of the judicial practice was similar to the role of the acts of interpretation of law produced by the highest judicial bodies of the Russian Federation nowadays. By the end of the XIX century, the system of Russian civil procedural law had acquired a sustainable form, very similar to the modern one.

The applicable Russian civil procedural legislation includes the Statute of Civil Legal Proceedings among its sources (in the meaning of the resource of adoption and materials used as its basis).

References

1. Kostin, S.P. (2009) *Razvitie grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka: istoriko-pravovoe issledovanie* [The development of civil procedural legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th century: historical and legal research]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
3. Ershov, V.V. & Strykh, V.M. (2016) *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t.* [The history of the court and justice in Russia: in 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Norma.
4. Agafonov, A.V. (2006) *Proiskhozhdenie i istochniki drevnerusskogo prava* [Origin and sources of Old Russian law]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Yushkov, S.V. (1947) *Istoriya gosudarstva i prava SSSR* [History of the State and Law of the USSR]. 2nd ed. Moscow: Ministry of Justice, USSR.
6. Uspenskiy, F.I. (1996) *Istoriya Vizantiyskoy imperii. VI–IX vv.* [History of the Byzantine Empire. The 6th – 9th centuries]. Moscow: Mysl'.
7. Efremova, N.N. (2016) *Ponyatie i vidy istochnikov (form) rossiyskogo prava v XVIII – pervoy treti XIX veka (do polnoy sistematizatsii zakonodatel'stva)* [The concept and types of sources (forms) of Russian law in the 18th – first third of the 19th centuries (before the complete systematisation of legislation)]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 15–20.

8. Yurtaeva, E.A. (2012) *Istoriya zakonotvorchestva v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [History of lawmaking in Russia (the 18th – early 20th centuries)]. Moscow: Yurlitinform.
9. Omelchenko, O.A. (2004) *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka: issledovaniya i ocherki* [Power and Law in Russia in the 18th Century: Studies and Essays]. Moscow: Moscow State University.
10. Latkin, V.N. (1909) *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII–XIX st.)* [Textbook of the history of Russian law during the period of the empire (the 18th – 19th centuries)]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Montvida.
11. Tarasov, V.N. (2015) *Preemstvennost' i traditsii v rossiyskom grazhdanskom sudoproizvodstve v 1864–1923 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Continuity and tradition in the Russian civilian proceedings in 1864–1923. (historical and legal research)]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Yablochkov, T.M. (1912) *Uchebnik" Russkago Grazhdanskago Sudoproizvodstva* [The Textbook of Russian Civil Court Proceedings]. Yaroslavl: Knigoizdatel'stvo I.K. Gasanova.
13. Vaskovskiy, E.V. (2016) *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deystviya* [Civil process: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions]. Moscow: Statut.
14. Borisova, E.A. (ed.) (2014) *Velikaya reforma: K 150-letiyu Sudebnykh ustavov: v 2 t.* [The Great Reform: Towards the 150th Anniversary of the Judicial Charters: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yustitsinform.
15. Vaskovskiy, E.V. (1914) *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Process]. Moscow: Br. Bashmakovy.
16. Nefedev, E.A. (1902) *Uchebnik" Russkago Grazhdanskago Sudoproizvodstva* [The Textbook of Russian Civil Court Proceedings]. Moscow: Imperial Moscow University.
17. Golmsten, A.Kh. (1885) *Uchebnik" Russkago Grazhdanskago Sudoproizvodstva* [The Textbook of Russian Civil Court Proceedings]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
18. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 2. Moscow: Br. Bashmakovy.
19. Kochetygova, N.I. (2007) *Pravovoy obychay kak istochnik prava Rossii (na primere etnicheskogo obychaya)* [Legal custom as the source of Russian law (a case study of ethnic customs)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
20. Maleshin, D.Ya. (ed.) (2014) *Sudebnye ustavy Rossiyskoy imperii 1864 goda: vliyaniye na sovremennoye zakonodatel'stvo Litvy, Pol'shi, Rossii, Ukrainy, Finlyandii* [Judicial Regulations of the Russian Empire of 1864: Influence on the Modern Legislation of Lithuania, Poland, Russia, Ukraine, Finland]. Moscow: Statut.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Александр Сергеевич – доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону).

E-mail: modusoperandi@yandex.ru

АНИСИМОВ Алексей Павлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

E-mail: anisimovap@mail.ru

ГЕЙМБУХ Надежда Генриховна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: nadgeym@mail.ru

ДЕМИДОВ Николай Вольтович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета; доцент кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

E-mail: fra_nickolas@list.ru

ИВАНОВ Игорь Владимирович – старший преподаватель кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: iiv500@mail.ru

ЛИПОВСКИХ Наталья Владимировна – аспирант кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, специалист по учебно-методической работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: loykon@rambler.ru

МЕЛЮХАНОВА Евгения Евгеньевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург).

E-mail: melyukhanova@list.ru

ОВЧИННИКОВА Олеся Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России.

E-mail: olesya901@mail.ru

ОНДАР Долаана Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: dolaana-91@mail.ru

ПЛАКСИНА Татьяна Алексеевна – доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул).

E-mail: plaksinata@yandex.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета.

E-mail: krim_tsu@mail.ru;

САМСОНОВ Николай Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: nsamsonov@yandex.ru

СВИРИДОВ Михаил Константинович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: sviridov@ui.tsu.ru; sviridov.miy2017@yandex.ru

СОРОКИНА Анастасия Владиславовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

E-mail: sorokina_av14@mail.ru

ШАГАНЯН Аннета Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России.

E-mail: sha-anneta@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефон: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81

Факс: 8 (382-2) 52-98-68

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2018. № 27

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.А. Скок
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.03.2018 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,5; усл. печ. л. 12,3. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 3080.

Дата выхода в свет 10.04.2018 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru